

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
Снеговой
2•2001

**ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРЫ В РУССКОЙ АРКТИКЕ * НАТАЛЬЯ ИГНАТОВА
«СКАЗКА О ЛЮБВИ» * АНДРЕЙ ЩУПОВ: ДЕМОКРАТИЯ И ФАНТАСТИКА *
ЧЕЛОВЕК В ЭКСТРЕМАЛЕ * ПЕЙНТБОЛ: МУЖСКИЕ ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ**

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Камень Омутной

После знаменитого на Чусовой Кашкинского переката на правом берегу — камень Омутной. Камень оправдывает свое название: Чусовая под ним имеет замедленное течение и большую глубину. У воды в камне чернеет отверстие пещеры. Влево от камня у самой воды из-под скалы бьет родник с необыкновенно чистой студеной водой. В половодье камень Омутной, подпирая воду, образует довольно сильную струю, бросающую суда на расположенные внизу по реке камни. Был случай, что около Омутного разбились одна за другой три барки. Затонув ниже камня, они загородили дорогу другим. Весь караван был из-за этого остановлен, и только новая прибыль воды дала ему возможность пройти поверх затонувших барок.

Сейчас ни пристани, ни деревни Кашки нет.

Продолжение на третьей странице обложки.

Камень Омутной. Фото Евгения САВЕНКО

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

2 2001

Николай ВЕХОВ
Инна ПЕШКОВА
Василий ЖУРАВЛЕВ
Любовь ЛАЖЕНЦЕВА
Юрий ВЛАДИМИРОВ
Сергей УСТЮГОВ
Анна ЛЕБЕДЕВА
Татьяна ЛИХАЧЕВСКАЯ

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-28

Наталья ИГНАТОВА
Василина КУКАРКИНА
Андрей ЩУПОВ

АЭЛИТА

СТР. 29-58

Евгений КОРОСТЕЛЕВ
А. ПОСНЯКОВ
Сергей СМИРНОВ

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 59-79

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЬП-ПРОЕКТ «ЛАТОК — III ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ»

Цель проекта: первое в мире восхождение на пик Латок-III (6946 м, Каракорум, Пакистан) по центру 2000-метровой Западной стены.

Организаторы проекта: Свердловский Облспорткомитет, Общественный спортивный фонд «Альп-Спорт», Клуб альпинистов г.Екатеринбурга.

Сроки проведения: июнь 2001 года.

Пик Латок-III (6946 м), входящий в группу Латок в Каракоруме, известен своей грандиозной 2000-метровой Западной стеной — одной из немногих стен в мире категории «Big Wall», оставшихся не пройденными к началу III тысячелетия.

Летом 1998 года очень сильная американская команда смогла подняться по этой стене только до 6000 м, после чего вынуждена была отступить. В июне 2000 года эту стену пыталась покорить сильнейшая русская команда из альпинистов Санкт-Петербурга, Ростова и Омска, но также была вынуждена отказать от восхождения. На вершину существует единственный маршрут по юго-восточному ребру, по которому за всю историю альпинизма смогли подняться только две команды.

Команда альпинистов Екатеринбург поставила перед собой целью летом 2001 года проложить новый маршрут по центру Западной стены. Восхождение планируется совершить в альпийском стиле, силами небольшой команды. Две-три недели группа альпинистов будет ночевать на специальной платформе, подвешиваемой к стене, каждый день прокладывая дорогу вверх.

Костяк команды составляет связка «Александр Кленов — Михаил Дэви». Оба — мастера спорта международного класса, многократные чемпионы и призеры СССР и России, на сегодняшний день делящие первое место в рейтинге лучших российских альпинистов в техническом классе. Оба они имеют в активе более 25 протяженных (более километра по вертикали) маршрутов высшей категории сложности. Среди них — 10 первопрохождений в горах Памиро-Алая, в Альпах, Гималаях и Каракоруме, в том числе такие широко представленные в средствах массовой информации проекты, как восхождения на пик Талай Сагар в мае 1999 года и на пик Спантик в июне 2000 года.

Организаторы и участники проекта обращаются ко всем заинтересованным лицам с предложением принять участие в финансовом и материальном обеспечении экспедиции на взаимовыгодной основе.

Контактные телефоны:

(3432) 75-86-43, 49-51-64 —

Михаил Дэви;

(3432) 51-38-82, 12-26-46 —

Александр Кленов.

E-mail: davy@emts.ru, klenov@mail.utk.ru

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 4
Николай ВЕХОВ «Миссионеры в русской Арктике»	стр. 5
Инна ПЕШКОВА «Скульптор Канаев и его школа»	стр. 14
Василий ЖУРАВЛЕВ «Знаменитости о русской бане»	стр. 16
Любовь ЛАЖЕНЦЕВА «Дело о четырех самородках»	стр. 19
Юрий ВЛАДИМИРОВ «В речке Талице студеная вода»	стр. 20
Сергей УСТЮГОВ. Рассказы	стр. 23
Анна ЛЕБЕДЕВА, Татьяна ЛИХАЧЕВСКАЯ. Поэзия	стр. 28

Листаю страницы журнала...

Ученый и исследователь Николай Вехов неустанно ищет первоначальные следы цивилизации в суровой Арктике (см. также его очерк в «УС» № 3, 2000 г.). Екатеринбургская Инна Пешкова с завидным постоянством тоже ищет, собирает и открывает нам красоту, которую таит в себе уральское железо — не одна уже книга написана ею. Ветеран-гидролог Юрий Владимирович вдруг обнаруживает для себя и для нас еще не задетую человеком первозданность таежной речки... Странно, или наоборот не странно, а естественно, что любой культурно-исторический поиск направлен на то, чтобы изменить мир для людей, увидеть его красивым. Не украсить мишурой, а усложнить найденной молекулой истины — чтобы красота работала на познание, а познание — на красоту.

Если в мире соседствуют добро и зло, то выходит, что наш краеведческий поиск объективно принадлежит к области добра. Он, как маленький луч фонарика во тьме, противопоставлен злу.

Истина, в чем бы она ни заключалась, все равно прекрасна, и приближение к ней окрыляет. Именно приближение, движение, а не сама истина. Ибо что такое истина, как не иллюзия ее? Вот мы нашли то, что искали, вот вождевленное у нас в руках. И сразу становится скучно, оказывается, что найденное — это лишь малюсенький шаг к истине, а не сама она. Тотчас жаждетсЯ опять движения.

«Вера. Искусство. Природа — в чем наше спасение?» — то и дело вопрошаем мы. Праздный пожалуй что вопрос. Спасает не «что», а «как». Каждый ищет спасения там, где «потерял», и находя, или приближаясь, продлевает жизнь, то есть свое спасение.

Юлий ГОРБУНОВ

Гренландия ежегодно отмечает годовщину открытия этого самого большого на Земле острова. В последнюю годовщину из Исландии прибыл парусник — точная копия корабля викинга Эрика Рыжего, который в IX веке высадился на неизвестном берегу и основал первое поселение. Современной деревянной ладьей управлял Гуннар Эйгертссон, который считает себя прямым потомком Эрика.

Это — страница, повествующая об открытии Эриком Рыжим Гренландии

Работники экологического предприятия «Озеро Шарташ», проводившие работы по рекультивации земель южного берега озера, стали обладателями уникальной находки. На одном из валунов так называемой озерной морены они обнаружили хорошо сохранившийся наскальный рисунок, выполненный рукой доисторического человека. Наш предок изобразил на поверхности скальной плиты медведя. Поражает схожесть и динамика изображения, дошедшего до нас из периода неолита.

Многие люди, которые глубоко переживают судьбы литературных героев, задаются вопросом: где похоронена, скажем, Анна Каренина или Дориан Грей? В Италии в одном из пьемонтских лесов есть кладбище, каждая могила которого носит имя персонажа книги или кинофильма. Создатель столь необычной обители Франко Ферреро говорит, что она создана для того, чтобы увековечить персонажей, придуманных писателями и режиссерами, тех персонажей, которые погибли в ходе повествования и не были достойно погребены. С каждым годом число мемориальных камней здесь увеличивается вдвое.

Научно подтверждено, что древнеегипетская царица Клеопатра была не только прекрасна, но и образованна. В берлинском Египетском музее был представлен уникальный исторический документ — единственный в мире автограф Клеопатры. Это подписанный рукой могущественной царицы приказ на древнем папирусе, датированном экспертами 33-м годом до Рождества Христова. Текст подписи гласит: «Да будет так». Голландский ученый Петер ван Миннен сказал на презентации документа, что в подлинности автографа сомневаться не приходится.

Палеонтологи феррарского и миланского университетов нашли «портрет» шамана, нарисованный красной охрой 35 тысяч лет назад. Это один из самых древних доисторических рисунков и самый древний «портрет» колдуня времен палеолита. Фигурка высотой всего 18 сантиметров нарисована на каменном обломке, раскопанном в пещере в местечке Фумане в Лессинских горах на севере Италии. Другие раскопки свидетельствуют, что еще 80 тысяч лет назад здесь было поселение неандертальца, которое затем примерно 30 тысяч лет назад перешло во владение человека, который анатомически схож с современным.

Николай ВЕХОВ, г. Москва

Миссионеры в русской Арктике

Бескрайние просторы тундр вдоль Баренцева моря и прибрежные острова практически до начала XX века заселяли только самоеды (ненцы)-кочевники. По вероисповеданию они были язычниками, а по образу жизни — охотниками и лучше других народов европейской России были приспособлены к жизни в суровых арктических условиях. Русское население проживало только в городе-крепости Пустозерске в низовьях реки Печоры, основанном более 500 лет назад для охраны северных рубежей России от набегов «инородцев», да в некоторых, расположенных поблизости, под его защитой, деревнях и селах. Лишь в конце XIX — начале XX веков архангельские губернские власти при государственной поддержке начали колонизацию Северного края с целью вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов огромной территории, протянувшейся от Белого моря до Урала. На полуострове Канин, по восточным берегам Белого моря были организованы первые становища, которые заселялись как ненцами, так и поморами. Все угодья были поделены на охотничье-промысловые и рыболовные участки, районы выпаса оленей, которые, как и олени пастбища, нередко переходили по наследству, и здесь промышляли семейные русские артели. Места на бескрайних просторах Севера хватало всем, и поморы мирно уживались с ненцами. Охотники перенимали друг у друга охотничьи и рыбацкие приемы, отдельные элементы бытовой и строительной культуры.

Постепенно становища разрослись, на их месте возникли деревни и села. Так здесь появились и существуют до настоящего времени Несь, Чижа, Ома, Пеша и другие.

В первой трети XIX века усилиями архимандрита Вениамина и его последователей началась насильственная христианизация ненцев-язычников. До 1830-х годов было крещено около трех тысяч этих северных «иноверцев». Они не знали русского языка и мало понимали смысл всего происходящего, но тем не менее ненцы, как очень любознательные и обожающие внешне красивые эффекты, приняли православие. Все самоеды были наречены русскими именами. Священники активно боролись с идолопоклонничеством: уничтожали существовавшие по несколько столетий святилища, идолов и богов, а на месте бывших святилищ ставили православные кресты.

После обращения ненцев в христианство Русская православная церковь считала своим долгом заботиться о религиозно-нравственном просвещении ненцев и уже не оставляла без своего внимания северных «инородцев».

ОСТРОВ КОЛГУЕВ — ПЕРВЫЙ ОЧАГ ПРАВОСЛАВИЯ

Среди русских промышленников встречались истинные православные, тратившие свои заработанные нелегким трудом деньги на возведение пусть примитивных, но храмов на территории своих охотничьих угодий. Видимо, так в XIX веке возникло первое из ныне достоверно известных в Русской Арктике культовых сооружений — часовня на восточном берегу острова Колгуев, в урочище Становой Шарок. Ее первое описание было сделано английским путешественником и исследователем Обином Треворм-Бетти в 1894 году, совершившим путешествие на остров Колгуев на яхте «Саксонец». Среди стоящих шести строений в урочище часовня занимала одну из трех жилых изб. В этой избе *«передняя служила также для хранения ворвани, а следующая комната представляла собой часовню. В ней висели образа Богородицы и нескольких святых. Перед ними висели лампады без масла, позолота на ризах потемнела от времени и туманов. На полу лежал мешочек с ладаном, пачка свечей, кадила и кучка угля — вот и все убогое убранство часовни. Грустное зрелище. Снаружи ца-*

Остров Колгуев. Самая старая в Русской Арктике часовня в урочище Становой Шарок.

Оригинальный рисунок участников английской экспедиции О. Тревора-Бетти. Восстановлен и подготовлен к печати Л.В. Свободиной

рила еще большая меланхолия. Вокруг часовни расположено кладбище. Ограды нет, одни лишь деревянные покосившиеся кресты с надписями и причудливой резьбой».

Летом 1856 года остров Колгуев впервые посетил причт, прибывший из Пустозерского прихода. Настоящего храма на острове еще не было, и церковные службы устраивались ненцем Семеном в упомянутой выше небольшой часовне становища Становой Шарок. Предприняв позже, в 1869 году, поездку по Колгуеву, этот же причт задумал построить на острове первую церковь. В 1875 году крестьянин-промышленник из селения Великовисочное Пустозерской волости (на Нижней Печоре) Алексей Васильевич Дитяев, имевший на Колгуеве оленье стадо в 15 тысяч голов и уже в течение 40 лет промышленявший здесь, выделил средства на постройку первой на острове церкви. Церковь во имя Всемиловитейшего Спаса была срублена в Тельвисочном приходе, затем разобрана и в таком виде перевезена по морю на Колгуев. 16 августа 1875 года она была доставлена на берег острова и установлена на территории будущего поселка Бугрино. 18 августа церковь освятил отец Михаил Кононов, настоятель Большеземельской самоедской Богоявленской церкви из села Тельвиски. Он же провел и первое богослужение. Это был первый православный храм в Русской Арктике.

Архангельские епархиальные власти ежегодно командировали священников на летние месяцы (июль-август), когда устанавливались благоприятные условия для мореплавания, и сюда устремлялись суда русских купцов.

Архивных данных по истории колгуевской церкви очень мало. Но все же, в Государственном архиве Архангельской области мне удалось отыскать имена священнослужителей, отжившихся в разное время посетить остров. Так, в 1891 году здесь был священник Пустозерского прихода И. Попов, в 1884 и 1894 годах — Павел Таратин, а в 1910 году — Александр Ивановский. Большой вклад в дело воспитания и просвящения колгуевских ненцев внес отец Петр Боголепов, проведенный в 1900-1910 годах не одно лето на острове.

Среди таких подвижников следует назвать священника архангельской тюремной церкви Платона Кулакова. Посетив в 1898 году Колгуев, отец Платон (впоследствии он не раз бывал здесь в 1900-1910 годах) провел осмотр церкви и составил акт о необходимости ее ремонта. В частности, он установил, что требовалось перебрать полы и потолки в алтаре, трапезной и в самой церкви, необходимо было сделать новые двери, все внутренние помещения обить тесом и заменить покрытие крыши. Затраты

на весь ремонт составляли около 170 рублей. Сумма по тому времени немалая. В 1900 году он же участвовал в ремонте церкви.

Священнослужители объезжали остров на оленях и с миссионерской целью посещали ненецкие чумы. Они продолжали искоренять остатки идолопоклонничества. Так, например, Платоном Кулаковым «на одной из священных гор были найдены идола. Два из них представлены были им в Архангельский музей, а остальные были разломлены и разбросаны возчиком-самоедином».

За неимением жилого помещения, священник вместе с псаломщиком нередко селились в самом храме. Иногда здание церкви использовалось русскими промышленниками, как это ни кощунственно звучит, под склад. Так, в 1908 году священник М. Рочев обнаружил сбитые двери, а внутри — хлеб и ящики с патронами. В этом же году церковь сгорела из-за не затушенной псаломщиком свечи. На следующий год на острове был построен причтовый дом, а в 1910-м — новая церковь.

Зимой самоеды, отправляясь на промыслы или по возвращении домой, заходили в храм, молились, ставили свечи и оставляли пожертвования деньгами и вещами. В 1909 году, когда церковь сгорела, они посещали старую часовню. Летом священник обнаружил здесь денег на сумму 91 коп., 30 свечей и лежащую в углу оленью шкуру. Все пожертвования обычно продавались летом посещавшим Колгуев русским промышленникам, а вырученные деньги поступали в ведение существовавшего при колгуевской церкви попечительства. У попечительства, помимо денег, были и олени, пожертвованные ненцами. В 1909 году, например, у попечительства было стадо из 104 оленей, оцененное в 700 рублей.

Летом 1912 года по распоряжению архангельского губернатора С.Д. Бирюкова на остров был командирован первый учитель И. Белозеров. Для занятий с детьми, кроме всего прочего, он привез книги, бумагу, карандаши, ручки, чернила, складную классную доску, а также продукты питания и керосин. Почти два летних месяца, практически ежедневно с 9 утра до 5 вечера в церкви шли школьные занятия.

Духовно-нравственное воспитание самоедов и миссионерская деятельность колгуевской церкви дали о себе знать в тяжелые годы первой мировой войны. Причт Тельвисочного прихода Печорского уезда, командированный на Колгуев летом 1915-го, собрал среди проживавших на острове ненцев и прибывших сюда на промыслы русских-пустозерцев в «пользу воинов действующей армии, на раненых воинов, беженцев и Романовский Комитет» 240 рублей 84 копейки.

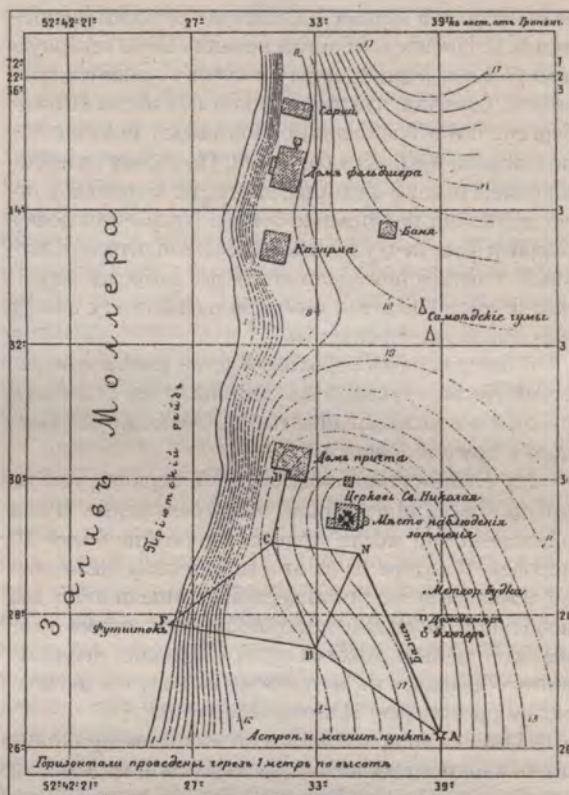
ОТЕЦ ИОНА И КУПЧИХА ШАШКОВА

Следующий по времени очаг православия в Русской Арктике возник на Новой Земле, на ее Южном острове. Здесь, на побережье Моллера, в становище Малые Кармакулы в 1878 году командированный для окончательного «устройства приюта и для наблюдений» Главным Правлением общества спасения на водах поручик корпуса флотских штурманов Е.А. Тягин из здания деревянной «караулки» соорудил для самоедов часовню во имя Святителя и Чудотворца Николая. Она находилась примерно в 100 м к северу от зданий спасательной станции, на холме, и имела небольшие размеры. После отъезда Е.А. Тягина часовню никто не ремонтировал и к 1887 году, когда на остров прибыл иеромонах Иона, на месте часовни «стояли одни голые стены, разрушенные на половину штормами и затем на половину сожженные одичавшими обитателями острова». Хотя пребывание отца Ионы в становище было кратким, он с помощью находившегося здесь писателя К.Д. Носилова и нескольких самоедов подручными средствами поправил часовню. В ней даже был совершен торжественный молебен.

После возвращения отца Ионы в Архангельск архиепископ архангельский и холмогорский Нафанаил II узнал о бедственном положении религиозного просвещения на Новой Земле. «Не желая более оставлять там поселенцев без пастыря и без богослужений, (Нафанаил II. — *Авт.*) командировал туда вновь того же иеромонаха Иону с псаломщиком (Шангиным. — *Авт.*) на зимние месяцы 1887 года и на весенние 1888 года. Кроме того, одновременно с этой командировкой, он возбудил перед Святейшим Синодом ходатайство об учреждении на

Новая Земля. Становище Малые Кармакулы, конец 1870-х годов. Первая на Новой Земле часовня. На рисунке она изображена в левом верхнем углу

План становища Малые Кармакулы на Новой Земле, на котором показано положение новой церкви

Новой Земле постоянного причта из священника и псаломщика, с назначением на причт жалования в размере 1 200 р. в год».

Осенью 1887 года, прибыв сюда со вторым рейсом парохода, отец Иона тотчас же «принялся переделывать часовню в церковь. К 1 октября переделка была окончена, 30 сентября в 6 часов вечера, причтом, в присутствии всего наличного населения колонии, было совершено торжественное всенощное бдение».

После некоторой перестройки церковь стала более просторной, чем часовня. Примерно половину ее внутреннего пространства уже занимал алтарь. Перегородка, разделяющая внутреннее помещение церкви, была обита зеленой материей и уставлена 36 иконами. Алтарь также был драпирован по стенам зеленой материей. Над престолом и жертвенником прибит железный лист, покрытый белым коленкором. Стены алтаря были уставлены 22 иконами. Престол соорудили из соснового дерева.

Забываясь о христианском просвещении своей паствы, отец Иона занимался и обучением ненецких детей русской грамоте. Занятия проводились в духе религиозно-нравственного воспитания. Вместе с

зимовавшим в Малых Кармакулах русским писателем К.Д. Носиловым они основали самую северную в мире в тот период школу и очень гордились этой затеей, отмечая, что таких школ нет ни на Шпицбергене, ни в Гренландии. Под школу вначале использовали комнатку батюшки. На стенах развесили самые разные картины, карты, из заголовков газет вырезали подвижные буквы, выкрасили доску охрой, и даже печку замаскировали вышитыми платками. Учиться пожелали почти все самоеды, взрослые и дети. Писатель Носилов называл эту школу народным университетом.

В июле первым пароходом детей вывезли на настоящую экскурсию в Архангельск, где они были прокзаменованы архипастырем. Он поздравил каждого и вручил подарки.

Население становища росло, и церковь уже не вмещала всех приходящих на богослужение. В ней одновременно могли присутствовать не более 20 человек. В алтаре из-за отсутствия окна было темно; помещение же самой церкви освещали лишь два небольших окна. Для постройки нового храма нужны были деньги. Архимандрит Нафанаил неоднократно обращался к Святейшему Синоду и к московскому протоиерею Платону Капустину.

Наконец, в архангельскую епархию приходит долгожданное сообщение. Телеграммой из Москвы протоиерей Платон Капустин сообщает о том, что необходимые деньги собраны. В архангельскую епархию вместе с перечнем всех благотворителей, «с полной готовностью и любовью в 1888 г. откликнувшихся на помощь святому и полезному делу», пришли и сами пожертвования. На деньги благотворителей были приобретены: Евангелия, кресты на престольные, сосуды для службы, дарохранительницы, кадила, плащаницы, венчальные венцы, подсвечники, хоругви, облачения святого престола и жертвенника, иконы, книги. Среди «пожертвователей»

Становище Малые Кармакулы.
Внешний вид Никольской церкви

были простые граждане и купечество со всей России.

Построенный в Архангельске на благотворительные средства новый деревянный храм 7 июля 1888 года в присутствии архангельского вице-губернатора А.С. Загоскина был освящен епископом архангельским и холмогорским Нафанаилом II, а затем разобран и уложен на судно. В разобранном виде он был доставлен в Малые Кармакулы.

Вот что сообщали по этому поводу «Архангельские епархиальные ведомости»: «По распоряжению преосвященного Нафанаила II с новоустроенной церковью отправившись на Новую Землю церемонах Николаевского Корельского монастыря Прокотий и дьякон кафедрального собора Колчин. Церковь установлена была в 30 сажнях на юго-восток от дома спасательной станции, на склоне холма, между кладбищем и постройками станции. Радостное для всех новоземельских поселенцев торжество освящения новоустроенного храма было совершено 19 сентября 1888 года церемонами Ионой и Прокотием, при немши хора команды парохода «Великий князь Владимир». На церемонию освящения храма из Архангельска специально прибыл директор маяков и лоцши Белого моря П.Ф. Иванов. Это торжество, как и подобное год тому назад, собрало все население Новой Земли».

Новая церковь была с одной главой, обитой железом. «Внутренность здания квадратная. Иконостас в храме устроен из соснового леса, окрашен светло-голубой краской и покрыт лаком. Пиластры и тумбы вызолочены червонным золотом на мардане. Святые иконы в иконостасе, в царских вратах, на горнем месте в алтаре, при жертвеннике, аналойные и другие, числом 16, написаны под греческий стиль, в духе православной церкви».

В целях дальнейшего развития духовного и религиозно-нравственного воспитания новоземельских ненцев архимандрит архангельский и холмогорский Нафанаил II настойчиво добивался перед Святейшим Синодом об открытии на Новой Земле монашеского скита. Указом от 13 февраля 1889 года Святейший Синод разрешил архангельскому епархиальному начальству учредить на архипелаге монашеский скит с тем, чтобы он был приписан к Николаевскому Корельскому монастырю. В течение первых трех лет на содержание новоземельского скита отпущено было 700 рублей, с отнесением сего расхода на счет капитала на распространение православия между «язычниками Империи». Да еще архангельский губернатор А.П. Энгельгардт распорядился выдать 100 рублей «из сумм запасного капитала, образованного на улучшение колонизации новоземельского острова». За скитом закрепили охот-

ничье-промысловые угодья — остров Пуховой, Пуховую губу, озеро Кармакулку и реку Песцовую. Предполагалось, что реализованная церковью продукция промыслов составит существенную статью пополнения финансовых средств на содержание скита.

Для открытия и освящения места для скита на Новую Землю прибыл командированный для этих целей архимандрит Михаило-Архангельского монастыря Ювеналий. 16 июля 1889 года вместе с ним в Малые Кармакулы прибыли и монахи, которые в будущем должны были составить братию вновь учреждаемого скита (один иеродьякон, три послушника, письмоводитель и повар). Настоятелем скита был назначен отец Иона. За неимением своего помещения братия расположилась в здании спасательной станции, в помещении, в котором в прежние годы жили отец Иона с псаломщиком. Но жизнь скита была очень тяжелой. В период суровой и продолжительной зимовки на этом арктическом острове заболел цингой и скончался повар. Все по той же причине, из-за отсутствия собственного помещения и нормальных условий проживания братства, после зимовки в 1890 году все они были вывезены на материк.

Летом их сменил иеромонах Прокопий, а осенью вновь возвратился отец Иона. Архимандрит Александр, сменивший в 1890 году на посту архиепископа архангельского и холмогорского Нафанаила II, первым делом обратил свое внимание на просвещение новоземельских ненцев. Он добился у Святейшего Синода средств на постройку причтового дома и ежегодных ассигнований на содержание скита. Срубленный в Архангельске новый дом из 6 комнат был доставлен на Новую Землю. В 1894 году архангельский губернатор А.П. Энгельгардт на пароходе «Ломоносов» посетил Новую Землю и привез с собой в Малые Кармакулы в разобранном виде тоже шестикомнатный дом для новой школы и проживания отца Ионы и псаломщика. Школу оснастили библиотекой, учебными пособиями, географическими картами и глобусом.

Немалая заслуга в развитии миссионерской деятельности на Новой Земле принадлежит преемнику архимандрита Александра — епископу Никанору, возглавившему епархию 18 июля 1893 года. Уроженец Астраханской губернии, бывший учитель Казанской учительской семинарии и председатель миссионерского братства Святого Гурия, Никанор был миссионером по духу. Отправляя летом отца Иону после лечения в Архангельске на зимовку в Малые Кармакулы, Никанор дал ему много конкретных и полезных советов по улучшению и расширению своей благородной миссионер-

ской деятельности, снабдил своими личными книгами и предметами для церковной деятельности. Архиепископ распорядился о снабжении в будущем церковной новоземельской школы книгами, учебными пособиями и принадлежностями из архангельского епархиального училищного совета. Он поручил также отцу Ионе вместе с послушником составить краткий словарь наиболее употребительных в обиходе и самых важных в молитвах ненецких слов, а также перевести на ненецкий язык две-три молитвы. Поскольку отец Иона за время своего проживания на Новой Земле в совершенстве овладел ненецким языком, он выполнил этот наказ Никанора и проводил богослужения преимущественно на ненецком языке.

Иеромонах Иона, произведенный впоследствии в сан игумена, оставил неизгладимый след в культурно-нравственном и религиозном воспитании ненецких переселенцев на Новой Земле. Он находился в Малых Кармакулах с 1887 по 1899 годы, в самые тяжелые для островитян времена года — с осени до весны, вместе с ненцами мужественно переносил все тяготы зимовок. По тем временам это был выдающийся человеческий подвиг. Примеров столь длительного пребывания на зимовках на арктическом острове с его трехмесячной полярной ночью, низкими температурами, многодневными метелями и ураганами, однообразной пищей и т.п. в мало приспособленных помещениях, да еще с соблюдением постов, до сих пор нет.

Ненцы и по прошествии многих лет, уже после его отъезда с Новой Земли, помнили своего «ласкового, доброго батюску Иону».

При отсутствии других храмов на архипелаге отец Иона ежегодно по несколько раз объезжал чумы и становища на Южном острове на собачьих упряжках, двигаясь вдоль побережья или пересекая его через горы и скалы. Часто во время таких поез-

Иконостас Никольской церкви в становище Малые Кармакулы

док ему приходилось по несколько дней пережить пургу, зарывшись в сугроб. В становищах отец Иона жил вместе с ненцами в их чумах. Богослужения и духовно-религиозные беседы с ненцами, отправление треб проводились тут же в чумах или даже на свежем воздухе.

Из-за суровой зимы, буранов и метелей, длительных морозов и поразительной бедности переселенные сюда самоеды не всегда могли вести удачные промыслы. Их семьи постоянно жили впроголодь, дети и взрослые часто умирали от болезней и голода. Поэтому ненцы по старым обычаям своих предков «задабривали своих богов». В тайне от священников они держали в чумах небольших «домашних идолов», устанавливали идолов в жертвенные места по берегам моря и приносили им жертвы, вплоть до человеческих. В 1880-е годы отец Иона часто посещал зимовавших на карском побережье Южного острова Новой Земли ненцев, призывал их к соблюдению норм христианской морали, приучал их к слову божьему и уничтожал идолы.

В июле 1910 года началось строительство становища Ольгинского, самого северного из тогда существовавших на Новой Земле. Для торжественной закладки его сюда прибыли губернатор И.В. Сосновский, заведующий самоедскими колониями на Новой Земле Б.А. Садовский, другие официальные лица, русские крестьяне-переселенцы и артель рабочих. 15 июля, по окончании строительных работ по возведению жилья для будущих колонистов, *«находившимся в числе пароходных пассажиров архимандритом Веркольского монастыря Варсанофием было облужено на берегу, перед воздвигнутым средой обломков шифера крестом, в присутствии должностных лиц, переселенцев, туристов, рабочих и пароходной команды, торжественное молебствие с водосвятием и совершена закладка фундаментов для сооружения здесь зданий — дома и часовни».*

В следующем, 1911 году появилась часовня во имя Николая Чудотворца и в становище Маточкин шар, основанном в 1894 году на берегу Поморской губы.

Известно, что лес для постройки часовни был пожертвован М.А. Кыркаловым. Часовня была очень маленькая. Просуществовала она, видимо, недолго. После 1917 года помещение часовни использовалось для хозяйственных нужд.

Самый последний из известных в Русской Арктике храмов — церковь в становище Белушья Губа — был сооружен в 1912 году. Здание будущей церкви-школы было срублено в Архангельске. Часть средств на строительство церкви были пожертвованы Лужской купчихой А.Д. Шашковой (5 000 рублей), а часть — выделена Училищным Советом при

Архангельской епархии (2 500 рублей). Купчиха Шашкова вообще прониклась идеей просвещения «северных инородцев». Она *«пожертвовала на устройство и содержание пяти церковей-школ для самоедов Архангельской губернии 26 000 рубл. наличными деньгами и несколько каменных лавок на Петербургском Сенном рынке, дающих ежегодной аренды 3 000 р.».*

В 1912 году на Новую Землю в Белушью Губу доставили сруб церкви-школы. Одновременно на пароходе прибыла и артель строителей. Здание церкви-школы поставили примерно в 150-200 метрах от моря. Оно было деревянное, одноэтажное, крытое двойным продороженным тесом. Внутри капитальными стенами разделено на церковь с алтарем, класс, две комнаты для священника, кухню, прихожую, две кладовки, комнату для аптеки и сени. Снаружи все здание покрасили охрой, а изнутри лицевые стены и потолки обили войлоком покрыли штукатуркой.

Училищный Совет Архангельской епархии, его преосвященство архиепископ архангельский и холмогорский Нафанаил II, Ново-Афонское подворье, купчиха Александра Шашкова, ненцы и другие благодотворители пожертвовали большую сумму денег на церковную утварь. Ко дню освящения храма сюда из становища Малые Кармакулы прибыли на собачьих упряжках иеромонах Михаил и несколько ненцев. На праздник освящения церкви собрались все жители Белушья Губы. На память об освящении церкви каждый глава ненецкой семьи получил в дар Библию, а остальные члены семьи — книги духовно-нравственного характера. Книги были пожертвованы архангельским купцом Коржавиным.

С завершением строительства церкви в становище началась новая страница истории Белушья Губы. Здесь открылась церковно-приходская школа. Ее посещали все 10 ребят школьного возраста, дети ненцев-промысловиков, составлявших население становища. Первым учителем школы был отец Иоанн Ковров, с осени обучавший 4 мальчиков и 6 девочек. Школа была в достаточной степени укомплектована наглядными пособиями. Имелись картины Ветхого и Нового Заветов, глобус, географические карты, арифметический ящик, шведские и торговые счеты, компас и разновесы к весам, около 360 экземпляров учебников. Занятия проводились в любую погоду и перерывов в уроках в школе не было.

ХРАМ КУПЧИ СИБИРЯКОВА

В 1885 году на берегу пролива Югорский Шар, в селении Никольское, районе многовековых промыс-

лов архангельских, мезенских и пустозерских поморов и проживания ненцев-кочевников, возник еще один центр русского православия. Здесь на средства мецената, отечественного золотопромышленника и исследователя Сибири, иркутского купца А.М. Сибирякова, покровителя коренных народов Севера, была построена деревянная Никольская церковь. Александр Михайлович принимал самое активное участие в организации и финансировании ряда полярных экспедиций (например, Н.А.Э. Норденшельда на пароходе «Вега», 1878-1880 гг.), изучении и просвещении народностей Крайнего Севера и Сибири.

В храме начались регулярные службы. В последующие годы (например, в 1896 г.) Сибиряков выделял деньги на ремонт церкви. Никольский храм был приписан к Тельвисочному приходу Печорского уезда, причт которой и осуществлял миссионерскую деятельность среди ненцев Югорского Шара и Вайгача.

Сейчас на месте этой церкви ничего нет, она исчезла с лика земли. Но в Государственном архиве Архангельской области сохранилось ее описание. «Здание храма устроено из толстого теса, крыша железная и на ней, на восьмигранном фонаре, устроена глава, завершающаяся шестиконечным деревян-

ным крестом, стены храма снаружи окрашены желтой краской, а крыша и главы зеленые. По внешнему устройству церковь представляет вид звезды восьмиконечной; с восточной стороны пристроен четырехугольный алтарь, а с западной — глухое крыльцо. Размеры храма очень аккуратны и в нем с трудом может поместиться до 40 человек молящихся. Внутри стены храма окрашены масляными белилами, а пол — охрой. В северной и южной стенах храма по одному большому окну, каждое в две рамы, дающие вполне достаточный по величине храма свет; в алтаре тоже два окна и света довольно. Одноярусный иконостас храма — хорошей работы, частью золоченый и частью окрашенный в синий цвет. Царские врата — представляют собою четырехконечный крест с исходящим от середины (крест) сиянием; в них — обильны иконы».

Через 6 лет на берегу Югорского Шара был открыт Успенско-Артемьевский монашеский скит, «причисленный к Никольскому Корельскому монастырю». Предполагалось, что здесь будет устроен постоянно действующий скит. Но из командированных сюда в 1891 году 8 духовных лиц семь — погибли зимой от холода и болезней. Поэтому начальство архангельской епархии решило посылать священников в Никольскую церковь только на период про-

Селение Хабарово (Никольское) на берегу пролива Югорский Шар. Никольская церковь. Картина художника А.А. Борисова «Селение Никольское», 1898, холст на картоне, масло

мыслов, на июнь-сентябрь, когда сюда съезжались ненцы-охотники и русские купцы-промышленники.

Командируемые в Никольскую церковь священники выезжали из Пустозерска, на оленьих упряжках с караванами-аргишами местных купцов в начале апреля — мая. С большими приключениями они пробирались по тундре, вдоль побережья Северного Ледовитого океана, пересекая по льду Хайпудырскую губу, до Никольской церкви. Чтобы поклада, церковное имущество, личные вещи и продукты не промокали, их плотно закупоривали в бочках. Но нередко из-за плохих погодных условий такое путешествие длилось до полутора месяцев, и священники прибывали в Никольскую церковь в середине — конце мая или даже в июне. Были годы, когда из-за ранней весны каравану трудно было переправиться через вздувшиеся реки. Тогда часть багажа намочила, часть — тонула. На переправах тонули и олени. Как возчики, так и священники по многу дней были промокшими до нитки, не могли просушить свою одежду и готовить на костре пищу, ночевали на холодном, проникающем повсюду, ветру. Когда весь снег «съедали» солнце или дождь, олени еле тянули тяжело груженные сани по голой тундре. Пищи животным было мало — трава еще не выросла, а запасов мхов и лишайников не хватало. От голода олени быстро слабели и гибли. Известны случаи, когда из-за распутицы и массового падежа животных аргиши выходили на берег моря, становились лагерем и одного работника посылали за лодкой на Печору. Через две-три недели он возвращался с карбасом и путешествие продолжалось уже по морю, сквозь туманы, напирющие льдины и высо-

кие волны. В конце концов священнослужители достигали своей цели — Никольской церкви.

По пути следования оленьего каравана священнослужители посещали чумы ненцев, интересовались — все ли самоеды крещенные и имеют ли нателные кресты, учили ли их молитвам и послушанию Божьему, совершению обряда венчания (многие самоеды жили в браке не венчанными, имели по нескольку жен). Священники совершали также панихиды и отпевали умерших, крестили новорожденных, служили заказные молебны. Если в пути их заставал светлый праздник Пасхи Христовой, они проводили торжественное богослужение прямо под открытым небом. Самоеды часто обращались к ним за лекарствами и советами.

Приехав в Никольский храм, священники первым делом шли в церковь, благодарили бога и Николая Чудотворца за то, что наконец-то живыми добрались до цели. Потом они готовили баню и отогревались в ней, протапливали и просушивали помещения и оставшийся на зиму инвентарь, ремонтировали повреждения, нанесенные зданиям зимой. На берегах Югорского Шара священники обычно проводили 3-4 месяца и отбывали в обратный путь вместе с осенними караванами пустозерских купцов-промышленников, приезжая в свой приход в октябре. Уезжая из Никольской церкви осенью, священнослужители запирали ее на висячий замок, в целях сохранности имущества (недопущения плесени, намокания и т.д.) вывозили его и чаще всего сдавали на хранение в Куйскую или Тельвисочную церкви Печорского уезда.

К началу 1910-х годов, построенная на средства

А.М.Сибирякова, церковь постепенно обветшала. Посетивший ее в 1911 году псаломщик Герман Игумнов повествует: «...недалеко от церкви находится часовня, причисленная к Пустозерскому приходу; по другую сторону церкви — причтовый дом, далее казенный амбар, пожертвованный Сибиряковым для Югорской церкви». Он сообщил о плачевном состоянии Никольской церкви. Плахи, из которых сложено здание, по углам разъехались, и из щелей падает засыпка, в рамах еще сохраняются

Олений караван-аргиш на привале. На таких «оленьих поездах» священники передвигались по тундре вместе с пустозерскими купцами.

Картина А.А. Борисова «Олени на привале в Большеземельской тундре», 1898, холст, масло

цветные стекла, но крыша прогнила и дождевая вода заливает пол. Кроме того, море постепенно подступало к зданию храма.

В 1914 году командированные в Никольскую церковь священник Геннадий Юрьев и псаломщик Герман Игумнов покинули Тельвисочный приход в апреле и по традиционному пути вместе с ненцами и русскими промышленниками отправились к Югорскому Шару. По пути на север священник посещал все чумы, совершал богослужения и исполнял требы. Но, в отличие от своих предшественников, отец Геннадий Юрьев, не заезжая в селение Никольское, сразу отправился на остров Вайгач, переехав пролив по льду. Он стремился посетить как ненецкие чумы, так и первых постоянных жителей Вайгача. С окончанием строительства радиостанции (1915 год) на острове, на побережье пролива Карские Ворота уже стали жить люди. На оленьих упряжках священник добрался до радиостанции, побывал у ее сотрудников, а затем объехал все ненецкие чумы. Лишь 10 июля отец Геннадий Юрьев попал в Никольское. Псаломщик же, ранее изменивший маршрут, оказался в Никольском намного раньше. В отсутствие священника, он уже проводил занятия с ненецкими детьми. Причт оставался на берегу Югорского Шара почти два месяца, «совершая богослужения в местном храме и требы у самоедов, проживавших неподалеку и приезжавших из тундр».

После отъезда псаломщика, отец Геннадий первым из священников добровольно остался на зимовку и провел ее на острове Вайгач. На радиостанции ему была выделена отдельная комната, а в другом помещении устроили домашнюю церковь. *«Лучшую комнату чиновники уступили для домашней церкви, Ф.Я. Принцев (работник радиостанции. — Авт.) сделал легкий подсвечник. За ним вообще установились обязанности церковного старосты и пономаря. А.А. Доступов (заведующий радиостанцией. — Авт.) исполнял обязанности псаломщика».* С 6 ноября вместе с сотрудниками радиостанции он ежедневно, в течение нескольких часов проводил занятия с самоедскими детьми. Они устроили ненцам торже-

ственную встречу Рождества Христова. *«В самый день праздника было совершено торжественное богослужение. Вместо звона нам служили ракеты, которые вызывали у самоедов крик восторга».* После службы священник с учениками ездил по самоедским чумам славить Христа.

Итак, после начала в 1820-х годах христианизации ненцев на европейской территории России весь ареал их проживания был «в поле зрения» Русской Православной церкви. Но, несмотря на все усилия священнослужителей и их миссионерскую деятельность, сами же они констатировали, что ненцы, хотя и «считались православными христианами, на самом деле оказывались таковыми только по имени, их религиозное сознание оставалось на самой низшей ступени и они нуждались в постоянном руководстве священника-миссионера». До 1920-х годов у ненцев продолжало сохраняться идолопоклонничество — они держали как миниатюрных домашних идолов (размером до 15-30 см), так и тайно в укромных местах организовывали святилища с установкой там поклонных идолов. Хотя священники и призывали «инородцев» к соблюдению норм и принципов христианской морали, ненцы никак не могли привыкнуть к привычному для русского человека оседлому образу жизни, соблюдению санитарно-гигиенических требований, без особой охоты отдавали детей в школу, а самое главное, среди них продолжало распространяться поголовное пьянство. Именно последнее обстоятельство нередко было причиной всякого рода трагических случаев, как во время промыслов, так и в быту.

Зимние чумы самоедов-кочевников. Среди них православные священники вели религиозно-нравственное просвещение.

Картина А.А. Борисова «Ночь в Большеземельской тундре», 1898, холст на картоне, масло

Инна ПЕШКОВА, Екатеринбург

Скульптор Канаев и его школа

Бюст М.Д. Канаева

Среди художников, чье творчество неразрывно связано с художественным литьем уральских Каслей, имя екатеринбуржца Михаила Денисовича Канаева выделяется особо.

Именно он стал в Каслях первым скульптором-профессионалом. Именно его работы отличались на протяжении десятилетий и принадлежат к классическому наследию Каслей.

Отцом скульптора был потомственный екатеринбургский мастер Денис Михайлович Канаев. Владея небольшим одноэтажным домом на Одиарной-Разгуляевской улице (сейчас ул. Гоголя), Денис Канаев решил перестроить его заново, на что весной 1829 года и получил разрешение Екатеринбургской управы благочиния. Вскоре на улице уже глядели три окна, возвышаясь над новым подвальным помещением. А к новоселью судьба подготовила хозяину особый подарок: в 1830 году у Канаевых родился сын.

Восемнадцать лет спустя старший Канаев за усердную работу в екатеринбургской золото-промышленной фабрике был награжден серебряной медалью. А еще — верой в то, что его призвание найдет себе продолжение. К тому времени сын Михаила уже год как учился в Санкт-Петербургской горной технической школе.

Каслинский чугуноплавильный и железодельный завод. Вид на фабрику. 1899 г. Фото В.Л. Метенкова

Надежды оправдались. По окончании школы Михаил Канаев стал работать на монетном дворе северной столицы, поступив одновременно в Академию художеств. И Академия неоднократно свидетельствовала его «отличные успехи по части лепки», наградив двумя серебряными медалями.

В 1855 году Михаилу Канаеву присвоили звание художника по скульптуре. В этом звании он и возвратился в Екатеринбург, создал свою семью, женившись на дочери унтершихтмейстера...

Почти полтора столетия прошло с той поры. Мы не знаем, какие планы лелеял тогда питомец Петербургской Академии. Их безвозвратно поглотило время. Однако известно, что в 1871 году Михаил Канаев изготовил на Екатеринбургском монетном дворе печать для только что созданного Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

И в том же году владельцы Каслинского завода решили учредить здесь должность художника. Того требовали интересы дела.

Приведу свидетельство современника: для отливки кабинетных вещей «выписывались довольно дорогие образцы лучших художников. Но при этом попадались и работы худших художников и даже вовсе не художников. Поэтому были отливаемы и довольно уродливые фигуры, которые отталкивали художественный взгляд и наносили некоторый удар славе завода».

Поправить эти фигуры было некому. Формовщики стали стареть и при вольном труде, получая поштучную плату, перестали быть внимательными к делу, а главное — перестали дорожить каждым штрихом фигуры, имеющим огромное значение в художественном произведении».

Взять на себя обязанности заводского художни-

М.Д. Канаев. Избушка на курьих ножках. 1906 год

М.Д. Канаев. Ваза (лоток). 1901 год

Однако признание и удача не сразу пришли к художнику. Учениками школы (их было 30) стали дети старых формовщиков, уже проходившие на заводе свою школу мастерства. Учебные пособия, материал им выдавались даром.

На беду уже через месяц встало неожиданное препятствие: родители потребовали от завода жалованья для учеников школы, «иначе пускать туда своих детей они не будут».

Сказали — и сделали. «Тогда заводоуправление, видя, что родители не понимают пользы, которой могут ожидать их дети, вынуждено было платить ученикам, которые приучаются в заводе, полага за день плату и за те дни и часы, которые они были в школе»...

В дальнейшем польза от начинания уже не вызвала сомнений. Были отмечены многие образцы

М.Д. Канаев. Подчасник «Мороз-демон». 1906 год

ка управляющие предложили Михаилу Канаеву. Ему же поручалось открыть при заводе ремесленно-художественную школу «с приучением мальчиков рисованию фигур из глины и воску, резьбе на дереве и металле, формовке и отливке фигур из гипса и чугуна».

ученических работ, достойные внимания и поощрения. «Старики-формовщики, — писала газета того времени, — увидев в детях успехи и плоды познания, примкнули к ним и тоже стали дорожить тщательностью работы и верностью исполнению ее по оригиналу»...

Тогда же наступил звездный час и самого художника. Во всех известных ныне публикациях о Каслях упоминаются работы Канаева: канделябры, подчасники и статуэтки: «Цыганка-маляр», «Мальчик, играющий в снежки», «Геркулес, разламывающий пещеру ветров», «Мороз-демон», «Избушка на курьих ножках», рамки в «русском стиле» и «лавровый венок». Стоит добавить к ним и редко упоминаемую скульптуру «Кошка с чулком и клубком ниток».

Казалось бы, цель достигнута, как для владельцев, так и для учеников школы. Но, увы! Так считали не все. И в числе противников Канаева оказался один из управляющих округом Кыштымских заводов, купец 2-й гильдии В.А. Фадеев. Помимо занимаемого положения, он отнюдь не был профаном в ремесле, обучался резанию по металлу, знал и науку медальерного искусства. И вот, считая себя вправе выносить приговор авторитетам, управляющий решил довести до хозяев и собственное суждение, которое он отправил в главное правление Кыштымских заводов: «Я не считаю себя вправе продолжать непроизводительные затраты на содержание художника Канаева, а потому увольняю Канаева от его обязанности и предлагаю заводскому правлению 1 июня сего года прекратить с части моей верительницы отпуск сумм на содержание его, г-на Канаева, и ремесленной школы, находящейся под его управлением. 18 мая 1879 года».

Лишь поддержка двух других управляющих заводами, принявших расходы на своих верительниц, спасла школу и художника.

Но вряд ли можно сомневаться в том, что такие незаслуженные обиды не проходят бесследно. В один из осенних дней, проходя по литейному цеху, Канаев почувствовал себя худо. Вскоре слег и больше уже не встал. В 1880 году его не стало.

М.Д. Канаев. Лавровый венок с короной, поддерживаемый мальчиком с рогом изобилия — для медальона императора Александра II

Василий ЖУРАВЛЕВ, Екатеринбург

ЗНАМЕНИТОСТИ О РУССКОЙ БАНЕ

(ИЗ КНИГИ «ЩЕДРЫЙ ПАР — ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ И ДОЛГОЛЕТИЮ»)

Петр I

Сооружая на голландских верфях фрегат, Петр I жил жизнью простого плотника. Сам себе готовил пищу. Сам построил русскую баню, без которой не мыслил своего существования. Позднее, будучи в Ревеле (ныне Таллин), постро-

ил себе небольшой домик с помещениями спальни, столовой, кухни и бани.

Вспомним роман Алексея Толстого «Петр I», где описывается эпизод в бане: царь Петр I, Меншиков и денщик Нартов наслаждаются баней.

«...Нартов открыл медную дверцу в печи, отскочил в сторону, плеснул ковш квасу глубоко на каменные камни... Вылетел сильный мягкий дух, жаром ударило по телу, запахло хлебом. Петр Алексеевич крикнул, помывая себе на грудь листьями березового веника. Меншиков говорит: «В Париже париться, да еще квасом, — ничего этого не понимают и на родине поэтому мелкий...»

Петр Алексеевич ответил:

— Хорошо-то как! Очень хорошо! Так что, комрат, любезный. Без Питербурха, да без бани нам, как телу без души».

Ф.И. Шаляпин

В своих воспоминаниях «Страницы из моей жизни» Ф.И. Шаляпин с большим уважением пишет о бане:

«Любил я в детстве с отцом ходить в баню... Там мылись и парились мы до усталости, до изнеможения. А потом, взрослым, ушел я из дому, по-

мню: в какой бы город я ни приезжал, первым делом, если хоть один пятак был у меня в кармане, шел я в баню и там без конца мылся, намывливался, обливался, парился, шпарился — и опять все сначала».

Далее Фёдор Иванович вспоминает: «Я и теперь

обожаю ходить в баню, но баня в провинции — это вещь удивительная! Особенно осенью, когда воздух прозрачен, свеж, немножко пахнет вкусным грибным сырьем и теми самыми вениками, которыми бережливые люди парились, а теперь несут под мышками домой. В темные осенние вечера, скудно освещенные керосиновыми фонарями, приятно видеть, когда идут по улице чисто вымытые люди, и от них вздымается парок, приятно знать, что дома они будут пить чай с вареньем. Я тем более любил ходить в баню, что после нее у нас обязательно пили чай с вареньем».

В одной из художественных биографий Ф.И. Шаляпина также подробно рассказывается о его приверженности к банному жару: «Шаляпин с большой охотой проделывает все банные процедуры. С побряхтыванием, с восторженными воспоминаниями «обрабатывает» свое тело жесткими ударами шелестящего березового веника. Из серых облаков пара доносится голос Шаляпина: «Веник всему начальству — главный! Русская баня — мать родная!.. И э-э-х ты! Люблю я, братцы, баньку!»

...Выходя из парной, Фёдор Иванович, доволь-

ный, как мальчишка, хохотал, резвился, плескался. После окончания банных процедур, тут же, в пред-

баннике, любил попить хлебного, ядреного, прохладного русского кваску.

А.В. Суворов

В молодости, когда я был курсантом третьего, а может, четвертого, курса Пермского военно-речного училища, замполит-капитан 3-го ранга Баяндин поручил мне выступить с лекцией в учебных группах курсантов-первокурсников о жиз-

ненном пути полководца А.В. Суворова. Из литературных источников я тогда узнал о том, какое большое значение придавал Александр Васильевич банным процедурам для закаливания своего организма, для укрепления здоровья. Один из биографов так описывает его пристрастие к бане: «В бане великий русский полководец выдерживал жар на полке, после чего на него выливали ведер десять холодной воды и всегда два ведра вдруг».

...Начиная с юных лет, Суворов вставал в три часа утра и в течение часа делал гимнастику, в которую входили: быстрая ходьба, прыжки, потом обливание холодной водой.

Ординарец полководца Суворова сержант Иван

Сергеев вспоминал: «Встав с постели, еще не одетый, Суворов начинал бегать взад и вперед по спальне, а если в лагере — по своей палатке, и маршировал в такт. Это продолжалось целый час. В его спальню приносили два ведра воды и большой медный таз. В продолжении получаса он выплескивал из ведра воду себе на лицо, говоря, что это помогает глазам».

Такая усердная закалка организма сыграла немаловажное значение в его нелегкой военной деятельности. Мы знаем из истории, что полководец А.В. Суворов за свою армейскую службу участвовал в 60-ти сражениях и во всех одерживал, как командующий войсками, блестящие победы.

Перейдя со своими чудо-богатырями недоступные снежные Альпы, генералиссимус А.В. Суворов совершил этот ратный подвиг, когда было ему уже семьдесят лет.

В войсках Суворова существовал жесткий порядок: каждый солдат за сохранение своего здоровья нес дисциплинарную ответственность по всем строгостям воинской службы. За одного солдата, например, заболевшего простудой, генералиссимус, ценивший солдатское здоровье «дороже своего», наказывал троих: офицера, унтер-офицера и ефрейтора. Вместе с ними подвергался наказанию и простудившийся. Беречь себя от болезни «по-суворовски» — это, прежде всего, закаляться, закаляться и закаляться, а банька тут с контрастными водными процедурами (а зимой — обтирание снегом) — первейшее средство от всякой хвори, от многих болезней, простудных заболеваний.

Л.Н. Толстой

В одном из изданий книги А. Галицкого «Щедры жар» находим интересные данные о приверженности Льва Николаевича Толстого к русской баньке и плаванью. Приглашаю Вас почитать вместе со

мною, что пишет об этом один из библиографов Л.Н. Толстого:

«В 65 лет Толстой научился кататься на велосипеде, в 75 — бегал на коньках, в 80 — на своей лошадке Демир делал по двадцать километров в день».

У себя дома, в Москве, Лев Николаевич оборудовал специальную гимнастическую комнату. После физических упражнений — обливание прохладной водой, купание, баня, которую писатель особенно ценил».

Домашний врач семьи Л.Н. Толстого — Д.П. Маковицкий — вспоминает, что писатель до скрупулезности любил опрятность, чистоту. Предпочитал принимаемым внутрь лекарствам внешние отводящие лечебные средства: смоляные пластыри, горчичники, припарки, компрессы и особенно — растирание,

массаж, омовение, баню, гимнастику, прогулки на воздухе, тщательное проветривание комнаты. Еще после бани Лев Николаевич любил поплавать. В Ясной Поляне, где он проживал долгое время, были устроены две парильни с бассейном. А в теплое время года Л.Н. Толстой, выскочив из парной после веничка, прыгал с берега в пруд, расположенный рядом с баньками, и не спеша, широко размахивая руками, по несколько раз, без передышки проплывал от берега к берегу.

В одной из творческих командировок в г. Орел, где в 1970 году проходили двухмесячные курсы повышения квалификации специалистов сельского строительства в Орловском строительном технику-

ме, я ездил на организованную для нас, слушателей курсов, экскурсию в Ясную Поляну. До сих пор остались неизгладимые впечатления от осмотра оставшихся построек имения Л.Н. Толстого, огромного, в десятки гектаров, парка, с многочисленными прудами, вернее — пруд один, а его извилины, протоки, рукава, заливы как бы опоясали всю усадьбу. Был июнь месяц. Куда ни кинешь взор — море цветов, красота неопишная.

...Еще из дневника Л.Н. Толстого хотелось бы привести такую запись: «Ехал верхом. Гимнастика. Баня». «Был на гимнастике. После нее и бани поспешил. Ванна оживила».

Видимо, в бане Льва Николаевича была ванна.

А.С. Пушкин

Читаем интересные воспоминания кучера А.С. Пушкина — Петра Парфенова:

«Завсегда ему была вода в ванне приготовлена. Утром встанет обычно, пойдет в баню, прошибет кулаком лед в ванне, сядет, окатится и — назад, в баню,

потом на лошадь и гоняет тут по лугу».

Как и все смертные, Пушкин, несмотря на крепкую закалку, порой и занедуживал, но редко прибегал к услугам врачей. Лечился Александр Сергеевич обычно простыми народными средствами: липовым цветом, медовой настойкой, ключевой водой, натираниями — и никогда не забывал о русской баньке.

...Волею случая А.С. Пушкин побывал в 1829 году в Турции в составе русской армии. Свои путешествия поэт описал в «Путешествии в Арзрум», где поэт описывает и свое посещение «славных тифлиских бань»: «Персиянин, — рассказывает А.С. Пуш-

кин, — ввел меня в баню: горячий железно-серный источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлиских бань».

Далее про Пушкина: банщик Гассан разложил его на теплом каменном полу, после чего начал вытягивать суставы, бить по спине своим сильным кулаком. Пушкин: «Я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение».

Далее Александр Сергеевич замечает, что тамошние банщики приходят в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут на спине вприсядку.

Пристрастился А.С. Пушкин к русской жаркой баньке еще в детские годы: «Каждую субботу — баня», — вспоминает о распорядке Царскосельского лица близкий друг поэта — декабрист Иван Пущин.

«Вышел из лица, — отмечал Пушкин в своих автобиографических заметках, — я почти тотчас уехал в московскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике».

В Тригорском, в доме Осиповых-Вульф, где часто бывал Пушкин, до наших дней сохранилась старенькая банька, которую восстановили, отремонтировали. Здесь поэт не только наслаждался жарким паром, но и, как утверждают «пушкинисты», вдохновившись, написал «Вахическую песнь».

Любовь ЛАЖЕНЦЕВА, г. Златоуст

Дело о четырех самородках

Все началось с пометки на полях. Она гласила: «Отправленные для Горного Кадетского Корпуса в С.-Петербург наборные образа «Воскрешение» и «Преображение Господне» раскупорить Ефиму Бушуеву, находящемуся в Академии». Заметим сразу, что Ефим Бушуев — родной брат легендарного Иванки-Крылатки (Ивана Николаевича Бушуева — художника Златоустовской Оружейной фабрики первой трети XIX века).

Первое, что меня заинтересовало — это выражение «наборный образ». В «Толковых словарях» такого сочетания слов обнаружить не удалось. Сам же факт, что из Златоустовского завода отправлены образа, оказался прелюбопытным. Исподволь начала наводить справки. Сначала — безрезультатно.

Попав в музей Горного института г. Санкт-Петербурга (бывший Горный кадетский корпус) обратилась к сотрудникам с вопросом: «Какова судьба корпусной церкви? Где иконы из иконостаса?»

На первый вопрос ответ получила сразу: церковь сгорела. О судьбе икон и образов тотчас сказать не смогла. Договорились о встрече. Велико было мое изумление, когда мне показали статью в «Горном журнале» за 1905 год «По поводу столетия церкви Горного института». Автор — горный инженер Версилов. В ней содержались интересные факты. Оказывается, в церкви находился дубовый резной иконостас в два яруса. Все его иконы писаны академиком Уваровым. В хорах обрелись две старинные иконы (аллегорические), писанные Жуковым в Екатеринбурге в 1813 году. А вне алтаря за клиросами — еще две иконы, сложенные из камней. Они-то и были присланы из Екатеринбурга в 1826 году. Одна из них, за правым клиросом, изображала «Преображение Господне», другая — за левым — «Воскрешение Христа Спасителя». В той и другой — по два самородка золота. А во всех четырех самородках — 2,5 фунта. В первой иконе изображено дерево, сделанное из тонких нитей серебра. Стоит до него дотронуться, как ветви начинают двигаться. В эту же икону, в гору, был вставлен бриллиант (может быть, дорогая страза).

Затем пришло время удивляться сотрудникам музея, ведь они были хранителями удивительного произведения искусства. Вспомнили, где, в каком хранилище. Когда извлекли на свет эти и еще две подобные иконы, интерес к ним значительно возрос.

Размеры образов немалые: один аршин ширины, два аршина высоты. Да еще широкая и глубокая золоченая рама и толстое зеркальное стекло (около 10 мм толщины). Смотрятся образа внушительно.

Они заинтересовали специалистов и сюжетом, и исполнением.

Наборные образа по технике исполнения можно при-

равнять к диораме в миниатюре или к «горке». Академик Ферсман писал об изготовлении горок: «На Урале была мода на каменные горки, которая полностью исчезла в начале XX века. Такие горки, представляющие собой своеобразные коллекции минералов, обычно снабжались каталогами, а на камни наклеивали номерки. По особому заказу Екатеринбургская фабрика готовила для выставок целые гроты из больших кристаллов и глыб горных пород». В данном случае это ни «горка» и ни диорама, хоть и есть в чем-то сходство.

Продолжая поиски, обнаружила Дело «О присылке ископаемых для украшения образов в церкви горного Кадетского корпуса за 1826 год». В списке перечислено 14 наименований различных минералов, требующихся для изготовления наборных образов: малахит, аметисты, сердолики, березовские длинные топазы, аквамарины и др.

Обнаруженные на обороте икон надписи требовалось уточнить, потому что было разночтение. Образы присланы из Екатеринбурга, а живописцы, их создавшие, — Николай Бушуев и Петр Бояршинов — из Златоустовского завода. Вновь помогло архивное Дело. Оно хранится в Историческом архиве С.-Петербурга. В нем — письмо, адресованное Степану Петровичу Татарину, начальнику Златоустовского Горного Округа. «...В ответ на Ваше письмо, милостивый государь мой, покорнейше прошу Вас приказать сделать сии образа по тем самым рисункам, которые выбраны Николаем Алексеевичем в бытность его в Златоусте». В «Деле» есть и другие прелюбопытнейшие документы. Вот один из них.

«Из канцелярии Министра Финансов.

Для церкви Горного Кадетского Корпуса заказаны были в Златоустовском казенном заводе два образа наборные из тамошних камней. Образа «Воскрешение» и «Преображение Господне», которые ныне доставлены сюда. В образа сии по приказанию бывшего Горного начальника Татарина без испрошения дозволения высшего начальства положены 4 золотые самородка весом 2 фунта 2 золотника. Самородки сии можно вынуть, но через то образа потерпят повреждения, почему Министр Финансов полагал бы оставить их в помянутых образах, так как предназначены они для церкви».

После того, как была снята рама со стеклом, на одном из минералов в основании горы, на которую опирается фигура Христа, обнаружена гравированная надпись: «Рисованъ в Златоустовском заводе шихтмейстером 13 класса Петромъ Бояршиновымъ 1826 года».

Так были найдены два интересных произведения декоративно-прикладного искусства, выполненные отцами известнейших художников, стоящих у истоков златоустовского украшенного оружия.

Юрий ВЛАДИМИРОВ, Екатеринбург

В речке Талице студеная вода

Памяти гидролога Уралгидроэкспедиции
Александра Алексеевича Николева

На географической карте Урала много рек, деревень и даже крупных поселков с названием Талица, Талый или Теплый Ключ, Холодная или Студеная. Своими названиями они обязаны выходу подземных вод, очень холодных даже летом и не замерзающих зимой. Вот и на меридиане г. Североуральска в 2,5 км ниже устья реки Тошемка в реку Ивдель впадает недлинный, но многоводный приток — Талица. В его истоке находится и одноименный источник.

Талицкий источник необычен. По величине расхода воды он один из крупнейших на Урале, уступает лишь знаменитому источнику «Красный Ключ» в Башкирии и входит в десятку наиболее крупных в Европе. Вода в нем мягкая, чистая и прозрачная даже весной — ее температура в жаркие дни не поднимается выше 4°C, а зимой не замерзает и при — 40°. Его минимальный зимний расход 1200 л/с. Примерно столько же течет воды летом в реке Исети через плотину Городского приуда в Екатеринбурге.

К слову сказать, Талицкого источника достаточ-

но, чтобы по существующим нормам напоить население полумиллионного города!

И что любопытно: собственные воды реки Талицы составляют лишь пятую часть среднегодового стока источника. А львиную долю воды (1150 л/с) он получает подземным путем из той же реки Ивдель. По прямой — они в двух километрах, а подземный путь во много раз длиннее. Такой водный баланс Талицкого источника стал известен после многолетних гидрологических и гидрогеологических работ при изучении обводненности Тошемского месторождения бокситов.

Талицкий источник открывали несколько раз. Верховья реки Ивдель и сейчас места глухие, не обжитые. В военные и послевоенные годы заключенные ГУЛАГа вели здесь сплошную вырубку леса, затем по зимней дороге стаскивали его к реке Ивдель и весной сплавляли.

В августе 1977 года бассейн реки Талицы обследовал начальник гидрологического отряда Эдуард

Исток реки Талицы

Ксенофонтович Бурнышев. Верховья реки густо поросли смешанным лесом, русло захлавлено буреломом. Везде остатки пней когда-то сплошной вырубки, следы пожаров. Но вот лес неожиданно редет. Река по каменистому руслу с шумом устремляется к огромной карстовой воронке и исчезает в ней: была река — и нет реки. Теперь Талица течет в полосе карстующихся известняков. Ниже — карстовый суходол с мелкими воронками и понижениями. Долина сужается, в ее бортах появляются известняковые скалы с глыбовыми нагромождениями. И никаких следов воды! Все здесь напоминает первозданный хаос. Бурнышеву пришлось прошагать вниз от воронки километра три, пока он вновь не увидел реку. Но какая это река? Если Ивдель, то почему справа? Гидролог вернулся по борту долины назад, вверх, и неожиданно река опять исчезла. Что за чертовщина!? Спустился чуть ниже и среди камней и упавших деревьев увидел струи родников. А дальше, метров через сто, они превратились в мощный поток подземных вод. Так в очередной раз был открыт Талицкий источник, нареченный по названию реки, а затем было впервые проведено тщательное изучение его режима и путей формирования. Гидропартия в условиях северного бездорожья и большой удаленности от жилья выполнила огромный объем работ, пробурила и опробовала сотни скважин. Для наблюдения за каждой из них еще до

начала снеготаяния на водомерные посты забрасывали группы гидрологов. Они сами строили таежные избушки, а где позволяли условия — завозили тракторами балки или вагончики. В них обычно ставили железную печку, сколачивали деревянные нары. Вечером печку жарко топили, но к утру жилье выстывало. Связь с базой гидропартии и между участками поддерживалась по радию. Три раза в сутки в определенные часы выходили полевики на связь. В избушке звучало: «ЕНИ-1, ЕНИ-1, как слышите? Я ЕНИ-2, перехожу на прием!»

Труд изыскателей тяжелый, а в весеннее половодье и опасный. На реках Ивделе и Тошемке, где быстрое течение и глубина, работы проводились с лодок, которые передвигались по тросу. А в отрядах едва ли не половина состава — женщины. Летом занимали комары и мошка, беспокоили медведи. Через две-четыре недели изыскателей вывозили на вездеходах на «большую землю», на базу гидропартии в пос. Полуночное: помыться в бане, постирать, закупить продукты. Через два дня снова в тайгу. В отряде работали в основном молодые люди до 30 лет, выпускники институтов и техникумов, студенты. Многие держались на энтузиазме, но об этом не задумывались.

Гидролог Александр Алексеевич Николев, измерявший расходы на нижнем водопосту Талицкого источника, рассказывал об одной из таежных

В этой таежной избе, срубленной своими силами, жили гидрологи А.А. Николев (слева) и рабочий Алексей

встреч. Он стоял на берегу рядом с гидрометрическим мостиком (см. снимок) и менял ленту самописца уровня. Вдруг слышит, кто-то идет по мосту. Поднял голову и обомлел: по мосту шел большой бурый медведь. Саша опустил голову, чтобы не встретить взгляд зверя. Медведь не любит такого вызова, здесь он хозяин. Осторожно потянул к себе заряженную, но не взведенную двустволку, прислоненную к колодцу, и замер. Краем глаза он увидел, как медведь плавно спустился с мостика в трех метрах от него, было слышно даже его сопение, и, не спеша, ушел в лес.

На этот раз все обошлось, Саша отделался испугом. Но через несколько лет на одном из объектов изысканий он трагически погибнет. Это был природный изыскатель, любитель неизведанных лесных троп, охоты, песен у костра, легко переносил неустрашенность быта. Романтик, большой души человек.

Другая встреча той же весной была более комичной, чем драматичной. Рассказывает гидролог Людмила Михайловна Подвойская. В ту весну она проводила наблюдения на верхнем водпосту р. Талицы. Вагончик стоял выше большой карстовой воронки. Здесь же жил и студент-практикант Валерий Акимов, а с ним — собака из ближайшего поселка.

В то теплое майское утро на тропинке около вагончика Валерий делал зарядку — поднимал над головой палку с грузом и приседал. И вдруг остолбенел от удивления. Метрах в 15-20 от него стоял на задних лапах с поднятыми передними молодой двухгодовалый медведь. Парню показалось, что он пла-

но, старательно повторял движения человека: то слегка приседал, то выпрямлялся.

Бросив свою самодельную штангу, Валерий стал пятиться к вагончику. Медведь опустил на четыре лапы и медленно двинулся вслед за ним. Тогда Валерий упал на четвереньки и начал лаять, как собака. Медведь с удивлением стал рассматривать это странное существо.

Сцену наблюдала с крыльца вагончика напуганная Людмила Михайловна. Она стала кричать студенту, чтобы он бежал в дом. Валерий бросился в вагончик, схватил дробовик и зарядил его единственным имевшимся патроном. А медведь, меж тем, обошел вагончик и направился к помойке. Он гремел пустыми консервными банками, вылизывал их и поедал картофельные очистки. Гидрологи заперлись в вагончике и вызвали по радиации более опытного Сашу Николаева. Тот посоветовал им ни в коем случае не стрелять в медведя, а устроить больше шума. Гидрологи стали бить в кастрюли, включили на полную мощность радиоприемник, но мишка не обращал на них никакого внимания. И только съев все очистки и перелизав банки, не спеша ушел в лес.

Это в зоопарке за решеткой медведь смотрится добродушным. В тайге иное дело. Никогда не знаешь, что придет на ум этому непредсказуемому зверю.

А места в верховьях реки Ивдель и сейчас дикие, интересные. Может быть когда-нибудь через Талицкий источник пройдет маршрут туристов. А пока источник известен лишь узкому кругу знатоков. Не исключено, что с нехваткой чистой питьевой воды протянется со временем водовод от северной Талицы к растущим городам и поселкам Урала.

Талицкий источник перед впадением в реку Ивдель

Сергей УСТЮГОВ, г. Алапаевск

Морской роман

Моряки на рыболовецких судах, особенно больших, всегда в рейс берут животных. Пожалуй, даже не берут, а они так и живут на судне.

Вот и на нашем траулере, современном белом красавце, жили несколько кошек и собак. Еду им обычно приносили с камбуза, да они и сами частенько навешали его. Для кошек рыболовецкий траулер — это что-то вроде кошачьего рая. Многие береговые кошки только мечтают о рыбе, а здесь целый пароход, насквозь пропахший рыбой.

Была у нас красавица кошка сиамской породы. Грация гибкого тела удивительно сочеталась с ледяной независимостью ее чистых глаз. Неторопливая походка, изысканные манеры — все говорило об ее знатном происхождении. К ней нельзя было просто подойти и погладить. Проявлять ласку в отношении себя она позволяла только избранным, и уж число их, конечно, было невелико.

Обедая в столовой, мы невольно поворачивались в сторону по-королевски вышагивающей кошечки. Она, чувствуя взгляды, высоко поднимала голову и гордо шествовала мимо нас. В конце прохода она милостиво оглядывалась и снисходительно благодарила за внимание.

Жил еще у нас на пароходе кот Филимон. Ребята часто пели: «Филимон, Филимон алых роз». Модная песня была тогда. Так вот, Филимон на песню совсем не обижался. Рыжей масти, здоровый он попал на пароход случайно. Его принесли перед самым отходом в рейс. Обкусанные уши, обгрызенный хвост выдавали в нем бывалого кота.

Сначала Филимон задал трепку беленькому пуделю, который осмелился тявкнуть на него. Потом отлушил еще одного собачонка. К маленькому черненькому котенку, жившему в каюте посудомойки, он отнесся по-джентльменски. Подошел, обнюхал его, легонько шлепнул, так что котенок перевернулся, посмотрел, не ушибся ли он, и на этом все кончилось. Соперников на пароходе для него не было.

Внимание Филимона, рыжего разбойника, обратилось на леди кошачьего царства. Сначала он по своей наглой привычке попробовал приударить за кошкой по-простому, по-русски, как выразились моряки. Но не тут-то было. Филимон получил такой отпор, какой получал, наверное, впервые в своей беспутной жизни.

Вся команда наблюдала за этой парой. Развлечений в море мало, и этот спектакль привлекал всеобщее внимание.

В общем, первая попытка не удалась. Филимон зализал царапины, приготовился, изменил тактику и вновь приступил к ухаживаниям. Сейчас он караулил выход королевы. А она ежедневно совершала прогулки по столовой под любопытные и восхищенные взгляды моряков. Как любая женщина, она наслаждалась вниманием к своей персоне. Тем более, что принадлежала к королевской породе.

Филимон, завидев кошечку, выскакивал из укрытия и, подбегая, начинал хрипло мяукать. Держался он, правда, на расстоянии. Кошечка совершенно не замечала поклонника. Строгая, неприступная, она проходила по столовой и скрывалась за деревянной дверью.

Филимон за дверь не выходил, там начиналась ее территория, ее королевство. Он нервно начинал дергать хвостом, затем оглядывался на нас, словно говоря:

— Нет, ну вы посмотрите, что она вытворяет. Цаца какая...

Потом Филимон резко разворачивался и, сдерживая злость, выскакивал из столовой.

Нечего говорить, моряки покатывались со смеху, наблюдая кошачью драму. Комментарии, замечания сыпались со всех сторон. Некоторые даже заключали пари: добьется кот своего или нет.

В один прекрасный день королева соизволила перед уходом повернуться и посмотреть на Филимона. Вы не можете себе представить радость кота от этой небрежной милости. Он прямо засветился весь. Ходил по столовой, подняв хвост, и заглядывал всем в глаза.

— Видели! Видели! Она на меня посмотрела!

Дальше события развивались по классической схеме. Скоро прогулки по столовой они совершали вместе. Сиамская кошечка с царственной осанкой и уличный забияка кот.

Шло время. Прогулки прекратились. Где и когда они встречались, мы так и не узнали. Кошечка, как истинная аристократка, не выставляла напоказ свою личную жизнь.

Мы даже и не поняли, что наша кошечка понесла. Просто однажды она вывела на прогулку двух прелестных малышек. Один был в маму, второй — копия Филимон. Такой же рыжий, он все порывался играть, и маме приходилось все время его одергивать.

Как ни странно, Филимон остался равнодушен к своим детям. Увидев семейство, он преспокойно отворачивался и подходил к кому-нибудь из моряков.

Котят разобрали по каютам. Кошечка приняла это как должное. Мы вдруг заметили, что поведение ее сильно изменилось. По столовой она просто пробегала, только иногда останавливаясь. В такие моменты уши ее нервно дрожали и поворачивались в разные стороны.

Мы думали, она ищет котят. Но нет. Она искала беспутного Фильку. И вот в столовую входил Филлимон. Куда девалась его суетливость, дурные манеры: перед нами был вполне порядочный кот. Правда, боевые раны у него не исчезли, но в остальном...

Кошечка, это было жалко смотреть, при появ-

лении Филлимона съеживалась, опускала голову и уныло плелась к нему. Равнодушные мужчины к падшей женщине не знали границ. Филлимон упорно не замечал ухаживаний кошечки. Она же лгнула к нему, терлась своей аккуратной головкой о рыжую шкуру. Моряки, конечно, смеялись; в такие моменты кошечка поворачивалась и смотрела укоризненно и грозно. Неделю, а то и больше, кошечка обхаживала своего бывшего поклонника. Но... Все когда-то кончается, кончился и роман аристократки с простолюдином. В столовой кошечка больше не появлялась.

Случай в деревне

Вот вы говорите — мужество, — высокий темно-волосый доктор оглядел друзей. — Эта категория волевых качеств не такая простая, как кажется.

— Отчего же, — возразил плотный, с борцовской фигурой немолодой мужчина. — Мужество выражается в способности человека действовать решительно и наиболее целесообразно в опасной и сложной обстановке.

— Хорошо, — согласился доктор, — сейчас я расскажу вам одну историю.

Лет двадцать тому назад, когда я был молодым начинающим врачом, попал я в небольшую деревню. Практики было совсем мало. Зубы, расстройства желудка, какое-нибудь случайное ранение — вот и все. Крестьяне лечились сами, применяя дедовские методы. И вы знаете, не без успеха.

Так вот, была в этой деревне одна семья. Она — здоровая русская баба с визгливым голосом и склочным характером, он — обыкновенный русский мужичок, шупленький, маленький, всегда боящийся поднять глаза на свою грозную жену. Естественно, несколько ребятишек, вечно чумазных и проказливых. Мужичок этот был плотником и, надо сказать, неплохим. Ну, у нас в России, что ни мастер, то пьяница. Пил Сёмка обычно несколько дней и все это время ходил по деревне с подбитым глазом или вздувшейся губой — деревенское женское «воспитание».

В то время, когда я жил в этой деревне, начали пошаливать лесные люди. Так у нас их называли. Дезертиры, беглые, уголовники объединялись и терроризировали население. Милиция, несмотря на все попытки, ничего не могла сделать. Выловят одну банду, вскоре другая появляется. Такое время. Все жили настороже.

Однажды банда напала и на нашу деревню. Проглянула по дворам, заглянула ко мне, выгребла подчистую все лекарства, конечно, спирт в первую оче-

редь. У крестьян забирали свиней, кур, гусей, картофель доставали из погребов. Банда готовилась к зиме. Молодые бандиты начали безобразничать. С улюлюканьем они гонялись по улице за девушками и молодыми женщинами. Развлекались, одним словом. Так бы безнаказанно и прошел их налет, если бы не председательский мальчишка. Он как-то очень быстро сбежал в соседнюю деревню и привел солдат. Специальный отряд уничтожил почти всю банду, часть успела скрыться.

После налета у меня сразу прибавилось работы. Раненые, избитые, много истерик, кровь, стоны и матерки. Не успел я обойти несколько дворов, как меня срочно позвали к Сёмке. Я шел и думал, ну, наверно, кончается Сёмка, жалко — хороший мужичок был...

Об этом случае в нашей деревне говорили и судачили долго. Попробую своими словами передать, что же там все-таки произошло.

Сёмка сидел за столом и, обиженно поглядывая на свою жену, неторопливо обедал. Детей не было — убежали на речку.

Марфа — какое старинное имя — брэнчала рукомойником и всю воспитывала мужа. Вдруг во дворе, захлебываясь, залаяла собака. Через несколько секунд дверь распахнулась, и в избу ввалились четверо. Бородатые, страшные, с запахом давно немьтого тела они нагло прошли к столу и по-хозяйски расположились за ним. Щуплого Сёмку они как бы и не заметили. Все их внимание обратилось на Марфу.

— Хозяйка! Жрать давай! И самогону! — закричал самый бородатый. Острые глаза его начали ощупывать женскую фигуру.

Марфа забегала, засуетилась: на стол из печи полезли чугунки с наваристым борщом, пареной репой, с дымящейся картошкой.

— А где сало?

Надо сказать, в деревне жили неплохо. Почти в

каждом дворе держали поросят, бычков, так что мясо и сало в деревне водились.

Сёмка, сидевший в уголке, — его туда как бы нечаянно задвинули — встрепенулся.

— Я счас сбегаю.

— Сиди уж, отгрызок, — борода прихлопнул Сёмку ладонью. — Баба твоя сходит, а Суслик ей поможет.

Бандит хрипло захохотал, обнажая желтые прокуренные зубы. Суслик — молоденький бандит с тощенькой серой бородкой, соскочил и, приплясывая, подошел к оторопевшей Марфе.

— Ну, давай, давай пошли, красавица моя.

Марфа покорно подчинилась и поплелась в сени. За ней поспешил Суслик, то и дело норовя ухватить женщину за ее широкий зад.

Сёма побледнел, ему стало страшно, страшно так, как ни разу в жизни не было. Его худое тело тряслось, точно в лихорадке.

Борода заметил Сёмкину дрожь и, пихнув его в грудь, успокоил.

— Ничего с твоей бабой не делается. Ну, поиграет с ней Суслик, ну и что.

Сёма не слышал слова бандита, его слух был направлен туда — во двор. Он мучительно хотел там оказаться.

Мутный самогон прокатывался в мужские глотки и оказывал свое действие. Лица бандитов покраснели и покрылись капельками пота.

Со двора донесся женский визг. А уж визжать Марфа умела. Сёмку передернуло, он хотел вскопичить, но сидевший рядом бандит ткнул его в морду кулаком и пригрозил.

— Убью, сволочь!

Дверь с треском раскрылась. В дверь на четвереньках заползала Марфа. Изодранная блузка еле

прикрывала грудь, юбка была разорвана снизу доверху. Жалобный взгляд, всклокоченные волосы и дикий визг дополняли картину.

Сзади за бедную женщину цеплялся Суслик. Яростно матерясь, он пытался остановить Марфу, но та, завывая и плача, пробиралась вперед.

— Ах, чтоб тебя! — выругался Борода.

Он встал, намереваясь то ли вышвырнуть бабу из избы, то ли помочь Суслику.

И вот здесь произошло невероятное. Молчавший до сих пор Сёма взорвался. Его лицо как-то враз перекопилось, глаза завращались с бешеной скоростью, ужасный рев пронесся по избе.

С нечеловеческой силой Сёма схватил здорового Бороду и с размаху бросил на русскую печь. Мгновенно повернувшись, он ринулся на других. Не ожидавшие нападения бандиты растерялись. Когда опомнились — было поздно. Семён схватил горячий чугунок со стола и с размаху опустил на голову бандита. Второму он вогнал в горло деревянную ложку.

Борода еще шевелился возле печи, когда его череп раскололся от удара тяжелой табуретки.

Все произошло в считанные секунды. Марфа с открытым ртом тихонько подвывала у порога. Суслик же развернулся и помчался на улицу. Возле ворот его догнал маленький и ладный плотницкий топорик.

Когда я вошел во двор, Сёмка сидел на крыльце и тихо плакал. Рядом была Марфа, она гладила его по голове. В избе плавало в крови три трупа, четвертый лежал возле ворот.

Я видел много разных семей, но более дружной не встречал. Марфа после того случая совершенно переменилась. Она, наконец, успокоилась и при каждом удобном случае говорила: «Вот мой Семён...», и звучало это у нее очень уважительно.

Опасное знание

Сэм рывком подтянул книгу и попытался сосредоточиться. Не получается. В голову лезет всякая чертовщина. А зачем это все, что для него изменится, если он одолеет эту книгу?

Он вздохнул, перелистнул несколько страниц и, заставляя себя, углубился в ровные строчки. Ум привычно вошел в повествование, и скоро Сэм снова увидел перед собой, вокруг себя мрачные темные здания. Неяркая луна зловеще выхватывала из темноты медленно шевелившихся страшных животных, утробный рев их внушал первобытный ужас и сковывал похолодевшие члены. Ледяная струя начала подниматься по спине, стало жутко.

Оторвался Сэм от книги с трудом, она затыгивала его, одновременно пугая и удивляя. Роза Мира,

какое странное название. Сэм долго думал над ним и пришел к выводу, что в самом названии заключено то тайное знание, которым прямо насыщена вся книга.

В свои двадцать лет Сэм был думающим человеком. За обычной внешностью скрывался ищущий и любопытный ум. Работал Сэм сторожем. Деньги платили небольшие, но всегда вовремя. Времени для чтения было много, и сначала Сэм увлекся боевиками. Потом в одной компании он познакомился с парнем, приехавшим из областного города, и открыл для себя другой мир. Парень занимался ушу и с увлечением, рассказывал о цигуне, об энергии, о тайных способах совершенствования, о том, что можно добиться великого могущества, познавая чудесную

науку. Конечно, он нахватался верхушек, это было видно по ответам на вопросы, которые задавал ему Сэм, но сами слова: чакры, карма, Кундалины — звучали очень таинственно и обещали нечто удивительное.

Сэм начал искать литературу, читать ее. Не понимая вначале, он постепенно стал открывать для себя другую реальность. Копаясь в себе, он находил и с удивлением отмечал те чудесные приметы, что отличают человека избранного от простого. Ищущий да найдет. Особые способности, которые Сэм нашел, не приносили ни ему, ни кому другому никакой пользы. Для чего они и как развивать их, Сэм, конечно, не знал.

Однажды случай — Сэм уже знал, что ничего случайного в жизни нет — свел его с одним человеком.

Фирма, расположенная в здании, которое сторожил Сэм, отмечала какое-то торжество. Несколько мужчин остались после работы и продолжили празднество. Вот тут и пригодился Сэм, его несколько раз посылали за спиртным. Как водится, угостили и сторожа. Немного смущенный Сэм сидел за общим столом и слушал разговоры интеллигентных людей. Ему было скучно, он ничего не понимал из того, что говорилось за столом, но выпить хотелось, и он сидел. Как-то незаметно один из мужчин начал беседовать с Сэмом. Увидев у него «Розу Мира», мужчина изумленно поднял брови.

— Ты читаешь Андреева?

Сэм скромно признался — да, читает, но понимает плохо.

— Неудивительно. Люди с образованием не могут понять Андреева. Кстати, ты где учился?

— Нигде.

Разговор не прервался, напротив, мужчина явно заинтересовался Сэмом и, найдя благодарного слушателя, стал изливать на Сэма целые тонны эзотерических знаний. Чувствовалось — мужчина занимался этими вопросами и занимался серьезно. Они проговорили часа два, до тех пор, пока компания не разошлась.

Следующая встреча с женщиной состоялась недели через две. В офисе опять был праздник — отмечали день рождения одного из сотрудников.

За эти дни Сэм много передумал. Он анализировал, сопоставлял услышанное со сведениями из книг. Их накопилось порядочно. Сэм пытался читать Блаватскую. Иногда ему казалось, что работа, родители, друзья — все это нереально, что существуют мириады других миров, в которых живут бесчисленное множество разумных существ. В такие моменты захватывало дух, и Сэм наполнялся радостью и гордостью за то, что именно ему открывались тайные знания. Земная жизнь представляла в виде серых

и скучных декораций. Люди — бездарными и самодовольными актрисками, не понимающими, что они живут и играют в болоте, из которого просто не могут высунуть голову.

Подогретый вином мужчина в этот раз решил показать Сэму путешествие в прошлое. Сэму стало страшно, страшно до того, что он чуть не отказался. Но мужчина, глядя пронзительными глазами, успокоил, заверяя, что ничего ужасного произойти просто не может.

С трепетом Сэм закрыл глаза и под размеренный низковатый голос мужчины начал погружаться в странное состояние. Оно напоминало сон, но сном не было. Сэм при желании мог сосредоточиться на звуках, доносящихся будто издалека, на телесных ощущениях, на спокойном дыхании. Голос мужчины вел Сэма, все время спрашивая о том, что видит Сэм.

Сэм неожиданно вынырнул из облаков, прямо под ним метрах в ста расстилалась земля. По команде, прозвучавшей в голове, он опустился. Окраина деревни: огороды, засаженные картофелем, маленькие баньки — милая сердцу Родина. Ни звуков, ни движения — ничего.

По приказу Сэм двинулся вглубь деревни. По пути он осматривал дома, старался фиксировать и запоминать детали. Голос в голове заставил его войти в деревенский магазин. Полная женщина в потрепанном белом халате о чем-то разговаривала с худым и высоким мужчиной. Магазин как магазин, он видел десятки таких же. Но все же было в нем что-то странное. Сэм не понимал, что, и начинал нервничать. Голос успокоил его и подвел к мужчине. Продавец, поговорив с женщиной, углубилась в какие-то документы. Она быстро щелкала на счетах и делала пометки в бумагах. Голос попросил Сэма узнать у мужчины, какой сегодня год и где они находятся. Сэм выполнил просьбу и в ответ услышал, что они в деревне Т. и год сейчас 1983. Этот разговор отнял у Сэма много сил, и он с радостью выполнил команду о возвращении.

Мужчина с силой растирал виски, тяжело дышал — путешествие в прошлое отняло много сил.

Сэм был крепко озадачен. Это было на самом деле или это просто фантазии? Мужчина, однако, заверил — это реально, пусть проверит. Сэм про себя решил обязательно побывать в той деревне. Он уже понял, что его так смущало в деревенском магазине. Там не было современных товаров, всех этих снирсов, марсов и прочей импортной дребедени.

Сидели в офисе долго. Компания из пяти человек пила, закусывала и снова пила. Вместе с ними пил и Сэм. Его старались вовлечь в разговор о политике, о молодежи, но Сэм больше отмалчивался.

Сеанс его сильно поразил. Разве возможно такое? И неужели так просто можно попасть в прошлое?

Прощаясь, мужчина, глядя прямо в глаза Сэму, предупредил:

— С наркотиками кончай. Плохо будет.

На следующий день Сэм приступил к упражнениям. Все непонятные места в книге мужчина подробно объяснил, прибавив при этом, что, конечно, нужно знать меру в выполнении упражнений. Но разве Сэма удержишь. Он занимался настойчиво и даже, пожалуй, иступленно. Появились результаты, хотя они оказались совсем не такими, какие он ожидал. Замечание мужчины о наркотиках Сэм пропустил мимо ушей. Он же не колется, а «травка» и «колеса» не опасны — в любой момент можно остановиться.

Прошел месяц. Психика Сэма стала меняться. Появился страх. Особенно он усиливался с похмелья. В душе поселилось ожидание опасности. Громкие звуки заставляли вздрагивать. Сэм понял — это результат занятий, мужчина предупреждал — просто так не занимают, любопытство в таких делах губительно. Сэм прекратил занятия, однако выпивку и «травку» не бросил.

Разбуженное сознание по-своему реагировало на окружающую жизнь. У Сэма стали выходить из под контроля эмоции. Гнев переходил в раздражительность, превращаясь затем в дикую тоску.

Как-то раз, в гостях, Сэм поговорил с тем парнем, что занимался ушу. Он поделился с ним своими проблемами. Парень понимающе посмотрел на Сэма и, в свою очередь, признался, что его когда-то одолевали те же вопросы.

Они сидели, смотрели «видик», как вдруг Сэм краем глаза заметил черную маленькую змею. Медленно извиваясь, она ползла из угла комнаты. Сэмavorоженно смотрел, как змея удаляется под батарею отопления. Он оглянулся на друзей — никто ничего не видел. Все с увлечением смотрели фильм. Сэм заволновался, опустился на колени и осторожно заглянул под батарею. Никого. Он беспомощно обернулся к друзьям, те озадачено смотрели на него. Один только парень, тот который занимался ушу, понимающе кивнул Сэму. На все вопросы Сэм отшутился и попожее подошел к парню. Парень тоже видел змею, он объяснил это просто — выбросы энергии, ничего страшного или удивительного нет, он сам время от времени тоже видит всякие необычные вещи.

Ночь Сэм не спал. Непрошенные мысли бесцеремонно лезли в голову. Неужели он может видеть то, что другие видеть не в состоянии. Это тревожило его, он как будто чувствовал подкрадывающуюся опасность.

С мужчиной из офиса Сэм встретился через месяц. Все это время он то начинал заниматься, то бросал. Пытался отказаться от «травки» и «колеса», но, встречаясь с друзьями, он неизменно отступал и снова присоединялся к ребятам.

Мужчина устало посмотрел на изможденное лицо Сэма и сказал:

— Я же тебя предупреждал... Сейчас ты уже сам выбирай: или наркотики и вино, или занятия... Совместить тебе не удастся. Ты просто свихнешься. Твоя психика будет выдавать тебе еще кое-что похлеще змеи.

Сэму трудно было что-то доказать. Он все пробовал сам. Конечно, он продолжал совмещать занятия с выпивкой и наркотиками. Кризис наступил неожиданно.

Сэм после гостей возвращался домой. На часах было два. Ночное глубокое небо с яркими блестящими звездами притягивало взгляд и завораживало своей неведомой красотой. Настроение было великолепно, удалось кое-что продать — деньги были...

Он уже завернул за угол дома, до подъезда оставалось метров сорок, как вдруг на его пути возникла темная мрачная фигура. Тело сразу среагировало, оно сильно напряглось, во рту пересохло. Фигура, не замечая Сэма, шла мимо и, проходя мимо него, внезапно резко повернулась, и Сэм увидел... О, боже!.. Светящаяся морда зверя яростно раскрывала свою пасть, глаза зверя в бешенстве горели, с клыков капала пена.

Сэма парализовало. Он не мог пошевелиться. В голове забились одна мысль: «Молись, Сэм, молись». Сэм, путая слова, сбивчиво заторопился. От молитвы зверь отпрянул в сторону и, клакая зубами, пошел по кругу. Сэм бормотал молитву и поворачивался.

Зверя уже не было, а Сэм все не мог успокоиться. Его трясло, шальные мысли перескакивали с одного на другое.

На следующее же утро Сэм появился в офисе. Он искал того мужчину, но тщетно, мужчина уволился, и искать его стало крайне затруднительно.

Сэм перестал выходить из дома, на работу он брал с собой друга. Он просто не мог выносить одиночества. Прав был мужчина — вовремя надо было с чем-нибудь заканчивать. Психика Сэма расшатывалась, у него начали дрожать руки, спал он мало. Родители ничего не замечали, поглощенные своими заботами. Сэм решил уехать.

И вот он в последний раз смотрит на родной город и чувствует в себе не то грусть, не то сожаление. Как сложится жизнь на новом месте? Пройдет ли его болезнь? Ничего он не знает, но все-таки надеется на лучшее.

Анна ЛЕБЕДЕВА

ЗИМНИЕ ГРЕЗЫ

Воспоминаньями полна
Я говорю: «Грустить не надо».
Застыла зимняя луна
Над темными стволами сада.

Вокруг покой и тишина,
Лишь огонек вдали маячит.
И я одна, совсем одна,
Но улыбаюсь, а не плачу.

Сороковой, сороковой —
серый волк под горой...

Ну, а гуси-лебеди
были или не были?!

Были,
были!

Над водой кружили,
Пролетая над ручьями,
Золотились под лучами,
Опускаясь на луга,
Были белы как снега.
Поднимаясь в высоту,
Пели песни на лету.
Были алы, как закат!
Не воротятся назад...

Татьяна ЛИХАЧЕВСКАЯ

**У КАРТИНЫ В. МАМОНТОВА
«ДОРОГА К БЛОКУ»**

Мы снова сведены судьбой
С тобой.
Нас Блок ведет в сиреневую даль,
И мы идем
Вдвоем,
Но разная у нас печаль.

Нам было двадцать лет,
Остался ли тех лет
Хоть слабый след?

Тот Новый год,
И медленный фокстрот,
Он назывался, кажется, «Цветы»...
И вдруг я вспомнила мелодию,
а ты?

Нам было двадцать лет,
Остался ли тех лет
Хоть слабый след?

Счастье с разными глазами, где ты?
Наступила середина лета...
И оранжевый сентябрь не за горами.
Где ж ты, счастье с разными глазами?

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Скоро с осенью зима справится,
Ляжет белая пелена.
Тот мне нравится, этот нравится,
Третий мне еще тоже нравится,
Очень нравится, только нравится,
А в тебя я была влюблена.

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 30
Наталья ИГНАТОВА, Василина КУКАРКИНА «Сказка о любви»	стр. 31
Андрей Щупов «Демократия и культура — две вещи несовместные?»	стр. 57

ДОБРЫЕ ТРАДИЦИИ

Журнал живет долго. Подобно кораблю дальнего плавания, он обрastaет традициями, привычками и ритуалами. Одни из них, как водоросли и ракушки на днище, тормозят ход, и тогда приходится вставать в доки, обнажать бородатое брюхо и зачищать его до сапожного блеска. Тяжко, мучительно... Но необходимо. Другие — как утренний подъем флага и салют при встрече в море — кажутся некоторым «сухопутным» бесполезной тратой времени. Но нам-то что до этого? Для нас и тех, кто «иже с нами», это символ того, что мы живы и жить будем.

К этим последним я отнесу добрую традицию «Уральского следопыта» начинать календарный год с публикации нового автора, еще неизвестного широкому читателю. В этом году новое имя, которое мы искренне рады представить любителям фантастики и фэнтези — Наталья Игнатова.

И вот здесь приходится извиняться. Дело в том, что еще в 1998 году (Боже мой! Уже в прошлом тысячелетии!) Наталья Игнатова была рекомендована к публикации семинаром молодых фантастов ежегодного уральского фестиваля фантастики «Аэлита». И «Сказка о любви», первую часть которой Вы уже прочитали в январском выпуске «УС», пролежала в редакционных загашниках почти три года. Воистину, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...» И как там же говорится: «Обещанного три года ждут».

Дождались! И, слава Богу — по-хорошему. Не вдаваясь в подробности сюжета — терпеть не могу пересказывать уже написанное — отмечу лишь одно: внежанровость. Не отсутствие признаков какого-либо жанра, а, напротив — присутствие нескольких жанров одновременно. И в том, как они сменяют друг друга, в том, как автор жонглирует ими, сплетая порой непривычный узор, чувствуется, если не мастерство, то, во всяком случае, свободная рука, еще не обремененная столь популярными в нынешних фантастических и фэнтезийных кругах оковами компиляций и подражаний.

Счастливого тебе полета, Наталья!

Олег ВОДОПЬЯНОВ

С 15 по 18 февраля 2001 г. в подмосковном пансионате Министерства Обороны России «Боровое» (уже фантастика!) прошел очередной слет производителей и потребителей российской фантастики «РОСКОН-2001». В течение трех дней около 230 писателей, издателей, переводчиков, критиков и просто любителей фантастики со всей России и ее окрестностей диспутировали и семинарили на актуальные темы: «Фэнтези», «НФ», «Критика», «Фантастика в интернете», «Ролевые игры» и «Переводы фантастики», а также провели массу деловых и культурных встреч и общений, разговоров и переговоров. По итогам «РОСКОНА-2001» был вручен ряд премий.

● В номинации «Художественные произведения»:

1-е место («Золотой Роскон»): Владимир Васильев (Николаев) и Сергей Лукьяненко (Москва) за роман «Ночной дозор»;

2-е место («Серебряный Роскон»): Евгений Лукин (Волгоград) за роман «Алая аура протопарторга»;

3-е место («Бронзовый Роскон»): Генри Олди (Харьков) за роман «Одиссей, сын Лаэрта» (книга 1: «Человек Номоса»).

● В номинации «Критика, публицистика и литературоведение»:

1-е место («Золотой Роскон»): Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын (Москва) за статью «Ровесники фантастики»;

2-е место («Серебряный Роскон»): Эдуард Геворкян (Москва) за статью «Последний бастион».

● Приз «Большой Роскон» (вручается оргкомитетом «Роскона») — Анджее Сапковскому (Польша).

● Приз «Алиса» (за лучшую детскую фантастику; вручается специальным жюри под председательством Кира Булычева) был вручен Андрею Саломатову (Москва).

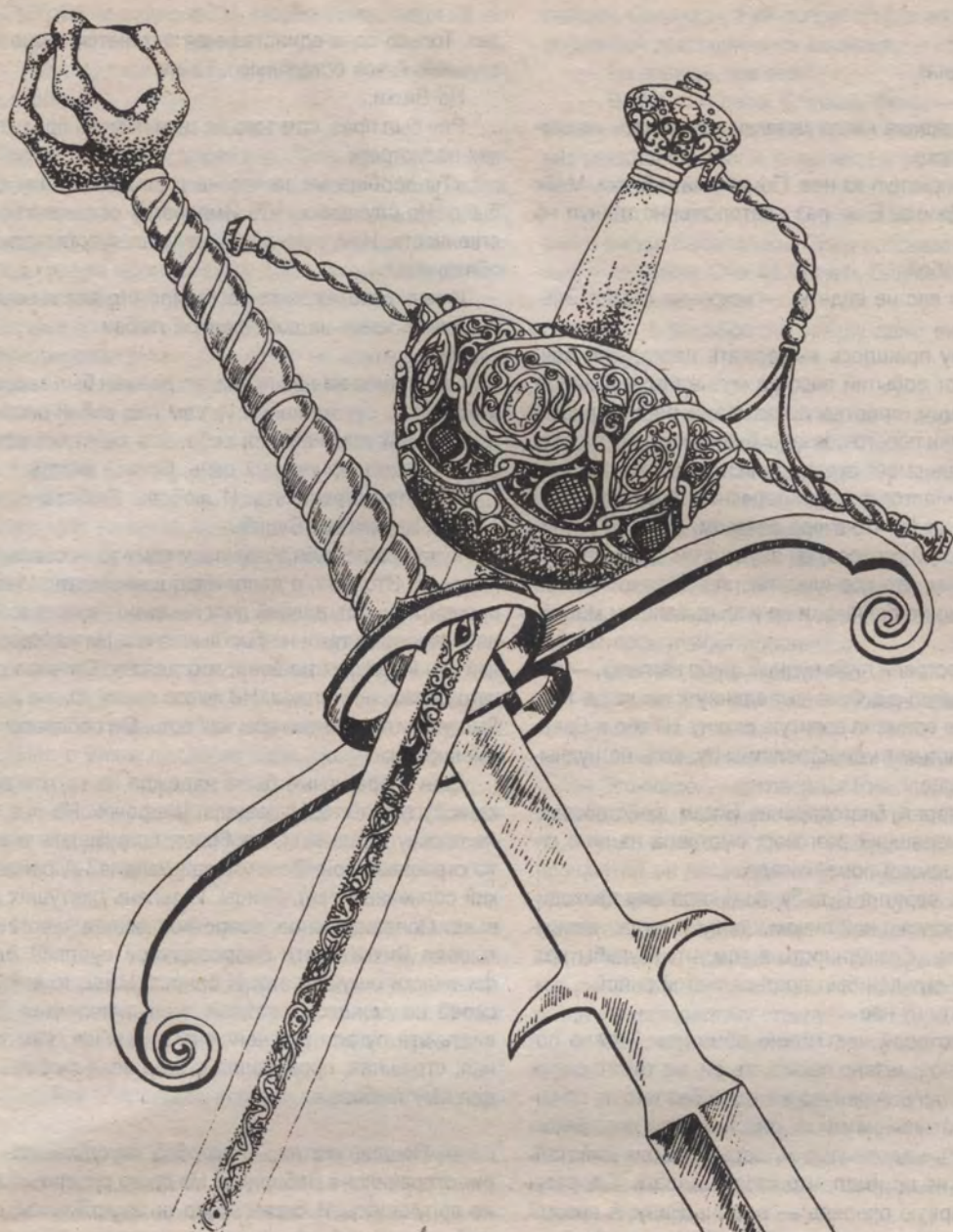
● Приз «Золотой шлем» от Фонда развития фантастики был вручен Василию Головачеву (Москва), как самому неоднозначному и противоречивому писателю.

● Почетными дипломами литературно-философской группы «Бастион» (Москва) были награждены Дмитрий Янковский (Москва) и Ольга Елисеева (Москва).

● Главный приз группы «Бастион» — «Меч Бастиона» был вручен писателю Вячеславу Рыбакову (СПб) за роман «На чужом пиру».

Поздравляем от души всех лауреатов! А уж читателей — тем более!

Еще на одно имя сократился список живых классиков фантастики. Утром 31 января 2001 года на 82-м году жизни скончался Гордон Руперт Диксон. Дебютировав в 1950 году рассказом «Sin!», за полвека активного творчества он написал более 80 книг, среди которых в России наиболее известны циклы «Дорсай» и «Рыцарь-Дракон». Диксон трижды удостоивался премии Нуго и один раз премии Nebula. С 1969 по 1971 год он исполнял обязанности президента SFWA, а в 2000 году его имя было внесено в списки Зала Славы Научной фантастики и Фэнтези.

Наталья ИГНАТОВА, Василина КУКАРКИНА

СКАЗКА О ЛЮБВИ

Сентиментальный боевик
Окончание. Начало в № 1, 2001

Рисунки Ольги ВАСЯНИНОЙ

Викки

(продолжение)

Легкая, изящная капля леталки опустилась на стожку возле парка.

Конунг выпрыгнул из нее. Помог выйти Викки. Майк подал руку Джине. Еще раз настороженно глянул на капитана:

— Мы с тобой.

— Век бы вас не видеть, — искренне сказал Эльрик.

Утром ему пришлось выдержать настоящий бой. Ошалевшая от событий парочка музыкантов, позабыв о субординации, яростно доказывала легендарному Конунгу, что они просто обязаны быть в курсе дела. Что он не может, не смеет отделяться от них как раз тогда, когда начинается самое интересное. Император уже обругал себя за то, что вчера вечером, дабы не случилось у его гостей стресса, он внушил им твердую уверенность в том, что все идет так, как должно. Теперь они абсолютно не боялись и не испытывали ни малейшего трепета.

«Все менестрели либо нудные, либо наглые», — печально вспомнил де Фокс выведенную им когда-то в незапамятные времена великую истину. НГобо и Сьеррита были наглыми менестрелями. Ну, хоть не нудными. И то хорошо.

Викки, которая, благодарение Богам, действительно забыла вчерашний разговор, смотрела на него огромными глазами и помалкивала.

Эльрик не верил в Судьбу, но иногда ему приходилось сталкиваться с ней лицом к лицу, и тогда, несмотря на твердую убежденность в том, что Судьбы нет, Император вынужден был драться с этой силой.

Или бежать от нее.

Судьбу, которой нет, можно обмануть. Можно победить. Можно... можно проиграть ей, но такого с ним еще не случалось. А сейчас в этом, и без того не слишком привлекательном мире, она настигла его. Закогтила, пытаясь надеть узду и шоры. Эльрик действительно понятия не имел, что теперь делать. Да, разумеется, в первую очередь — помочь Рину. А потом? Уйти? Конечно, он так и поступит. Ему не привыкать. Но...

Викки.

Девочка, которая погибла, спасая его. Девочка, которую он убил. Девочка, которая любила его.

Непобедимый воин, воспитанный в легендах, беловолосое чудовище, не останавливающееся ни перед чем. Про него многие так говорили: «Его не остановить». Но ведь это же не повод влюбляться!

Влюблялись. Любили. Долго. Безнадежно. Кто-то тихо и печально. Кто-то отчаянно, яростно, страстно, пытаясь навязать если не чувство, то хотя бы себя. Что толку в такой любви? Множество женщин было и бу-

дет. Только одна-единственная останется вечно недоступной. А все остальные... Пыль.

Но Викки...

Рин был прав, сам того не зная. Или не прав, это уж как посмотреть.

«Ты вообще ни за что не отвечаешь». Так оно и было. Но случилось, что Император осознавал ответственность. Или, того хуже, начинал чувствовать себя обязанным.

Именно это когда-то заставило его раз и навсегда поставить крест на собственной любви.

Кина.

Он не имел на нее права, но должен был защищать и оберегать эту женщину. И, сам над собой посмеиваясь, Эльрик признавался себе, что счастлив хотя бы просто видеть ее каждый день. Просто видеть.

Это ответственность. И любовь. Любовь, которой нет, так же, как нет Судьбы.

Чувствовать себя обязанным кому-то — совсем другое дело. Это долг, а долги надо возвращать. Иногда с процентами. Тот, давний долг — жизнь, взятая в обмен на жизнь — он так и не был выплачен. Ни на Марсе. Ни сейчас. И Эльрик не знал, что делать. Он знал лишь, чего делать не должен. Не имеет права. Он не должен был уходить, оставив все, как есть. Он собирался уйти именно так.

Еще вчера ночью была надежда на то, что девочка испугается его. Чудовище. Шефанго. Но она словно проснулась... Или, наоборот, погрузилась в какой-то страшный сон. Вспомнила? Узнала? А сейчас яркий солнечный свет. Птицы. И зелень цветущих деревьев. Ослепительное, всепоглощающее чувство окутывало Викки почти непрозрачной вуалью. Эльрик физически ощущал это. И боялся. И где-то в глубине своей не слишком светлой души ненавидел. Ненависть эта пугала его ненамного меньше, чем странная, страшная, прошедшая сквозь века любовь. Чуждая ему любовь.

— Пошли, что ли, — скорбно ссутулившись, Эльрик отправился к Лабиринту. Но долго ссутулиться у него не получалось. И очень скоро он выпрямился, стройный, легкий, гибкий.

— Красив, — печально пробормотала откуда-то сзади Джина.

— Страшный он, — ревниво возразил Майк. Джина дернула его за густые кудряшки, но спорить не стала.

Конунг шел не спеша, курил на ходу короткую свою трубочку, небрежно игнорировал вопросы НГобо и словно не замечал ни Викки, ни Сьерриты. Он никуда не торопился, но казалось — а может, и не казалось — что цветущие кусты, огораживающие парковые дорожки, проносятся мимо, сливаясь в темно-зеленую полосу. И люди не попадались навстречу. А если и попада-

лись, Н'Гобо не видел их. И, скорее всего, люди не видели музыкантов и Эльрика.

— Слушай, как ты это делаешь?! — снова начал менестрель.

И снова не получил ответа.

Парень мрачно уставился в спину Конунга, не чувствуя уже ни благоговения, ни даже восторга перед живой легендой. Легенде не положено быть столь высокомерной. Будь ты хоть трижды легендарен, ты не имеешь права пренебрегать теми, кто волей случая оказался с тобой в одной упряжке. И Викки...

Больше всего почему-то бесило именно то, что Эльрик игнорировал Викки. Он просто не замечал, как она смотрит на него. Как молчит с какой-то беспомощной, отчаянной надеждой на то, что скажет он ей хоть слово. Майк понять не мог, что же случилось. Что случилось с Викки? Словно кто-то подменил ее! Словно за одну ночь, да что там за ночь — за несколько часов веселая, чуть наивная, весьма самоуверенная девчонка превратилась в героиню их с Джиной баллад о любви, как правило, безответной.

А еще он не понимал, что случилось с ним. И почему не просто удивляет — бесит — случившаяся с Викки перемена. Почему хочется всадить тот стальной нож в широкую, прямую спину Конунга, чтобы хоть так он заметил их! Вспомнил об их существовании. О Викки... Или... Нет, о Викки лучше не надо. Незачем ему о ней вспоминать.

А в Лабиринте они оказались как-то вдруг. Только что шли под высокими деревьями. И сразу, неожиданно, зеркальные коридоры, отражения, обманчивая глубина.

— Помолчите-ка, — Конунг коснулся рукой одного из зеркал. Постоял, молча глядя в глаза самому себе. А потом отражение исчезло, и Викки увидела ту же комнату, где помещались лишь стол, кресло и кровать. И того же смуглого красавца, на сей раз сидящего в кресле.

— Ух ты! — не удержался Майк.

— Эльрик! — красавец вскочил, выронив тонкую сигарету.

— Ну — Эльрик. И что? — капитан был холоден и суров.

— Викки. Привет, — черноглазый церемонно поклонился. — Мы, кажется, не успели познакомиться, меня зовут Рин. Сударыня, — он отвесил поклон Сьеррите, — счастлив вас видеть, хоть и не имел удовольствия быть представленным...

— Слушай ты, трепло, — Конунг нервно скривился. — Я не собираюсь удерживать связь вечно. Давай ближе к делу. Где ты?

— Я даже не на Лезвии. Кстати, может, ты нас все-таки представишь? Понял. Не представишь. Я, если можно так выразиться, между слоями стали.

— А с Дороги? — непонятно спросил Конунг.

— Никак, — не отрывая блестящих глаз от повесе-

лешей Сьерриты, Рин поправил фривольный бант, украшенный драгоценными камнями. — Нужна шпага.

— Ты знаешь, где она?

— В том то и дело. Слушай, Фокс, — Рин зачем-то оглянулся, — я подслушал их. Случайно. Тянулся еще раз связаться с тобой, а вышел на этих...

— На демонов?

— Нет. На их людей. Они узнали о том, что я говорил с Викки. Веселились. Один рассказал, что шпагу в жизни не найти. Она на Лезвии, ближе к Гарде...

— То бишь, к нам?

— Да, в Мессере эту звезду даже видно. В северном полушарии. Песня.

— Оллас?

— Ну да, по вашему Оллас. На ее восьмой планете...

— Рин, — жалобно проныл Конунг, и Сьеррита фыркнула. Жалобный тон совершенно не вязался с его мерзкой ухмылкой. — Там же холодно!

— Там еще и атмосферы нет, — ласково сказал красавец. — Слушай сюда. Там есть хребет, который опоясывает почти всю планету. Найдешь, я полагаю. Ни с чем не спутаешь. И есть ущелье, которое делит этот хребет практически пополам.

— Оно что, одно там такое?

— Может, и не одно, но в этом ущелье их база. Не напрягайся, не главная. А там — ищи.

— С тебя выпивка, — мрачно буркнул Конунг.

— Это всяко, — согласился Рин. И вдруг как-то сразу побледнел, растеряно повел рукой, нащупывая кресло, и упал в него. — Они... убивают меня, Эльрик, — прошептал он неожиданно беспомощно.

— Сволочи, — де Фокс врезал кулаком по разделяющей их прозрачной стене. Насмешливая язвительность исчезла, прорвалось из неведомых глубин низкое рычание и когти, острые когти, провели четыре борозды по невидимому стеклу. — Я скоро, Рин.

— Ты только не ярись, — Рин сумел улыбнуться. — Удачи.

Стекло помутнело. Подернулось пеленой. И прояснилось, послушно показывая отражения всех четверых. Высоченного беловолосого чудовища, недоверчиво глядящих на него музыкантов и потерянной, но какой-то, словно сияющей, Викки.

— Все, — Конунг обернулся к менестрелям и Викки, и, одновременно, они обнаружили себя на стоянке возле его леталки. — У вас свои дела. У меня — свои. Да, кстати, — он быстро написал что-то на листке бумаги. Свернул. Протянул Сьеррите. — Передай Птице, сделай милость.

Викки вздохнула. Очень тихо, но Конунг услышал. Бормотнул что-то в сердцах на своем языке.

— Что-то надо делать, — проворчал угрюмо, уже поднимаясь в леталку. И легкая машина взвилась в небо.

— Викки, ну... Все будет хорошо, — беспомощно сказал Н'Гобо. — Может, пойдём, погуляем?

— Он обязательно что-нибудь придумает, — обняла ее Сьеррита. — Да к тому же, знаешь, мерзавец он. Ты ведь и сама это понимаешь, правда? Злобный, самоуверенный мерзавец.

— Ты сказала: «Он что-нибудь придумает», — Викки накрутила на палец прядь светлых волос. Отпустила. — В том-то и дело, что всегда он, понимаешь? Самый сильный, самый надежный... Самый... Он... Он не кажется таким. Он действительно такой. Пойдемте, отнесем Птице записку. А потом ко мне. Сегодня мой день рождения.

Конунг

Дорога была вымощена звездами, как булыжником. То есть это он видел ее такой, а вообще Дорога для каждого была своя. Своя для каждого, и в то же время одна для всех.

Дорога шла через междумирье. Кто-то называл междумирье Пустотой. Кто-то — Великим Ничто. Кто-то — Загранью. Именно так, одним словом, Загрань. Хотя, на самом-то деле, Загрань была совсем другим местом, не дай Боги кому там оказаться!

«Скат» несся над Дорогой. Неспешно рысящая по звездам сотня конников на низеньких мохнатых лошадках, завидев корабль, натянула луки. Их командир, сверкнув узкими глазами из под рысего малахая, покачал головой. Луки опустились. Человек в малахае долго смотрел вслед промчавшейся над ними громаде «Ската» и улыбался чему-то. Сотня терпеливо ждала.

С Дороги можно было попасть в любое место любого мира. Аксиома, известная каждому образованному существу. Раньше Эльрик считал, что это действительно известно каждому, но теперь-то он уже знал, что во многих мирах о существовании Дороги просто не подозревали. Так же, как и о созвездии Меча.

Что до созвездия, то о нем в Мессере, по крайней мере, знали не то чтобы всё, но достаточно много. В частности, что Меч, подобно Дороге, есть во всех мирах. Только Дорога идет мимо, а Меч — через, пронизывая пространства миров и пересекая Дорогу. Эльрик полагал, что созвездие Меча — это такой своеобразный мир. Кое-кто готов был с ним согласиться.

Как бы там ни было, попасть на Лезвие можно было только с Дороги.

Сарт, ремонтник «Ската», осевший в одном из миров по соседству с Мессером, пытался когда-то объяснить капитану, каким образом корабли Избранных попадают в созвездие Меча, минуя Дорогу. Эльрик объяснения вежливо выслушал и даже попытался понять, но... Не императорское это дело — думать. Да к тому же, не все ли равно, как попадают на Лезвие Избранные. У него, Торанго, своя дорога — по Дороге.

Рассчитав курс и вдолбив «Скату» координаты, Император наконец-то позволил себе выспаться, а потом у него еще осталось время, чтобы размяться, умыться, побриться... Иногда он машинально приговаривал про себя: «помолиться»; это было остаточным явлением с тех времен, когда пришлось ему, убежденному нехристу, несколько лет провести в шкуре рыцаря Храма.

В рубке капитан появился за полчаса до выхода на Лезвие. Шесть часов назад он покинул Живилу. Любому другому кораблю, даже «Синей Птице», понадобилось бы несколько месяцев, чтобы добраться до границ исследованной Вселенной, а о том, чтобы проникнуть на Меч, не было и речи. Но «Скат» был «Скатом», а Дорога — Дорогой.

Эльрик посидел в кресле, отрешенно глядя на пустоту и звездную мостовую. Набил трубку. Раскурил.

Язычок пламени, выпрыгнувший из зажигалки, не погас, а перепорхнул на приборную доску, благо та была огнеупорной, и ворчливо заявил:

— Между прочим, ни один уважающий себя звездолетчик не курит. На космическом корабле каждая молекула кислорода на вес золота.

— Сгинь, — беспомощно приказал капитан.

Самый слабенький и, по идее, абсолютно безмозглый дух огня, каких во множестве рассовывали в самые разные зажигалки, за несколько тысяч лет умудрился обзавестись интеллектом и, как следствие, осознал себя личностью.

Что до интеллекта, то в этом Эльрик всерьез подозревал Рина. Но сколько ни угрожал, что выкинет чертову зажигалку, так свое намерение и не осуществил. Привык, что ли? Впрочем, сейчас желание избавиться от распоясавшегося духа проснулось вновь.

— Ты слишком много куришь, — заявила между тем нахальная тварь, принимая образ крохотного человечка.

— Знаю, знаю. А еще слишком много пью и слишком мало сплю.

— Все правильно. Гляди-ка, умнеешь!

— Не отравляй мне последние спокойные минуты.

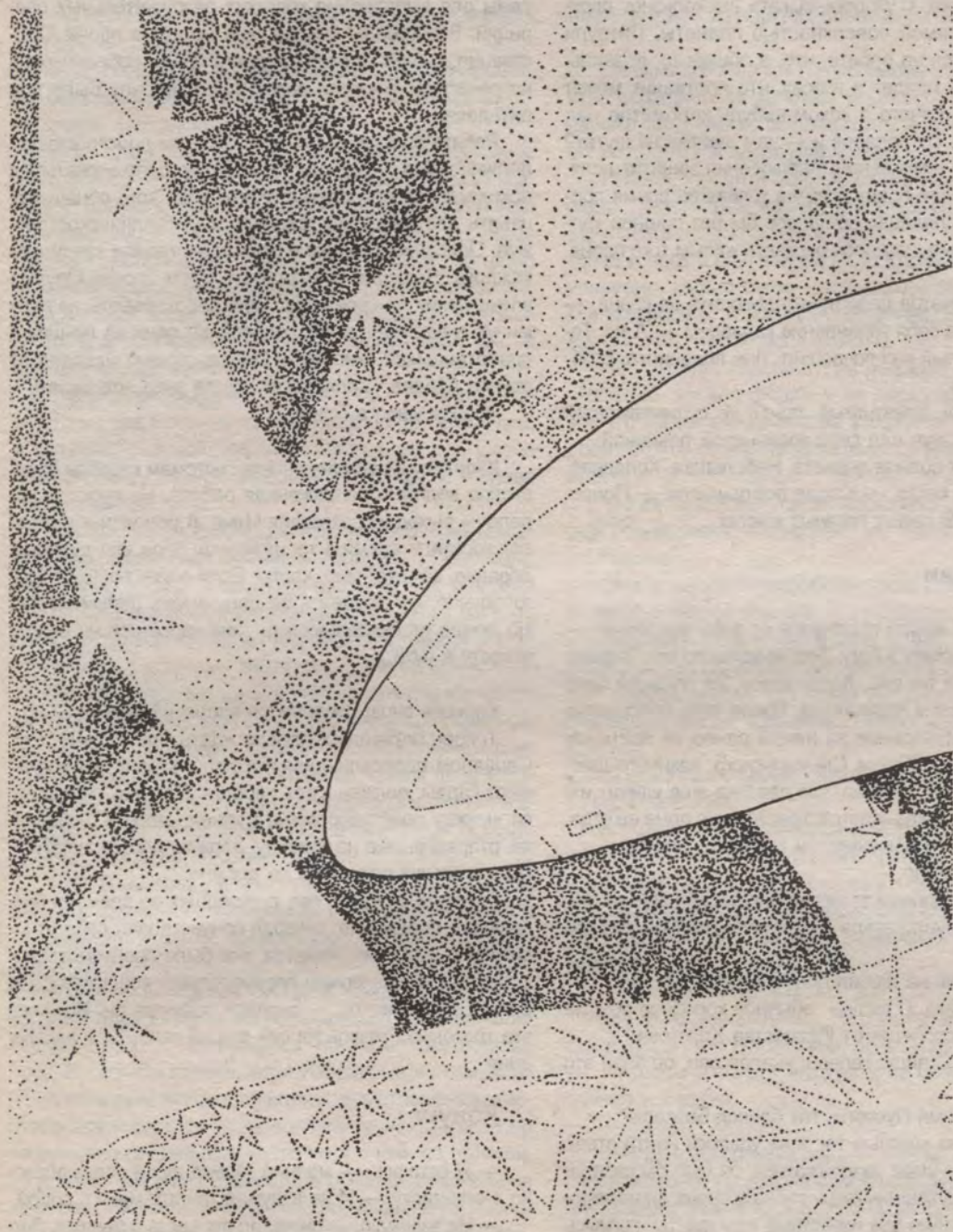
— Что значит — не отравляй?! — взвился дух. — Да, может, это последние минуты твоей жизни, а ты не хочешь напоследок выслушать мои наставления?!

— Не хочу.

Клубы дыма поднимались к потолку, вытягиваясь в вентиляцию. Да, курить на корабле действительно было преступлением. Но это ведь — если корабль в космосе. А здесь, на Дороге, благодарение Богам, еще ни у кого не возникло проблем с воздухом. Причем, любого состава.

Дух зудел еще что-то. Эльрик привычно не слушал. Докурил. Выбил трубку.

— «Скат», поля, — механики Анго, спасибо им, расстарались. Корабль не только помнил несколько сот конфигураций, но еще и способен был менять их самостоя-

тельно, ориентируясь по ситуации. Впрочем, этого от него сейчас не требовалось. Конунг задал параметры, уловил разлившуюся вокруг звездолета магию. Кивнул.

«Итак, что мы имеем?»

Была Дорога. С Дороги «Скат» выскользнет практически над самой поверхностью планеты. Патрули обычно крутятся на орбите, что, в общем-то, правильно. Никому не придет в голову, что противник может возникнуть из ничего в каком-нибудь километре над уровнем моря. От радаров и — чем шайтан не шутит? — возможного визуального наблюдения защитят поля. Если бы эта идея пришла ему в голову во время прошлой войны! Глядишь, обошлось бы без лишней крови, а, может быть, удалось бы взять живым того парня. Баркеля.

«Любое начатое дело нужно доводить до конца, — Эльрик взял на себя управление кораблем. — А ты, Торанго, в прошлый раз поспешил. Или поленился. В общем, сгруппировал».

Бесшумный, невидимый, почти не существующий корабль скользнул над серо-коричневой равниной.

Восьмая от солнца планета. Небольшая. Холодная. — Гадость какая, — Конунг поморщился. — Понастрают же баз! В самых поганых местах...

На Лезвии

Полковник Айран проснулся от того, что понял — он знает, где искать шпагу. Это не удивило его. Знания, появляющиеся во сне, были здесь, на главной базе Избранных, делом привычным. Более того, приказывая установить наблюдение за ничем ранее не примечательной дочерью Януса Спыхальского, каким-то шестым чувством Айран знал, что девочка еще удивит их. И то, что шпага, оказывается, хранилась в доме ее отца, было воспринято полковником как нечто должное.

Шестое чувство.

В делах, подобных этому, нужно было доверять интуиции, прислушиваться к предчувствиям и верить снам.

Айран очень не любил подобных дел.

Шпага. Шпага. С виду — обычное холодное оружие пятнадцатого столетия от Рождества Христова.

Обычное? С виду. Теперь, увидев сон, он знал это точно.

И кого, во имя Пустоты, так боялся Баркель?

Вопросы, на которые так и не удалось найти ответ. Если бы Айран умел раздражаться, он был бы раздражен. Однако полковник лишь снова и снова анализировал и сопоставлял все известные ему факты, пытаясь ПОНЯТЬ. И снова убеждался, что он способен не Понимать, а лишь Принимать.

Как должное.

Итак, Живила, особняк академика Спыхальского.

Айран отдал распоряжения рано утром и четко от-

лаженный военный механизм заработал. «Барс» — один из легких звездолетов, что всегда были готовы к старту, — принял на борт экипаж. Три человека. Капитан, ремонтник и стрелок. Все трое отлично подготовлены для выполнения коротких разрушительных операций. Все трое — совсем еще молодые парни. Собственно, людей старше тридцати среди Избранных не встречалось. Баркель разве что. Генералу было под пятьдесят.

Ребята сперва удивились, а потом просто взвеселились, узнав о задании. Не сложное дело ворваться в дом какого-то планетника, убить всех, кого обнаружат, изъять девушку, дочь хозяина, и металлическое оружие. Описание девушки и оружия заставили запомнить каждого. Девушка понравилась всем троим. Оружие впечатления не произвело. Но в целом работы на пару минут, а вот, поди ж ты, отправляют один из лучших и сработавшихся экипажей. Однако приказ исходил от самого Айрана. А полковник всегда знал, что делал.

«Барс» ушел в Прижок.

Капитану и навигационным системам корабля предстояла долгая и напряженная работа. Не простое это дело — выход из созвездия Меча. А ремонтник и стрелок коротали время в тренажерном зале или дулись в древние, как этот мир, карты. Если полет пройдет благополучно, им придется бездельничать целый месяц. Но лучше уж бездельничать, чем нарваться на неприятности в пути.

Баркель вновь любовался видом из окна.

Теперь оставалось только ждать. Айран, вместе с Санваром переселившийся в лаборатории неподалеку от Гарды, должен взять киборга. Пленник, томящийся «между пространством», должен умереть. А боевики, отправленные на Живилу, должны добыть шпагу. И только осечки случиться не должно.

Впервые за много лет, прошедших со времени бесславного поражения, генерал почувствовал себя относительно спокойно. Кажется, все было предусмотрено.

«Если только можно предусмотреть все, имея дело с этим... Конунгом», — сердито подумал он. Но даже эта тревожная мысль на сей раз не испортила настроения.

Конунг

— Я остаюсь, — мрачно заявил дух и полез обратно в зажигалку. — И не вздумай тащить меня с собой.

— Не вздумая, — он надел перевязь с мечами. Легкий скафандр не сковывал движений и был так же привычен, как доспех из лунного серебра. Да и защищал, надо отдать должное здешним умельцам, не хуже. Небольшой излучатель на поясе. Было, конечно, оружие и помощнее, но броню боевых роботов не брало

даже оно. А вот клинки брали. Еще одна загадка для Избранных. Не понять им, что есть мечи, и есть Мечи. И даже не в составе стали дело. Дело в том, кто этими мечами владеет.

— Ох, пропадешь ты без меня, — мрачно напроорочил дух, выглядывая на волю.

— С тобой я еще вернее пропаду. «Скат», открывай.

Он выскользнул из люка. Еще раз оглядел с высоты склона ущелье.

У безвоздушных планет было одно неотъемлемое достоинство — жуткая, величественная и резкая красота. И Конунг признал, что дурно отозвавшись об этой планетке, когда разглядывал ее со «Ската», он, пожалуй, был несправедлив. Здесь преобладали два цвета — серый и коричневый. Не самое плохое сочетание, да и оттенки были глубоки и разнообразны, а резкий контраст между светом и тьмой, непривычный, тем не менее, радовал взгляд.

Скалы рушились вниз прямо из под ног. Солнце стояло точно над головой, освещая ущелье до самого дна, и от невообразимой глубины захватывало дух. Серое и коричневое. Черное. Красное. Почти белое и снова беспросветная тьма.

«Не похоже на Анго. Но красиво», — Эльрик обшаривал взглядом замаскированные среди скал жилые помещения и ангары. Улыбнулся про себя. Уж, казалось бы, с его-то насыщенной жизнью, навидался всякого. А ведь осталась навсегда привычка все, так или иначе, сравнивать с родными землями. И, по-прежнему, эталоном красоты, с которым ничто из увиденного никогда не могло сравниться, были обточенные ветрами скалы, угрюмо спорящие с сизо-зелеными волнами. Темная зелень лесов, которые были на самом деле светлыми, как храмы, а между соснами-колоннами лились на усыпанную хвоей землю солнечные лучи. И небо. Обычно холодное, прозрачно-синее...

«Так. В ангарах делать нечего. Люди где-то дальше... В смысле — выше. Вряд ли меня там ожидают, но чем шайтан не шутит, пока Аллах того... спит. Значит... значит...»

Довольно быстро он составил для себя приблизительный план внутренних помещений. Прикинул количество стражи... Поморщился. Много ее там получалось. Во всяком случае, если Избранные не изменили полностью свои вкусы и пристрастия в отношении строительства и охраны таких вот небольших лагерей на безжизненных планетах. Ну да черт с ней, со стражей, — или как там у них назывались боевики, отвечающие за порядок и безопасность? — его, диверсанта хренова, интересует вход, который во-он там, на самой вершине. Собственно, он потому ему и нужен, что именно там, входить он не станет.

— Жди, — приказал Эльрик кораблю.

Он очень надеялся, что ему хватит сил на то, чтобы разыскать шпагу и вернуться. Но магией лучше не зло-

употреблять. А клятый клинок, как назло, не излучает. Ну ни капельки. Рин это намеренно сделал. Хотел, как лучше...

— А вышло — как всегда, — бормотнул Эльрик. И исчез в одном из верхних помещений базы.

Дальше все шло как по писанному. Разумеется, чувство опасности. И, конечно, роботы, куда же без них. Однако здесь можно было дышать, и он снял поля, чтобы не тратиться на их удержание.

Роботы, как он и боялся, оказались какими-то новыми. На то, чтобы найти у них уязвимые места и расстреливать издалека, ушло время. Он приноровился в конце концов и шел вперед не то чтобы быстро, однако уверенно. Нужно было найти кого-нибудь из Людей. Порасспросить. А Люди, естественно, не попадались. Дураки они, что ли, попадаться?..

Нет, чувство опасности не подвело. Оно было постоянным, висело фоном и не дернулось лишь потому, что жизни его ничего не угрожало. И он не сразу осознал, что сознание затягивается дурманной пеленой.

Что за бред?! Нет такого наркотика, яда, газа, который подействовал бы на него. Не так он устроен.

Нашли?

Он машинально попробовал защититься. Да где там! И так-то с магией еле-еле. А уж сейчас...

Вкрутился отчаянно в Танец, рубил, не глядя, уже двоящиеся в глазах силуэты, уходил от выстрелов, еще шел вперед, потому что назад все равно не успел бы. Мелькнула мысль приказать «Скату» уничтожить здесь все, но...

Шпага. Где ее искать, когда корабль превратит базу в груды развалин?

А потом, когда стены начали плясать в бешеной круговерти, и меняться местами пол и потолок, а потяжелевшие мечи с трудом — ему казалось, что с трудом, хотя различить сливающиеся в сплошную пелену стали лезвия все еще было невозможно — поворачивались в руках, он услышал:

— Ты нужен нам живым.

Роботы остановились... Нет, не остановились, просто здесь, в этом помещении, действующих машин уже не осталось. А из другого лезть не спешили. Он прислонился к стене:

— Зачем?

— Нам необходимо понять — что ты? Спротивляться бесполезно, ты ведь и сам уже понял это. Еще немного наркотика, и тебя можно будет брать голыми руками.

Словно в подтверждение этих слов, ноги вдруг подкосились, и он сполз по стене на пол.

«Ну, Торанго, шфэрт плэресэ, тешэр штез, так глюпо ты еще ни разу не попадался».

Даже злости на себя не было. Взяли, как мальчиш-

ку. Ну кто же мог знать, что они найдут тот, единственный состав?..

«А кто должен знать, кроме тебя самого, кретин?»

Конунг неожиданно рассмеялся, покачав головой, и Санвар, разглядывающий его изображение на обрамляющих лабораторию экранах, вздрогнул:

— Увеличьте дозу.

Распоряжение выполнили незамедлительно.

Он так и не пришел в себя полностью. Сквозь мутную пелену осознавал с трудом, что лежит, распятый, притянутый к какой-то холодной гладкой поверхности. Не пошевелиться. И уж, конечно, никакой магии. Что-то жужжало, ползало по телу, иногда впились под кожу тоненькие иглы. Потом черным шаром разорвалась под черепом боль. И вновь пустота.

Викки

Две недели.

День рождения прошел замечательно.

Януш Спыхальский, правда, сперва старательно хмурился, выясняя, где же драгоценная дочь пропала целый день, всю ночь и часть утра, и неужели там, где она была, не нашлось коммуникатора, чтобы позвонить домой.

— Роберт с Анджелой ждут тебя уже час. Я их развлекла как могу, но, милая, они же пришли к тебе, а не к такой старой развалине, как я.

Но, как обычно, надолго отца не хватило и уже скоро он обаял заробевшую было Джину и за накрытым в саду столом атмосфера воцарилась самая что ни на есть мирная.

Роберт с Анджелой сперва опешили, когда поняли, что весьма популярная на Живиле парочка музыкантов приглашена к Спыхальским в качестве полноценных гостей. Но в замешательстве пребывали не долго. Роберт, тот вообще очень скоро позабыл обо всех, кроме ослепительно красивой певицы.

Викки даже позавидовала слегка. Сьеррита на всех мужчин производила сногшибательное впечатление, но Роберт-то... Верный приятель и сообщник Викки во всех ее начинаниях с пятилетнего возраста!

«И ты, Брут», — Викки посматривала на Анджелу, Анджела — на Роберта и, кажется, втихомолку над старшим братцем посмеивалась. Зря, конечно. Устоять перед Джинной действительно было невозможно...

«Для этого нужно быть необыкновенным! — думалось как-то рассеянно, почти лениво. Непривычно думалось. — Необыкновенным мужчинам нужны необыкновенные женщины. Как Птица. А я... А я — самая обыкновенная».

— Викки! — Майк подкрался сзади и осторожно на-

дел на нее венок из маленьких нежно-голубых цветов. — Класс! Тебе идет!

— И правда идет, — поддержала Джина. — Роберт, я хочу венок.

Роберт сорвался с места и умчался в глубину запущенного сада Спыхальских. Цветов там росла уйма. Анджела не выдержала и расхохоталась.

— Майк, скажи мне, только честно скажи, — Викки смотрела из-под цветов весело и немножко жалобно. — Есть во мне хоть что-нибудь необыкновенное?

— Ты — вся необыкновенная! — неожиданно горячо заверил парень.

— Я же просила честно...

— А я честно. Ты что, об этом... — Н'Гобо помялся, подыскивая эпитет помягче, — об этом чудище? Викки, забудь! Ты же видела-то его всего пару часов. Ты просто... просто слишком впечатлительна, вот. Пойдем танцевать. Смотри, какой венок Роберт припер. Джину за ним не видно будет.

Викки ждала. Конунг, беловолосый чужак, должен был вернуться.

Майк приходил каждый день, не давал скучать, отвлек от навязчивых мыслей. А мысли металась от полного отчаяния к яростной светлой надежде.

Викки не верила в собственные воспоминания. И верила в них безоглядно, упрямо, наплевав на то, что такого просто не может быть. Она уступала первенство Птице. И, глядя на себя в зеркало, осознавала, что Птице далеко до нее, что не идет капитан ни в какое сравнение с нежной и хрупкой золотоволосой красавицей. Она ждала Конунга. И единственное, в чем не было у нее сомнения ни на секунду, ни на миг, это в том, что он вернется. Что он сделает все, что хочет сделать. Что его не остановить.

Любовь — это голод.

Ни в одной книге из тех, что прочитала она, ей не сказали об этом. Любовь — это тоскливая, сосущая жажда. Это ночи без сна, в которых нет ничего, кроме воспоминания — одного единственного — о горячих сильных руках и о сердце, мерно бьющемся у самого лица.

Любовь — это ненависть.

Его руки, его губы, его страшные, прекрасные глаза принадлежали Птице. Ее пальцы целовал Конунг там, в ресторане. Ее кружил он, вскинув на руки, в пустынном зале космопорта. Ее волос касался губами, когда танцевали они...

Любовь — это страх.

Почему она ничего не знала о том, что любви можно бояться? Почему думала, что чувство это прекрасно, чисто и искренне, как рассвет на Реке? Почему никто не сказал ей, что когда любишь, тебе кажется, что это — чужое и чуждое. Словно навязанное кем-то. Кем-

то таким же страшным, как Конунг. Ведь, Господи, Викки боялась его.

Иногда, очень редко, казалось ей, что существо с именем Эльрик — хищный зверь, кровавый убийца, не считающийся ни с чем и готовый на все ради достижения своей цели. Иногда она была даже уверена в том, что это действительно так. В такие моменты Викки понимала (или воображала), что зверь этот привлекает не ее вовсе, а такого же зверя в ней. Самку. Самку, пресмыкающуюся перед силой. Самку, которая живет в любой женщине. Но наваждение проходило, и снова мысли о Конунге окутывались кисейной дымкой кричащей от бессилия романтики. Зверь? Бред какой! Только неясно было, откуда же взялось ощущение чуждости. Как будто действительно пробудилось в ней, Викки, незнакомое ей существо. Незнакомое и страшное.

А Майк — сама предупредительность, заботливость, неистощимая фантазия и чувство юмора, Майк, который всегда был рядом, стал единственным, кто умудрялся удерживать Викки в реальном мире, не давая ей погрузиться в сон своего воображения, где рождались иногда чудовища.

Он говорил:

— Такого не может быть, Викки, правда! Ну просто не может. Не бывает переселения душ. Не бывает Любви, живущей тысячелетия. Это только в песнях такое случается, но мы же не в песне.

Иногда она сердилась на него. Иногда готова была согласиться... но что-то мешало. Что-то внутри нее. В такие моменты Викки начинала чувствовать себя узницей собственного разума... или безумия. Но она не пыталась освободиться. Сама мысль об этом не приходила ей в голову.

Она ждала Конунга.

А Майка для Викки не существовало. Почти. Впрочем, она всегда рада была видеть его.

— Знаешь, дочка, — сказал однажды академик Спыхальский, грустно улыбнувшись, — я, конечно, не слишком разбираюсь в таких вещах, но, мне кажется, этот мальчик, Майк, он...

— Да брось ты, папка! — Викки вспыхнула. — Мы просто друзья. У него же есть Джина.

— Ну-ну, — неопределенно пробормотал господин Спыхальский. — Может быть, я и ошибаюсь.

Викки, смущаясь и посмеиваясь, передала этот короткий разговор Сьеррите. Та фыркнула и захлопала в ладоши:

— Ну, знаешь, если уж и отец твой это заметил...

— Джина, — укоризненно протянула Викки.

— А что Джина? Ты в каких небесах витаешь, девочка? Да Майк втюрился в тебя сразу, как увидел. Нет, ты не подумай, что я смеюсь, — поспешила она добавить, увидев как помрачнела Викки. — С ним такое в первый раз. То есть, девчонки, конечно, были, но... Тут, знаешь, совсем другое дело.

— А... а ты?

— Я? — Джина удивленно на нее воззрилась. — Ты что, думаешь мы с ним... О, господи, бывает же такое! Нет, милая, я считаю, что либо секс, либо работа! Майк — мой напарник. Ну и друг, естественно. А мужиков я себе всегда подыскиваю на стороне. И он тоже. В смысле, не мужиков, конечно.

— Но ты же... когда Птица... когда он ее увидел...

— Викки, пойми, — Джина устало вздохнула. — Птица — она Птица. Ты, конечно, тоже не... как это?... не нашего поля ягода, вот! Но Птица, та вообще! Да ты не бойся. Майк одумается рано или поздно.

— Надеюсь, — пробормотала Викки.

Две недели.

Она ждала Конунга.

Оллас, восьмая планета

— Вы бы отдохнули, Санвар.

— Что? — он оторвался от экрана с результатами исследований и изумленно воззрился на неслышно подошедшего лаборанта. — Нет, вы только взгляните! Это же потрясающе! Какой метаболизм! Ничего подобного еще не встречалось! И это живое существо! Живое! Вы подумайте!

Лаборант отошел со вздохом.

Какой там отдых? Санвар даже поесть забывал. Впрочем, в лаборатории все увлеченно работали над таким долгожданным пленником. Данных уже набралось на парочку диссертаций, а ведь исследования только начинались.

Генерал не торопил. Он вообще никогда не вмешивался в работу Санвара. Правильно, в общем-то, делал. Каждому свое. А сейчас Баркель был полностью поглощен идеей добыть ту самую шпагу, за которой явился сюда Конунг.

Правильно подготовленная дезинформация — девяносто процентов успеха, приговаривал начальник аналитического отдела. И он был, безусловно, прав.

Конунг

Он не удостоивал вниманием кипящую вокруг него бурную деятельность. К нему, кажется, обращались. Что-то спрашивали. О чем-то говорили. Плевать.

Он отстраненно размышлял. Отстраненно от происходящего. И болезненно. Беспомощность всегда причиняет боль. Особенно, если эта беспомощность «...они убивают меня...»

может погубить того, кто дорог.

Рин.

Сейчас и здесь над ним, Эльриком, копошатся Люди. Избранные. Что-то там исследуют, возможно, даже что-то понимают. И время идет. А он

«...они убивают меня, Эльрик...»
ничего не может сделать.

Рина уродуют демоны. Сотня демонов и Бога одолевает. Это была старая присказка Мессера. Физическое тело — ерунда, оно заменимо и не особо ценно, именно поэтому Люди не в состоянии причинить Богу какой-либо серьезный ущерб. Но Рин выглядел так плохо... Каково же ему приходится там, «между слоями стали»? Демоном плевать на физическое тело. Они добрались до того, что является божественной сущностью Рина. И медленно, медленно, но верно, убивают его. Они жрут его живьем. Жиреют. Набираются сил из его бессилия. Черпают жизнь в его смерти.

И снова мысли подернулись дурманной рябью.

«Черт с вами», — неожиданно легко подумалось вдруг. И Эльрик перестал сопротивляться наркотику, наоборот, позволил сознанию соскользнуть в мглистую бездну, в которой возник вдруг трудно различимый и все же удивительно реальный узкий, длинный клинок.

Вверх. Вверх по лезвию. Все вверх и вверх, в бесконечность, в пустоту, чуждую образов. «Есть Меч. И есть Я. А все остальное не важно...»

Оллас, восьмая планета

— Пульс уходит. Санвар!

— Вижу, — биолог напряженно вслушивался в ритмичное попискивание приборов. Все реже. Реже. Сердце замирает.

— Он не дышит!

Нет, только не это. Если он умрет...

Мгновенная суета. Тихая, еще не паника, но что-то очень близкое к ней. Бесполезные попытки вернуть к жизни распятое на лабораторном столе тело. И общий вздох облегчения — сердце не перестало биться совсем. Оно работало. С интервалом в две минуты, очень слабо, но работало.

— Как он это делает? — ни к кому не обращаясь, спросил Санвар.

Естественно, ему никто не ответил.

«Барс»

Две недели в пути.

Все ближе к шпаге. Все ближе. К непонятному и загадочному оружию. К оружию неизученному. К оружию, которое не потеряло силы, даже лишившись хозяина. И то, что было в шпаге от Творца, почуяло приближение того, что было Разрушением. Бог услышал демона. Бог начал просыпаться.

Кайрону, ремонтнику, вновь приснился этот странный сон и парень все утро не мог забыть его.

— Употребление на корабле наркотических веществ запрещено Уставом военного флота, — веселился стрелок. — Ты чего такой... обдолбанный? — Он был только

что из душа, свежий и бодрый. Мокрые волосы казались темнее, но Кайрон знал прекрасно, что Руж — рыжий. Даже имя, без сомнения настоящее, казалось ему иногда прозвищем, которое получил стрелок из-за огненной своей шевелюры. — Поделись «дурью», а? — не унимался тот.

— Умолкни, рыжий, — буркнул Кайрон.

— Взбесились вы от безделья, — серьезно заявил капитан.

— Что там у тебя? Выкладывай.

— Да, ерунда! — ремонтник отмахнулся. — Сон мне снится. Неделю уже. Выпуск в школе звездолетчиков.

— А что выпуск? Отличный у нас был выпуск! Лучший из всех!

— В том-то и дело, что мне не наша школа снится. Другое что-то. И люди другие. А мы все там почему-то... И ты, Люк. И рыжий наш.

— Сам ты рыжий, — Руж надулся.

Кайрон не услышал его. Хмурился, подыскивая слова:

— Каждую ночь. Одно и то же. Я уже — не поверишь, кэп, сомневаться начал, а может оно и вправду...

— Говорят... — Кайрон сердито засопел. — Говорят, «это» во время Войны бывало. Причем массово. Сколько тогда предателей к этим... переметнулось!

— Да брось ты! — Руж крутнулся вместе с креслом. — Всем известно, что им на мозги давили. Конунг этот... — он охарактеризовал Конунга в выражениях, с которыми тот вряд ли согласился бы.

— Вот именно, — Люк кивнул. — А ты у нас пару денечков полечишься и будешь как новенький. Хоть медика включим — в деле проверим. А то модель улучшенная, да в боевых условиях еще не испытанная. Лады?

Кайрон молча пожал плечами.

Рин

Он вспоминал. Потому что ничего другого все равно не оставалось. Только вспоминать. Глупо попался. Как глупо! Письмо от Птицы — этого оказалось достаточно, чтобы кинуться сломя голову прямо в ловушку. А там навалились — не отбиться. Демоны.

Демоны.

Эльрик ненавидит демонов. Рину всегда казалось, что в ненависти своей Император перегибает палку. Ну за что, в самом деле, ненавидеть тех, кто просто устроен так, что не может жить, не разрушая. Кто-то создает, кто-то уничтожает. Таков порядок. Таков Закон. В конце концов, Боги тоже своего рода демоны. Точнее, существа демонической природы. Только существа создающие. Вот и вся разница...

Но Рин не мог представить себе Бога, который стал бы убивать другого Бога. Убивать так.

Хуже всего было, когда Рин видел своих палачей.

Видел, бессильный воспротивиться пытке, бессильный причинить им вред. Иногда он не мог понять, действительно ли бестелесные твари копошатся вокруг него, жадно присосавшись к хлещущей из него жизни, отталкивая друг друга в стремлении урвать себе частицу Силы, божественной Силы. Действительно ли он видит их. Или это бред? Но разве могут Боги бредить?

Люди истекают кровью, когда нельзя перевязать рану. Из Рина уходила Сила. Ее уже не нужно было даже вытягивать — остановить бы! Не получится.

Не получится.

Нет.

Демоны вытягивали силы. И чем меньше оставалось жизни у Бога, тем быстрее уходила она. Было больно. А воспоминания почему-то прогоняли боль.

И снова он, Рин, пребывал в пустоте небытия. Блаженствовал, отрешившись от своего мира: от людей, проклявших и давно забывших его; от скуки, что одолела за последние века. Он наслаждался покоем и даже не понял сперва, что кто-то осмелился потревожить его.

— Рин, я знаю, что ты меня слышишь.

Голос был низким, мягким, настойчивым. И абсолютно лишенным почтения.

Что это за нахал? Смотреть было лень.

А голос не унимался. Требовательно вызывал его, ругался и сыпал странными проклятиями. Иногда становился почти просительным. Почти. Но ни разу не опустился до прямой просьбы. И любопытство уже стало одолевать: никогда и никто не разговаривал так с Богом. И самолюбие заело. Тоже, нашелся наглец!

Он все-таки глянул краем глаза. Увидел. Дерзкий «проситель» (других определений смертным Рин никогда не знал) разыскал один из немногих уцелевших его храмов. Возле огромной статуи-идола был разбит лагерь. А этот, настырный, был, судя по всему, командиром небольшого отряда.

Рин помнил времена, когда на месте этих песков стоял огромный город. Храм, как положено, располагался в самом центре. Тогда ему днем и ночью досаждали просьбами, молитвами и заверениями в любви и почтении. Иногда он пытался чем-то помочь людям, но заканчивалось это плачевно.

Рин, хоть и являлся Богом-создателем, но считал, что люди должны жить самостоятельно. Их такими сделали, в конце-то концов. Богу — Божово, смертным — смертное. И оставьте вы Бога в покое!

Когда он Творил, ему хотелось создать нечто необычное, гармоничное и Красивое. Но созданному миру-сказке не хватало чего-то. Скучно было там общительному юному Богу. И появились люди.

Чистые, как дети. Как дети — наивные. Как дети — любящие своего создателя. И он любил их. Учил. Растил. Опекал. Но дети растут, они должны становиться на ноги, а люди, его люди, все так же требовали внима-

ния и опеки. Их любовь превратилась в иждивение. Просьбы — в капризы. Верность — в оковы. Рин не понимал этого. Или не замечал. Иждивение, капризы, оковы — разве ведомы Богу эти понятия? И он по-прежнему нянчился с ними... Пока однажды сам не стал человеком.

...Но об этом вспоминать не хотелось...

Оулэн...

Оулэн!

Богу, понявшему людей, очень быстро осточертела людская лень. И он решил уйти. Это сработало — смертные научились жить самостоятельно. Но уход своего Бога восприняли как предательство и... Прокляли. А потом и вовсе забыли.

Теперь о нем вспомнили. Не было печали.

Впрочем, таких как эти, стоявших лагерем у его храма, Бог еще не видел. И уж точно он таких не создавал. Существа эти были удивительно, почти божественно красивы. Голоса их казались музыкой, а огромные миндалевидные глаза светились, кажется, нечеловеческой какой-то мудростью и... да, древностью. Смешной такой древностью — от силы нескольких столетий, но все же.

А тот нахал, что командовал всеми полтора десятками этих... пришлых. Он носил маску. И, судя по тому, что видно было из под нее — носил не зря.

Впрочем, если не считать лица и когтей на руках, в остальном этот тип очень походил на своих спутников. Вот только ростом был на голову выше самого высокого из них. Редкостная громадина.

«Интересно, кто таких делал?»

Рин наблюдал.

Настырный тип не унимался. Тормошил Бога и так и эдак. Ругался все чаще. Уговаривал все реже. Но время шло. Кто-то должен был сдаться. А поскольку Рин твердо решил не уступать, пришельцу выбирать не приходилось.

Видимо, рано или поздно, он понял это. Потому что однажды Бог увидел, что лагерь сворачивают. Навьючивают шатры на странных животных, покрытых длинной коричневой шерстью, горбатых, со спесивыми мордами. А огромный беловолосый командир в последний раз поднялся к подножию статуи. Уселся рядом, молча глядя, как работают его люди. Снял с пояса флягу.

— Редкостный ты мерзавец, Бог. Ну да ладно, все вы такие. Выпить хочешь?

И великое безмолвие божественного ничто дало трещину. Жизнь, прожитая среди людей, опять напомнила о себе. Так напомнила, что непроизвольно вырвалось:

— Один-ноль, — и, обретая плоть, Бог появился перед невозмутимым чужаком. — Давай.

Во фляге было нечто невообразимое, разом сплавившее все вкусовые рецепторы и взорвавшееся в желудке огненным шаром. Это Рину понравилось.

— И чего ты от меня хочешь? — спросил Рин, когда выпивка кончилась, а в голове уже не то что приятно шумело, а неслась какая-то веселая, бешеная круговерть. Ладно, хоть язык не заплетался.

— Вот так, значит? — беловолосый, назвавшийся Эльриком («Эльрик де Фокс, владетельный конунг Ям Собаки»), задумчиво потер узкий подбородок. — По уму-то я тебе должен гордо сказать, что ничего не хочу, да? Я бы с удовольствием, но твоя помощь нам действительно необходима.

— Говори, — вздохнул Бог. Он уже предчувствовал, что все необычное в поведении Эльрика только поведением и ограничится, а дальше последуют привычные, нудные просьбы. Но ведь напоили же. И то хорошо.

— Мы ищем человека. Мага. Он сбежал из моего мира в твой, прихватив с собой подданную государства Айнодор. Эльфийку.

«Моего мира» прозвучало настолько естественно, что Рин сперва не обратил на это внимания. А когда задумался над — оговоркой? — переспрашивать было уже неудобно.

— Честное слово, мы не стали бы тебя беспокоить, — беловолосый не то чтобы извинялся, скорее объяснял, почему понадобилась помощь Бога. — Но здесь он снова сумел от меня сбежать. А глупая девчонка (я про Эльфийку) умудрилась влюбиться в твоего жреца.

— Они еще не вымерли?

— В тебя еще верят. Жрец оказался не умнее и попытался помочь девочке самостоятельно. Теперь мы понятия не имеем ни о ней, ни о нем, ни о Дэйне. Это мага так зовут. Прочесывать всю эту планетку в поисках абсолютно нереально. Да, к тому же, они могут быть уже и не на ней. Мира Дэйн не покидал, это точно. Девчонка ему нужна. Нас он боится. А в тебя не верит. Ты можешь их разыскать?

— Не знаю, — Рин озадаченно помолчал. — Ты просишь, чтобы я нашел в своем мире чужеродную жизнь?

— Я хотел бы, чтобы ты это сделал.

— А просить ты в принципе не умеешь, да?

— Не умею, — резковато ответил Шефанго.

— Это хорошо.

— Не о том речь, Бог. Ты сможешь помочь нам?

— Я попробую, — честно сказал Рин. — Но не обещаю, что это получится сразу. Мне нужно знать, как они выглядят. Хотя бы как они выглядят.

— Запросто.

Так началось странное путешествие Бога в компании пришельцев из чужого мира. Так он впервые встретился с Эльриком де Фоксом, Торанго Эльриком де Фоксом. Тогда он не знал еще, что его слова «мой мир» не были оговоркой.

Пришельцы называли себя «Эльфами», а командира своего — «Шефанго».

То есть, разумеется, у них у всех были имена. А Эльфы, как объяснили Рину, это было название расы. Шефанго — тоже.

Бог не спешил вернуться в пустоту. Более того, он решил устроить себе маленькое развлечение и попутешествовать в хорошей компании. Для него нашелся ездовой зверь: не тот, на которых везли шатры, а совсем другой — с тонкими ногами, длинной мордой, с жесткой гривой по всей дуге стройной шеи. Зверь назывался конь, и у него было имя — Бахус. Эльрик объяснил, что так зовут одного из Богов в их мире. Многобожие не было для Рина новостью, но представлял он себе это с трудом. Однако, Бахус так Бахус. Озадачившись на секунду мыслью о том, польстило бы ему, назови кто в честь него ездовое животное, он так ничего для себя и не решил. А ездить на «коне» оказалось не сложнее, чем на маравиле. Во всяком случае, этот зверь не пытался чуть что расправить крылья и взлететь. И вообще, крыльев у него не было.

Найти Дэйна и Эолантэ получилось не сразу. Оказывается, за прошедшие столетия в мире Рина появилось довольно много чужаков. Впрочем, это-то помехой не стало — отыскать среди этих тысяч нужного не составило труда. Проблема была в другом. Дэйн почувствовал, что им интересуется сила божественного порядка. И начал прятаться так, что временами Рин просто не успевал понять, где же находится маг, как тот уже исчезал в другое место.

Поиски затягивались. Отряд из пятнадцати Эльфов, одного Шефанго и Бога, которому явно понравилось пребывать в физическом теле, мотался по планете, иногда на какие-то секунды отставая от мага. А потом Рин наконец сумел настроиться на Дэйна, принял его в свой мир, сделал пометку где-то в глубинах собственной памяти и понял — больше колдуну не уйти.

Однако Бог не торопился. Не спешил отдать мага пришельцам. Не спешил расстаться с ними. Он еще не присмотрелся. Еще не все понял.

Эльрик.

Это было похоже на соперничество. Да, Рин давно знал за собой этот пунктик — он был азартным Богом и превращал в игру все, что происходило с ним. Шефанго открыл счет. Один-ноль. Рин уступал. Ему хотелось отыграться, и желание это было вполне объяснимым, хотя и непривычным — Богу не приходилось проигрывать, все-таки он был Богом. Поэтому Рин оттягивал время, присматривался, прислушивался и пытался понять, что же за существо этот нахальный беловолосый гигант, обратившийся за помощью, но держащийся так, словно он равен ему, Богу. Словно и не просил он ни о чем. Словно...

«Словно у него нет души», — понял однажды Рин.

Эльфы — воплощенная красота, открытость, честная мудрость. Эльфы — искренние как дети, прекрас-

ные как цветы, строгие как боги. Рин полюбил их сразу, как только узнал поближе. Эльфы ходили на его народ. А он любил свой народ, хоть и устал от него. И Рин читал их души, как открытые книги.

Шефанго был на особицу.

Но душа есть у всех. Кто-кто, а Бог-то знал это совершенно точно. Значит, есть душа и у Эльрика. Нужно только копнуть поглубже, присмотреться получше и — разглядеть.

Рин копнул.

Он увидел смерть.

Полное безразличие ко всему, кроме дела, которое нужно было завершить. И делом этим были отнюдь не поиски Эолантэ, из-за которых пришли в чужой мир пятнадцать лучших айнодорских воинов. Эльрик собирался убить Дэйна. Убийство. Ради этого он явился сюда.

«Это надо обдумать», — сказал себе Бог. Он ни разу не сталкивался ни с чем подобным. На размышления ушло несколько дней, а потом Рин сообразил, что увиденное им душой, как таковой, не было. Всего лишь верхний слой мыслей. Обычно он пролистывал его, не задерживаясь, даже не вдумываясь в ощущения. А тут почему-то завяз.

Складывалось впечатление, что кто-то ему мешают.

Но такого быть не могло. Разве могут цветы возражать против того, чтобы на них смотрели? Разве могут книги мешать тем, кто читает их?... Разумеется, нет.

Снова и снова пытался Рин проникнуть под маску. Под маску на лице. Под маску-лицо. Увидеть если не душу, то хотя бы свет ее. Если не чувства, то хотя бы их бледную тень.

— Хватит, — холодно сказал однажды Шефанго. — Тебе не тягаться со мной, Бог. В этом не тягаться.

— Да я, в общем-то, и не тягаюсь, — от всей души удивился Рин. — Но... Ладно... Два-ноль, — и на следующий день они помчались по следу Дэйна как стая гончих. Они затравили зверя, оставалось прикончить его.

Город был даже не городом. Это был форт, выстроенный чужаками. И командовал в нем один из самых сильных магов родного мира Эльрика. Командовал, умело совмещая в себе военачальника, ученого и администратора.

Город был готов к обороне. Дэйн тоже.

— Готы, — мрачно констатировал де Фокс, глядя мертвыми глазами на людей на стенах. — Запустил ты мирок, Рин. Запустил.

— Готы, — Ильтар успокоил горячащегося коня. — Любят они нас, а, Торанго! Слушай, Дэйн — он тоже гот?

— Готтландец.

— Серьезно?

— Более чем.

— Я, молодые люди, понятия не имею, о чем вы, —

напомнил о себе Рин. — Но этот городишко можно просто разметать в пыль.

— А что!? — Ильтар ослепительно улыбнулся. — Это же идея. Слышишь, Торанго? Дэйна Рину не достать — он чужак. Но город-то построен здесь. Город в его власти.

— Нет, — Эльрик тронул своего коня — зверя под стать хозяину (Рин его слегка побаивался) — и шагом поехал к форту.

— Но почему, во имя всех Богов?! — крикнул вслед Ильтар.

— Нечестно.

Вороной жеребец де Фокса перешел на рысь, мигом донес всадника до ворот и... — Ильтар пробормотал что-то на родном языке — тяжелые створы распахнулись. Эльрик скрылся в городке.

Он выехал оттуда через полчаса. Карьером. Нет, никто за Шефанго не гнался.

— Дураков нет за ним гоняться, — напряженно объяснил Ильтар. — С этой троицей всегда так: сперва за ними гонятся, а потом они морду бьют.

— С какой троицей? — не понял Рин.

— Дэйна нет в городе! — вороной зверь плясал под Шефанго, выгибал шею и грыз трензель, яростно скрежеща по металлу белыми зубами. — Рин, он что, опять сумел закрыться?

— Да здесь он. Точно здесь. Боги не ошибаются...

— Это ты так думаешь. Ильтар, разбейтесь на пятерки, прочешите все вокруг, каждый камень, каждую нору, штез эльфе... прости, Рин, ищи... Он оставил в городе фантома. Знаешь, что такое фантом? Понял. Извини. Ты должен найти оригинал!

«Ничего я тебе не должен!» — возмутился Бог. Про себя. Потому что понимал — не время сейчас возмущаться. И пока Эльфы обшаривали окрестности, забираясь все дальше, обходя город по расширяющейся спирали и время от времени связываясь с де Фоксом, чтобы доложить об отсутствии результатов, Рин раскинул перед собой пульсирующие всеми цветами спектра магические линии этой небольшой планетки. Он просматривал их, от источника до источника, отщелкивал не интересующие их каналы, временно перекрывал наиболее сильные потоки, которые мешали поиску. Он искал чужую магию. Магию, которая не подпитывается силами его мира. Совсем крохотный, короткий и тонкий, как волосок, канал, протянувшийся от фантома к оригиналу. От фантома, которого так долго принимал он за Дэйна, к Дэйну подлинному, настоящему, который не мог быть далеко. Который был где-то здесь...

— Есть!

— Нашел?!

— Да. Твоим Эльфам его не разглядеть.

— Едем.

Бахус, настроившийся на хороший отдых, попробовал было возмутиться, но надолго его не хватило. Эль-

рик связывался с командирами пятерок, давал им координаты и отключался, не слушая изумленных возражений типа: «Мы ж там были!» Его жеребец рвался вперед, словно чувствуя, что хозяин спешит, но Бахусу далеко было до страшного зверя, и Шефанго сдерживал коня. А Рин торопил своего, как только мог.

Они промчались через рощицу — мягко простучали копыта коней по усыпанной листьями земле — вылетели на широченный луг, окруженный редкой чередой деревьев. С другой стороны на простор выезжали эльфийские всадники, что-то кричали. Эльрик придержал коня, поехал рысью навстречу своим. Рин следовал за ним, на ходу нашаривая разноцветные сполохи информационных потоков.

Эльфы налетели, загомонили разом, разом замолкли. Эльрик, тоже молча, обернулся к своему спутнику. А тот, собрав в ладони любимую свою планетку со всем, что было на ней, со всем, что к ней принадлежало, пропустил, как воду сквозь пальцы, все лишнее, и на лугувом разнотравье, словно и не примяв высоких хрупких цветов, возник замок.

Он появился из ничего. Оформился, подчинившись приказу Рина. Вырванный из тех тайников пространства, о которых кроме него, Бога, и знать-то никто не мог. Он был прекрасен. Строен и легок. Он ослепительно белым лучом рвался высь с зелени трав. Потом стены перестали слепить, погасли плавно, давая глазам привыкнуть к тусклому дневному свету, стали прозрачными и...

Ильтар, ахнув, подался вперед, но Эльрик перехватил его коня за повод. В стены замка, прозрачные как стекло, как родниковая вода, в прекрасные стены были замурованы девушка и мужчина.

— Во имя Владыки, они же живые! — шепотом простонал Ильтар. — Сестренка...

Эльрик глянул на него коротко. Обернулся к Рину:

— Спасибо. Эта девочка — Эолантэ. А парень с ней — тот самый жрец, не помню как его звать. Нашлась пропажа.

— Рано радуешься, Торанго! — прокати-

лось по лугу, подняв над деревьями тучи птиц. — Ты так туп, что не в состоянии понять очевидного, да? Эти двое, которых ищут Эльфы, гарантируют мою безопасность.

— Серьезно? Так, Ильтар, — Шефанго отпустил наконец-то эльфийского коня. — Построй своих, но смотри, без глупостей. Дыши ровнее.

Рин смотрел на замок и, кажется, начинал понимать. Еще не верилось в то, что бывают люди, способные поступить так, но уже приходилось смириться с тем, что — есть.

Дэйн появился на стене. Высокий, пожилой. Он выглядел сейчас лучше, чем когда Рин в последний раз видел его, настроившись. Маг постоял, подставив лицо ветру, разглядывая маленький отряд, нетерпеливо бьющих копытами коней, горящие глаза Эльфов:

— В город тебя впустили сразу, да? Трусый! — он безразлично поморщился.

Воздух был таким прозрачным, что гримасу увидел все.

Дэйн педантично расправил снежно-белые манжеты и облокотился на парапет:

— Кто это с тобой? А-а... Даже так... Снимаю шляпу, — он действительно снял украшенную перьями шляпу и поклонился Рину. — Я подозревал, что вы существуете.

— Эльрик, — Бог не удостоил ответом смертного, в кои-то веки поведя себя так, как должно Богу. — Я не смогу ничего сделать. Извини.

— Почему? — это Ильтар. Он не отрывает глаз от сестры, но слышит каждое слово Рина. — Почему? Ведь ты — Бог.

— Ты меня недооценил, Торанго, — прогрохотал Дэйн, — ведь правда? И переоценил своего покровителя. Я об этом, новом. Кстати, его ты тоже собираешься предать, или как?

Эльрик молча смотрел на стены, на единственную башню, уносящуюся в небо, скользнул взглядом по Дэйну, по влюбленной паре, вмурованной в прозрачный камень.

— Даже не думай, — маг снова облокотился на парапет. — Итак, любовь! Тебе не хочется пофилософствовать, убийца? Самое сильное чувство. Влюбленные способны на многое... Да что там! Они способны на все. Ты об этом, правда, не знал. Теперь — знаешь. Я построил свой замок из их любви! Как тебе это, Торанго? А ведь в Готтхельме мою докторскую сочли преступной, нарушающей все законы — божеские и человеческие!

Ты пылаешь ненавистью, убийца. Ты и твои прихвостни... Или это прихвостни твоего собутыльника. Знаешь, что будет, если ненависть столкнется с любовью? Вы погибнете. Просто погибнете. Любимой, кто попытается помешать мне, причинить мне вред, а уж тем паче уничтожить меня, как хочешь ты — погибнет здесь.

Или... ты ведь умеешь ненавидеть, верно, Предавший Веру? Или твоя ненависть окажется сильнее, и тогда... Ты уже догадался?

— Они погибнут, — пробормотал Ильтар. — Эолантэ и Айсор.

— А, так его Айсор зовут, — Эльрик постучал пальцами по луке седла.

Ильтар глянул на Шефанго с каким-то ужасом и отъехал подальше.

— Дыши ровнее, — повторил де Фокс. — Это приказ.

Он выпрямился в седле. Зевнул... Рин мог поклясться, что зевнул искренне. А потом поднял руки, словно нащупывая в воздухе что-то... И меч лег ему в ладони. Очень длинный, обоюдоострый, с тонким стройным лезвием и двумя изящно выгнутыми гардами. Это был страшный меч. От него веяло смертью. И в первый раз за вечность божественная сущность Рина содрогнулась от ужаса — он осознал, что даже его можно убить. Одним единственным оружием. Оружием, что сильнее любых Богов.

— Дурак ты, Дэйн, — тихо сказал де Фокс. Спешился. И лениво пошел к замку.

Распахнувшаяся пустота властно потянула Рина в себя. Это не было пустотой небытия. Это было какое-то чудовищное ничто. Ничто, в которое затягивало, как в болото, как в бездонную трясину все чувства, мысли, эмоции. Ничто, жадно пожирающее страх, ненависть, радость, любовь...

Любовь!

Бог забился, пытаясь вырваться, выплыть, выкарабкаться на поверхность, и не успел заметить, что же произошло под стенами замка. Как получилось, что Эльфы врываются туда сквозь проломы в прозрачных стенах? Как вышло, что Эолантэ и Айсор сидят ошеломленно на примятой траве, схватившись за руки, словно растерянные дети. И почему голова Дэйна, только что смеявшегося со стены, лежит под этой самой стеной, в груди камня, как в груди льда, а Эльфы отстреливают разбегающуюся в разные стороны мелкую магическую нечисть.

Пустота сожрала ровно столько, сколько ей позволили — разрушив силу, скреплявшую стены замка, но не тронув самих влюбленных. Пустота стремилась пожрать Рина, но, вязко хлюпнув, отпустила его. Пустота подчинилась Эльрику. Или... Нет!

ОН был Пустотой.

«Это и есть его душа», — холодно констатировал Рин. И почувствовал, что дрожит. Физическое тело оказалось слабее божественной сущности.

Эльрик оказался рядом неожиданно. Прислонился к боку своего коня и принялся раскуривать трубку:

— Вот и вся любовь, — мрачно констатировал он.

— Торанго. Позволь поблагодарить тебя, — Ильтар

не подходил особо близко и, кажется, старался заслонить от Шефанго свою сестренку. Айсор маячил в стороне, глядя на своего Бога как... как и положено людям смотреть на явление Бога во плоти.

«Робкие у меня жрецы», — неожиданно раздраженно отметил Рин. Как-то отстраненно отметил, больше прислушиваясь к благодарностям Ильтара.

— Позволь поблагодарить и тебя, Владыка мира, — Эльф поклонился Богу куда более раскованно, чем перед этим Эльрику. — Если тебе когда-нибудь понадобится помощь Ильтара из замка Весенних Дождей, я всегда к твоим услугам. А теперь верни нас в Мессер, Торанго.

— И Айсора, — робко прошептала Эолантэ.

— Разумеется, — Ильтар улыбнулся ей и приветливо кивнул жрецу.

Эльрик затаился дымом. Рин почувствовал, как открывается прямо с этой поляны портал куда-то... действительно, совсем в другой мир. Растерянно понял, что потревожившие его пришельцы исчезнут сейчас. Насовсем. Это было как-то неправильно... Слишком неожиданно и сразу...

Мгновенный радужный перелив. Вспышка света. Все?

— Не люблю курить на ходу, — сообщил Эльрик, усаживаясь на травку. — Небось, не младенцы, на Айнодор без меня попадут. Чего ты тарачишься? — улыбнулся он Рину. — Не люблю я Эльфов, что ж тут делать? А тебе спасибо. Правда. Ты здорово помог.

И снова Рин не понимал. Не понимал ничего. Ни этого чужака, разговаривающего с Богом, как с простым смертным. Ни себя — своего любопытства, интереса, радости... Он действительно был рад тому, что Шефанго не ушел вместе с другими.

— Хороший у тебя мир, — спокойно констатировал де Фокс. — Я не видел таких.

— А много ты видел?

— Не считал. Ты делал сказку, да?

— Я не хотел, чтобы это было похоже на других.

— Миры все разные.

— Если ты был во многих, ты знаешь, что в них общего.

— От этого не уйти.

— Да. Теперь я понял. Невмешательство — не лучший выбор.

— Единственно возможный, Рин. Единственно возможный, пока не приходит кто-то и не говорит: помоги. Ты должен.

— Мне стало скучно. Наверное, потому, что я создал игрушку, а игрушки надоедают.

— Ты не прав. Это живой мир. Сказка... Здесь хорошо жить, если не нарушать законы. Просто этому миру не нужен Бог.

— Хочешь остаться?

— Не могу.

— Что ты сделал с Дэйном?

— Убил.

— Как? Я имею в виду, как ты сумел войти в замок?

Эльрик затаился последний раз. Выдохнул дым. Белый в свете яркого ласкового солнца. Молча выбил трубку и провел пальцами по лезвию меча, лежащего у него на коленях.

— Зачем спрашиваешь? Ты же видел это. И Эльфы видели.

— Я... не понял.

— Понял, Рин. Все ты понял. Пустота всегда голодна. Это не ненависть, не любовь, не страх и не ярость. Она не может быть сильнее или слабее. Она просто поглощает все. Все, до чего дотягивается.

— Откуда она?

— И это ты понял, Бог. Ты понял, а Эльфы знали всегда. Пустота — это я. Я и Он, — тонкие пальцы снова коснулись меча. Ласково. Нежно.

«И все-таки тебя зацепило то, как быстро сбежали Эльфы», — с легким злорадством отметил Рин. И услышал свой голос:

— Ты ожидал благодарности от них?

Эльрик улыбнулся и снял с пояса флягу. Отвинтил крышку. Хлебнул.

— Хочешь? — протянул фляжку собеседнику.

Рин сделал глоток. Несколько секунд не дышал, только тарачил глаза, потом выговорил, стараясь не сипеть и не кашлять:

— Ты не ответил, де Фокс.

— Насчет благодарности? Они поблагодарили. Знаешь, за что нужно благодарить, Бог? За то, во что вложены силы. За то, что делается от души. За то, что делается из желания помочь. Искреннего желания, понимаешь? Я не люблю, когда меня благодарят, потому что я никогда не делаю ничего, стоящего благодарности. Дэйна нужно было убить. Ильтар со своим отрядом оказался в нужное время в нужном месте. Только и всего.

— Зачем нужно было убивать этого колдуна?

— Мага. Он маг. Ученый.

— Зачем?

— Какая разница, Рин. Слушай, тебе все равно нечего делать здесь. Пойдем со мной. Познакомишься еще с парочкой Богов... В смысле, с Богом и Богиней.

— Это похоже на бред, Эльрик. Ты всегда говоришь о нас так?

— С некоторых пор.

— Эльфы называли тебя Торанго. Что это значит?

— Император Ям Собаки.

— Прозвище?

— Титул, — Шефанго блаженно потянулся. — Я не самый плохой правитель, Рин. Но иногда отвлекаюсь от дел. Вот как сейчас. Ты идешь со мной?

— Ничего не понимаю, — честно и слегка растерянно сообщил Бог. — Иду.

Боль

Слово было пронзительным и звенящим. Оно распало слепящие искры в жгучей темноте. Еще оно было червем. Мутно-прозрачным червем, растущим где-то под сердцем. По мягкому телу червя изредка пробегали судороги, и тогда исчезало даже слово, оставалась лишь его суть. Страшная суть. Доселе неведомая, незнакомая, невообразимая даже.

Боль

«Сколько может вынести один, не самый могущественный и не самый сильный Бог? Эльрик, ну где же ты? Где ты, а?!»

Физическое тело случалось терять. Случалось быть раненым, искалеченным, убитым. Игры Богов, как игры детей. Только Боги играют в настоящие войны.

Смерть отвратительна.

Смерть всегда отвратительна. Может ли умереть божественная сущность?

Сразу — нет.

Боль

Рин боялся. Боялся боли. Ждал смерти, как избавления, и не знал, что такое смерть. Поэтому смерти он тоже боялся.

Как умирают Боги? Как? Умирают? Боги?

Умирают? Боги?

Боги?

— Он убил в себе Бога.

У Сильвы были глаза цвета весенних листьев и волосы как опавшая хвоя.

Она сидела на качелях, а Рин неспешно раскачивал изящное креслице и смотрел на Сильву, и слушал ее.

Сильва была Богиней. Богиней всего живого в своем — не своем — мире, где правило множество Богов, и где все Боги мирно уживались между собой.

— Зачем? И как он это сделал?

— Чтобы спасти меня. Он уничтожил силу слишком страшную, чтобы позволить ей проявиться. Слишком властную, чтобы терпеть других рядом. И... слишком... слишком *свою*, понимаешь? Нет? — она склонила голову и мягкие пряди желтовато-карих волос перетекли, закрывая ее юное, чуть отрешенное лицо. Сильва вспоминала. Она пыталась объяснить.

— Меч. Ты видел его Меч? Ты ненавидишь его, да? Я тоже... наверное. Не знаю. Где-то во Вселенной должны были встретиться две сущности. Одна из которых — божественная. Это была Судьба, Предначертание, Предназначение. И они встретились в моем мире. Давно. Тогда мир должен был погибнуть.

— Фокс говорит, что не верит в Судьбу.

— В том-то и дело. Он встретил меня раньше, чем себя самого. И когда пришло время выбирать...

— Забавный способ самоубийства.

— Да. Самоубийство, — Сильва тряхнула головой,

и обхватила себя за узкие плечи. — Я узнала тогда, что Боги смертны.

— У твоего братца действительно нет души?

Зеленые глаза могут быть теплыми. Горячими. Обжигающими. И ледяными. Слово сверкнули изумрудные молнии. Порывом ветра пригнуло деревья. Забилась с ропотом тяжелая июльская листва.

— У него есть Меч.

— При чем тут Меч?

— Этим Мечом он убил свою душу.

— Как?

— Ты хочешь знать о нем, Рин? — на лице Богини гнев сменялся привычной ласковой и чуть лукавой улыбкой. — Я тоже. Спроси у Темного, может быть он расскажет. Темный знает все. И немножко больше. Я знаю лишь, чего Эльрик боится больше всего.

— Чего же?

— Смерти.

— Что такое Смерть, Фокс?

— Откуда я знаю, — Шефанго оскалился и развалился в кресле, положив ноги на заваленный бумагами стол.

— Ты действительно боишься умереть?

— Я боюсь пауков.

— А Смерти?

— А чего ее бояться? Это дело быстрое, да к тому же на один раз.

Император врал. Бессовестно и нагло врал, глядя в глаза Рину своими мертвыми алыми глазами. Но почему-то Рин не стал уличать его.

Сейчас он жалел об этом.

«Что такое Смерть, Эльрик?»

«Где же ты, Эльрик?!»

«Что такое Смерть?»

Темный был из тех Богов, что способны творить одним лишь Словом.

Темный был из тех Богов, что способны подчинять себе смертных.

Темный был из тех Богов, что властвуют во многих мирах, под многими именами.

Темный был из Высших...

Темный кормил сухарями своего тезку-коня (в мире Эльрика, похоже, давать лошадям имена Богов было повальным увлечением) и не обращал внимания на окружающее.

Конь сухарями хрупал и окружающего тоже не замечал.

— Даже не спрашивай, — сообщил Темный, обращаясь... к коню?... К Рину! А он-то думал, что подошел неслышно. — Я могу сказать тебе, что он предал меня. И это будет правдой. Я могу сказать, что он спас меня. И это тоже будет правдой. Тебе какая нужна?

— Кто он?

— Шефанго. Предатель и убийца. Достаточно слабый, чтобы чувствовать свою вину. Достаточно сильный, чтобы жить с ней. И достаточно самовлюбленный, чтобы боготворить свой проклятый Меч.

— Самовлюбленный?

— Он и его Меч — одно. Пойдем, Рин, выпьем. Сильва здесь сегодня? Нет? Жаль. У Богов так редко бывает свободное время, верно?

Но, во всяком случае, с Эльриком было не скучно. Настолько не скучно, что иногда ощутимо хотелось поскучать. Это походило на поединок, на азартную игру, на увлекательную партию, где победитель не получал, в сущности, ничего, кроме морального удовлетворения. Да и не было победителей как таковых. Пикировки — это же интересно.

Рин не ставил целью сделать Эльрику больно. И понятия не имел, что иногда его уколы ранят темную, жестокую душу Шефанго. Он вообще не мог понять, есть ли у Эльрика душа. Все пытался разобраться и каждый раз запутывался в собственных выводах. Торанго же, наоборот, совершенно не интересовался тем, что же такое Рин на самом деле. Ему достаточно было того, чем хотел Бог казаться. Он принимал его маску и не пытался заглянуть под нее. Зато ему доставляло истинное удовольствие

«...стряхнуть тебе пыль с ушей, Рин! Какого черта ты нацепил этот отвратительный бант? Великая Тьма, когда ты научишься одеваться, наступит конец света!..»

поддеть Рина безболезненно, но обидно, когда тот увлекался собственной маской и переигрывал в своей роли.

Разные роли. Так странно разделившиеся.

Эльрик был покровителем, защитником, иногда опекуном и наставником. Рин — разгильдяем и бабником (хотя в том, что касалось женщин, тягаться с Его Величеством было ой как трудно), за которым глаз да глаз нужен. Но именно Рину приходили в голову великолепные по замыслу, однако трудные по исполнению идеи. Именно он умел запустить под череп де Фокса колючек, спровоцировать его на *приключение* (Эльрик терпеть не мог приключений, особенно по инициативе Рина), заставить Императора рассказать о бурном своем прошлом и настоящем. Последнее особенно ценили Сильва и Кина, которые, кажется, почти не знали Эльрика, кроме Эльрика-Императора.

А еще Рин понимал и любил красоту.

Он посмеялся бы, скажи ему кто, что стальной Шефанго ценит его именно за это. Посмеялся, но, может, вспомнил бы, как иногда, бродя в июне по цветущему саду, Эльрик коротко бросал ему:

— Смотри, — и цветок яблони, светящийся в золотых солнечных лучах, приобретал вдруг всю щемящую силу и наполненность Чуда. Как коротким кивком, по-

чти брезгливо, указывал Император на одинокую каплю смолы, ярко-желтую, сверкающую на свежем, пахучем срезе корабельной сосны. Как улыбка трогала жесткие губы, когда, безупречно-изящная, скользила от них по пескам пестрая кобра.

Рин сам умел и любил ловить краткие мгновения красоты. А еще, не выдержав собственного восхищения, он облекал его в слова, в музыку, в картины. И Эльрик хмыкал снисходительно, когда рождались искры стихов. Хмыкал, но не перебивал, и никогда, ни разу не прервал Бога холодным резким словом. Он слушал. Внимательно. Жадно. Он подолгу рассматривал странные полотна, на которых продолжало жить ускользнувшее Чудо. Он слушал музыку...

И все, или почти все, были уверены, что Его Величество просто блажью считает жизнь поэтов и художников, презирает музыкантов и, вообще, ценит красоту лишь потому, что она частенько бывает престижна. Положение обязывает.

Оно действительно обязывало.

А так, как Рин — поймать, понять, увидеть то, что видел Эльрик, не мог никто. Почему? Да просто слишком мимолетны были эти вспышки прекрасного. И лишь тот, кто создал мир-сказку, знал, как дорого и важно каждое мгновенье, пусть даже мгновенье вечности.

А потом появилась Птица.

Точнее, это они появились. Рин и Эльрик. Императора позвал Меч. Рина позвал Император.

С появлением Птицы их игра обострилась, стала жестче и злей, напористей и веселей. Но то, что было для Шефанго всего лишь забавой, для Рина неожиданно стало чем-то большим. Намного большим. Настолько, что и представить-то трудно, ведь Богу очень трудно представить себе любовь. Любовь к смертной.

Но Фокс победил.

Птица. Синеглазая, черноволосая, тонкая и гибкая как шпага. Когда Рин снова ковал свою Шпагу, он думал о ней, о Птице, о насмешливой и нежной женщине.

О любимой женщине. О... Птице?... Оулэн?

В Шпаге Бога воплотился сам Бог. Его могущество. Его сила. Его разум и власть. А еще в Шпаге воплотилась Любовь.

— Бред, — сказал Фокс, оценив качество оружия.

— Любви нет, Рин.

— Не тебе судить.

— Как раз мне. А вообще, знаешь, здорово. Теперь ты меньше привязан к своему миру, так?

— Так.

— Ну и славно.

— Слушай, Птица ведь похожа на Кину. Может поэтому, а, Торанго?

— Что «поэтому»?

— Может, поэтому ты вцепился в нее как клещ? Одна не любит, так хоть с другой утешиться?

— Ты просто завидуешь, — задумчиво изрек Ше-

фанго. — Я же тебе сказал: дерзай! Уведешь Птицу — спорить не стану. Не сможешь — извини.

— Скотина ты.

— Это точно. Женщины таких любят.

Вот и поговорили.

Но ведь не слова — молчание связывало их. Бога и бессмертного. Недосказанное и невысказанное. Красота, разделенная на двоих. Понимание, скрываемое обоими.

Эльрик был ласков с Сильвой. А она всерьез считала его братом.

Он был почителен... *Он!* был почителен с Темным. И Темный... *Темный!* был добр к этому Шефанго.

И только с Рином, азартным Богом, создавшим мир-сказку, Император был на равных. И только с ним, бессмертным-смертным, свободно чувствовал себя Рин.

Но это было давно.

Воспоминания заглушали боль. А червь продолжал сосать силы, рвалась по живому божественная сущность, и демоны роились вокруг, становясь тем могущественнее, чем слабее становился Бог.

Рин уже не ждал ничего, кроме смерти. Понял, что не дожидается. Что Эльрик в беде, если вообще жив еще. Он знал, что убить этого Шефанго очень трудно. Знал, что невозможно убить его навсегда. Но времени не оставалось. Не оставалось надежды. Не оставалось ничего, кроме боли и воспоминаний.

«Как глупо все получилось... Глупо...»

Он был Богом. И он умирал.

Конунг

Не было мыслей. Не было эмоций. Стерильная пустота души в почти не живущем теле. И, нарушая ее, появилось непрошеное, неожиданное видение.

Кина.

«Птица похожа на Кину. Может поэтому, а, Торанго?»

Сотни женщин. Были и будут. Ненавидели. Боготворили. Влюблялись. А он четыре тысячи лет любил единственную. Эльфийку. Единственную, может быть, которая никогда не полюбит его, потому что...

Мир был враждебен к ним. Мир пугал Кину и смешил его, Эльрика. Смешил, потому что Шефанго уже тогда чувствовал себя старше этого мира. Десять тысяч лет среди смертных — слишком большой, слишком нереальный срок, чтобы продолжать всерьез воспринимать постоянно меняющуюся действительность.

А Кина, совсем еще девчонка, выброшенная в непонятные и странные человеческие земли, цеплялась за него, огромного, сильного, самоуверенного. Ему она поверила сразу и безоговорочно. Поверила.

Может быть стоило тогда поторопиться? Нет. Уве-

ренность в том, что спешить не следовало, никуда не делась за прошедшие века. Ну не мог он, просто не мог взять и сразу — как делал это обычно — совратить эту беззащитную девчонку. У Людей это называлось — совратить. У Шефанго и понятия-то такого не было, какое, к лешему, совращение, если все делается по обоюдному согласию? Приятно и полезно. Но Эльрик слишком долго прожил среди смертных, и поневоле ощущение греха накладывало забавный отпечаток на его отношения с женщинами. С человеческими женщинами.

Может быть поэтому с Киной он повел себя не так, как привык. Грех... Дурацкая людская мораль.

А может быть... Да разве сейчас разберешься? Важно, что он не успел. Что появился другой. Эльф. Другие мужчины никогда не были помехой. Раньше. Но этот Эльф умудрился стать его, Императора, другом. Его другом. И возлюбленным Кины. И... И на этом все закончилось. Для него, для Эльрика закончилось. Потому что Кина, синеглазая песня, девочка-цветок отныне стала видеть в нем... Брата, друга, защитника, покровителя... Боги! Кого угодно, только не того, кого можно любить... Нет, разумеется, она любила его. Конечно любила. Нежно, ласково, предано... К акулам такую любовь!

Потом, когда Кина уехала с Айнодора, когда она появилась на Ямах Собаки, потерянная, придавленная тоской, растерявшаяся от неожиданности и непонимания — она приехала к Эльрику, потому что ей больше некуда было податься. Только поэтому.

И он понял тогда, раз и навсегда, что это — все. Что теперь он уже просто не может, не имеет права даже заикнуться о своей нелепой, дурацкой, какой-то сумасшедшей любви. Потому что Кина зависит от него и только от него. Зависит. И может решить, что у нее нет выбора. А она не любила его. И никогда уже не могла полюбить. Что-то, а это Торанго, маг, почти Бог, тоже умеющий читать в душах людей, видел ясно и отчетливо.

Так это было.

Глупо. Трусливо. Смешно.

Но было так.

Мелькнуло и ушло. Оставило мутный осадок, Кина... *Викки...* Уходить нельзя и нужно уйти. Немыслимый в его мертвой отстраненности от мира. Лезвие Меча уходило в бесконечность, но полет по нему прервался. «Что происходит?» Однако тревога исчезла так же, как воспоминание о Кине.

Санвар побарабанил пальцами по столу:

— Я вижу, что-то у нас получилось.

— Да, похоже, мы на него настроились. Во всяком случае, какая-то реакция была.

— Продолжайте.

— Разумеется. Знать бы только, что мы там ему внушаем...

— Это не важно, — Санвар машинально бросил под язык капсулу стимулятора. Весь последний месяц он жил только на них. — Он реагирует. Продолжайте.

И снова видение-воспоминание-бред. Настойчивее. Явственнее. Страшнее.

Жесткое дерево скамьи. Сырой подвальный холод. Холод изнутри. Холод снаружи. И... размеренно, бесконечно, безжалостно обрушиваются на спину удары. Нет... Нет, это было не с ним!

Это было...

Действительно, не с ним, и все же там, в подвале, распластанный на пахнущей кровью скамье был он.

Бесчестье, которое хуже смерти.

Горьковатый вкус собственной крови. Хруст зубов, стискиваемых в судороге мучительного стыда. Даже боли он не чувствовал. И лицо, отпечатавшееся в памяти. Лицо мертвеца, который еще не знает о том, что он мертв. Который смотрел высокомерно и брезгливо и выплюнул, обрекая себя на смерть:

— Сотню плетей. Если не сдохнет, добавить еще пятьдесят.

А разум все еще отказывается поверить в том, что этот кошмар действительно происходит. И болью стискивается сердце. И бьется у самого горла в яростном, рваном ритме:

— У-бить... У-бить...

— Еще! — Санвар не отрывался от монитора, по которому бежали свежие, даже не обработанные еще данные.

— Как скажете.

Лаборант чуть добавил мощности.

Воспоминания. Свои? Чужие? Одного из тех, чья память была в нем. Одного из тех, кто родился, жил и умер где-то в неведомых мирах. Чужой. Чуждый. И одновременно близкий, как...

Как можешь быть близок себе только ты сам.

А вместо ненависти и стыда, осевших мутью, неожиданно ясная радость.

Ринальдо. Братишка. Тот, о ком Император помнил, не считая эти воспоминания чужими. Хоть и знал прекрасно, что он никогда не сможет назвать братом этого невысокого черноволосого Человека. Никогда. Потому что он — или не он — уже прожил свою жизнь в том мире. Уже ушел оттуда. И не осталось ему ничего, кроме памяти.

Ринальдо.

Широкая улица странного города. Грязного, шумного, полного отвратительной вони и грохота.

Люди, вооруженные, нервные, испуганные и злые. Они всегда такие здесь. Почему — непонятно. Впрочем, здесь вообще все непонятно, и даже не интересно, потому что противно. Кажется, что даже воздух в этом городе грязно липнет к коже.

— Как думаешь, зачем ему это? — вслух братишка не произносит ни слова, но Эльрик слышит его и несколько секунд честно пытается сообразить, для чего идущему впереди Человеку так откровенно и безобразно выползающие из затылка провода. Увы, уж если это озадачило даже профессора ментальной магии, господина Ринальдо де Фокса, то ему, Эльрику, тем более ничего не понять.

— Не знаю, — так же молча отвечает он. — А это так важно?

И тут идущий впереди Человек разворачивается. Разворачивается раньше, чем срабатывает предчувствие опасности. Этот, с проводами, неестественно быстр. Почти так же быстр, как сам Эльрик.

Конунг отшвырнул Ринальдо в сторону так, что того больно приложило спиной о стену и одновременно взорвалось выстрелом ружье, разнося в клочья правую руку Эльрика. Но вместо боли ослепила ярость.

Этот бешеный ублюдок стрелял в братишку!.. Он пытался убить его...

Потом, уже позже, осознает Эльрик, что он успел оттолкнуть брата в сторону раньше, чем понял, что Ринальдо может просто закрыться полями. Потом осознает он, что братишка цел и невредим. А тогда ярость и страх затмили разум. Осталась одна, не мысль даже, светлая звонкая пустота, где билось гулким набатом:

— Убить. Убить. Убить...

Тело Конунга уже не казалось безжизненным. Выгнулось судорогой, бугрясь сухой сталью мышц. Извернувшись под немислимым углом, скребли ногтями металл тисков аккуратно зажатые руки.

— Великолепно... — Санвар бросил взгляд на обзорный экран. Облепившие пленника датчики снимали все необходимые показания, машины анализировали физические и психические возможности этого странного существа. Санвар уже почти любил Конунга. Приборы отказывались признавать возможность его существования. На всех мониторах мигало предупреждающее:

«Возможна ошибка. Пожалуйста, введите данные снова».

Но Санвар знал, что ошибки нет. И быть не может. Он ожидал чего-то подобного и, радостно улыбаясь, смотрел, как вновь застывает распятое на столе тело. Только тонкие пальцы продолжали вздрагивать, словно пытались нашарить что-то, что-то настолько необ-

ходимое, что даже новое увеличение дозы наркотика не могло заставить пленника отключиться полностью и позабыть о нем.

— Еще.

— Санвар, я не уверен... — в лаборатории было тихо, и все, кто был там, обернулись разом к посмевавшему возражать. — Мы не знаем точно, что делаем. Это может убить его.

— Его? — с нервным смешком кибербиолог ткнул пальцем в монитор. — Да вы взгляните на показатели! И это еще не предел. Не предел, понимаете! Я должен знать все, на что способно это существо.

— Но...

— Выполняйте.

...А между ним и вскинутыми стволами оказалась вдруг эта девочка. Викки. Вскрикнула, когда мучительной болью вошла в ее тело смерть. Смерть, предназначенная не ей. Не ей. Не...

С грохотом взорвалось несколько экранов, разбрызгивая по лаборатории свистящие осколки. Взыла сирена. Кинулась в зал поднятая тревогой охрана. Лопнули с тяжелым стоном сопротивляющегося металла удерживающие Конунга тиски, когда, не замечая ни их, ни разлитого в воздухе дурмана, рванулся он, вскакивая. Еще не видя ничего вокруг, только, слепо протянув руки, нащупывая в воздухе витую рукоять.

Санвар, тупо застыв в кресле, слышал грохочущий рык, медленно осозная, что вырвавшееся на свободу чудовище смеется. Он смотрел на обзорный экран. Видел вбегающую в зал охрану в тяжелых скафандрах. Видел, как разлетались люди под ударами...

«Откуда взялся меч? — навязчиво билось в голове. — Откуда. Взялся...»

Конунг

Никого живого не было ни впереди, ни позади. Были трупы и искореженные скафандры. Была кровь. И был Меч. Слепая ярость понемногу уступала место рассудку. Прикрыв глаза, он прислушался, нащупывая хоть кого-нибудь живого. Почуял. Оскалился радостно. И бросил себя туда. К исходящей ужасом, но еще не истребленной жизни.

Люди сбились в угол, как овцы. Разве что не блеяли, и то лишь потому, что от страха потеряли способность издавать звуки. Кретины. Он не собирался их убивать. Он предпочитал не убивать безоружных.

— Где?.. — собственный голос прозвучал незнакомо и хрипло. — Шпага.

— Нет ее здесь! — отчаянно вскрикнул молодой пар-

нишка в белом. — Нету! Честное слово! Только не убивай.

— Где? — тьфу ты пропасть! Он что, остальные слова забыл? Сейчас и этот от страха дар речи потеряет...

— Нет ее...

— Я понял, — он ладонью обтер клинок. — Где она?

— Санвар! — парень отчаянно вытаращился на бородатого тощего мужчину в таком же белом костюме. — Вы знаете! Скажите!

— Я не могу упустить его, — Санвар, похоже, был слегка не в себе. — Такие результаты... Это невероятно... Это... — он замолк, увидев неожиданно близко страшные, мертво смотрящие глаза.

Алые бельма.

Все, что знал биолог о шпаге, вспомнилось сразу. Всплыло на поверхность сознания. Душа и память насильно развернулись навстречу

«Он пожирает меня!..»

жуткому взгляду. Открываясь. Отдаваясь. Без остатка. Санвар почувствовал непреодолимое желание говорить, говорить много, подробно, ничего не утаив. Рассказать все. Обо всем. О шпаге. Об исследованиях. О самых секретных приказах Баркеля...

Конунг отвернулся.

— Ясно, — гулко бухнуло в тишине лаборатории. И чудовище исчезло.

Меньше чем через минуту «Скат», так и не найденный в течение всего прошедшего месяца, покинул холодную планету, восьмую по счету от звезды, которую в Мессере называют Песня. Оллас.

Викки

— Пойдем прогуляемся, — Майк стоял на крыльце, сверкая улыбкой. — Я новую песню сделал. Сьеррита говорит, зашибись какая песня!

— Давай лучше посидим на веранде, — Викки затащила его в дом. — А песню ты мне здесь споешь. Я хочу папку дождаться. Он по делам улетел. Вернется, а меня дома нет. Нехорошо получится.

— Ну, как скажешь, — парень разулся — так и не смог привыкнуть ходить в обуви по роскошным коврам — и они отправились на веранду.

— Есть хочешь? — спросила Викки по дороге. — Я тут пирог испекла.

— Сама, что ли?

— Ага. С яблоками. Его нужно есть с сыром.

— Ну-у, — нерешительно протянул Н'Гобо. — Я, конечно, рискну попробовать. Ты сколько раз в жизни готовила?

— Три! — гордо сказала Викки.

— Ладно. Рискну. Тащи свой пирог.

«Барс» вышел на орбиту.

Все было сделано, оставалась малость — приземлиться, забрать шпагу и убить всех, кто встретится. Но

капитан медлил. Корабль кружил над планетой, словно чего-то выжидал.

— Не нравится мне это, — сказал вдруг Люк, резко отворачиваясь от панели управления. Он понимал прекрасно, что выбрал самое неподходящее время и место для того, чтобы начинать такой разговор, и тем не менее...

— Кэп? — в один голос спросил экипаж.

— Я его тоже видел.

— Кого? — Руж, начавший уже прилаживать шлем, снял его и замер в ожидании.

— Сон этот. Зал большой. За окном сад какой-то. Не тот, что вокруг нашей школы был.

— И зал другой, — вставил Кайрон. — Даже форма на нас другая какая-то, да?

— Не какая-то, — мрачно сообщил Люк. — Это парадная форма высшего военного звездного лица Земли. Она там отличается от единого образца. За особые заслуги в освоении Вселенной.

— Слушайте, давайте вы потом свои сны обсудите! — не выдержал стрелок. — У нас ведь приказ! Дело срочное! А мы уже третий круг над этой планеткой наматываем!

— Да, — Люк пристегнул шлем. — «Барс»... — Он не договорил, сам забегал пальцами по клавиатуре. — Экипаж. Боевая готовность.

— Есть, — вяло откликнулся Кайрон.

— Есть! — весело рявкнул Руж.

— Избранные, мать вашу, — не по уставу пробормотал капитан.

Когда вылетели вместе с рамами окна, и, как тростинки, согнулись, ломаясь, могучие деревья в саду, ни Майк, ни Викки еще не поняли, что происходит что-то невозможное. Было оглушающе тихо, ни треска, ни грохота... Рев опускающегося прямо в сад звездолета был ощущен почти физически, но именно поэтому не казался звуком.

Потом выстрел, стук белого пламени, превративший в пепел участок сада перед домом, и — как включили — панический страх. Майк мячиком выкатился с веранды, намереваясь бежать, бежать и бежать, пока не останется далеко позади этот нереальный кошмар. Но Викки кинулась в дом, и парень, ругая себя последними словами за глупость, побежал за ней. Догнать. Утащить отсюда.

Викки цеплялась за мебель, кусалась, царапалась. Потом, наконец-то, стали различимы звуки. Ее пронзительный визг. Хлопающие двери. Голоса. Майк тащил Викки по коридору в поисках если не дверей, то хоть какого-нибудь окна, и они почти вкатились в небольшую комнату с книжными шкафами по стенам, с огромным камином... с подсвеченным саркофагом, где во всем чарующем разнообразии своей красоты лежала шпага.

Бежать некуда.

С пинка распахнулась дверь.

Черное существо на пороге. Жуткое существо с матовым шаром вместо головы... Излучатель... Опуцен. «Почему...

Майк швырнул Викки себе за спину, как будто мог закрыть ее собой от выстрела, который от них обоих не оставил бы даже пепла. Отчаянно ударил кулаком по крышке саркофага,

он не стреляет?»

зная, что не разбить толстое стекло. Понимая, что бессмысленна сама попытка сделать это. Зачем ему сейчас древнее оружие? Защищаться от этих? С тяжелыми излучателями?

«Почему он не стреляет, почему он не?»

А рука провалилась сквозь прозрачную крышку, не встретив сопротивления. И камни на рукояти оказались неожиданно теплыми. Майк взмахнул шпагой, как делали это герои в исторических фильмах, не слыша, что кричит в лицо чудовищу:

— Чего ты ждешь?! Ты... — и еще какие-то слова, которые Н'Гобо-менестрель в жизни не произнес бы в присутствии девушки.

Короткая вспышка излучателя.

Даже страха нет. Одно лишь удивление — неужели все?

И огненные брызги по комнате. Существо в скафандре... Нет его. Есть лишь куски оплавленного, сверхпрочного пластика.

— Викки!..

— Это она! — Викки бьет дрожь. Глаза сухие. Лицо — маска страха и, почему-то, злости. — Слышишь, это она! Господи, как же все оказалось просто! Майк, они убьют нас!

— Утомятся, — ответил он, чувствуя себя очень сильным. И очень добрым. И очень рассерженным на этих... тварей. Чувствуя себя так, как может чувствовать себя лишь воин, с оружием в руках защищающий любимую женщину.

— Руж! Руж!... — Люк снова и снова пытался связаться со стрелком. Тот не отвечал. Но капитан никак не мог поверить, что Руж... Что его... Да быть не может. Не может в этом доме оказаться оружие, способное пробить броню скафандра.

— Кайрон! — рубка казалось очень маленькой и тесной. Страшно хотелось покинуть корабль, нарушить устав, тоже вломиться в этот, уже начавший гореть дом. Чтобы быть там, с ребятами... Он же — капитан. И он отвечает за них... И именно поэтому он обязан оставаться в звездолете.

— Капитан. Кайрон на связи.

— Кайрон, что там? Где Руж?

— Он прочесывает правое крыло. Я — в левом.

Мелькнула мысль приказать Кайрону плюнуть на все. Разыскать Ружа и... Бред какой.

— Продолжай.

— Есть.

И снова, то монотонно, то со вспыхивающей вдруг деждой повторял он, пытаясь связаться со стрелком:

— Руж. Руж. Отвечай же, поглоти тебя Пустота...

Кайрон увидел их в коридоре. Чернокожий уверенно и быстро шел к двери, а в руках у него была та самая шпага. Девушка держалась позади. И тоже, похоже, перестала бояться.

«Они были в том крыле, — Кайрон шагнул вперед, идя излучатель, но чернокожий, словно учуял его, извернулся раньше и взмахнул шпагой. — А Руж?»

Он стрелял вверх голов. Стрелял мимо. Впервые жизни не смог выстрелить в людей.

Он еще увидел, как осыпалась пеплом деревянная избушка и исчез кусок стены, открывая небо. Потом небо орвалось ослепительным светом. И стало темно.

Они прошли через горящий особняк, где начали работать системы безопасности. Они прошли. И Кайрон не ведал жалости к тем, кто пытался помешать им уйти. Иногда бывает так, что менестрель становится воином. Бывает, что поэта вынуждают стать бойцом. И это страшно. Но если происходит такое, значит, есть в том нужда. Значит, должен певец сам стать героем, как те, о ком слагает он песни. Впрочем, Майк не думал ни о чем подобном. Он знал только, что должен спасти Викки.

Люк бежал к дому.

Он увидел, как взрывом выбило парадную дверь. Из железной двери из настоящего дерева. В дымящемся коридоре показались двое — чернокожий курчавый парень в перепачканном, когда-то белом костюме. И голубоглазая, очень красивая девушка. В руках у парня была шпага.

Шпага. Но Люк не смотрел на нее. Он видел рассеивающиеся клубы дыма в глубине коридора. Видел расплавленные потеки на стенах и полу. Видел... И поверить не мог... Разбитый матовый шар шлема возле обгоревшей дыры в полу.

Кайрон? Руж?

Острые шпаги смотрели в лицо. Подумалось вдруг, что этот парень, он же не видит его за шлемом. Парень ровесник его, Люка, капитана «Барса». Парень, которого, согласно приказу, они должны были убить, но кто медлили поднять излучатель.

Кайрон. Руж...

Короткий свет. Боли не было. Вообще ничего не было, только короткое и ослепительное, как лезвие сабли, воспоминание. Голос:

— Лукас Ингри, сегодня ты получаешь диплом Высшего Военного Звездного лица планеты Земля. С чем несешь гордое звание офицера...

Это было. Это действительно было! Но как же тогда... Почему?... Почему Избранный?!

А потом все ушло.

Леталка, нарушая все правила, опустилась прямо в парке. Возмущенный зритель открыл было рот, но странная парочка: чернокожий парень с какой-то блестящей штукой в руках и с ним красивая блондинка, явно из богатых, промчались мимо, даже не заметив его.

— Где?! — голос Викки заплескал в зеркальных коридорах. — Где мы найдем его?

— Да это же не важно! — Майк был еще полон красного и страшного возбуждения боя, когда победа окрыляет и начинаешь понимать — нет в мире ничего, что может остановить тебя. — Где угодно! Смотри!

Он развернулся к ближайшему зеркалу. Ударил шпагой. Располосвал отполированный металл, развернувшийся наружу рваными кусками. За зеркалом была пустота. Казавшаяся бездонной. И в этой пустоте родился голос:

— Великая Тьма... Вы сделали это. Отдай ее мне, мальчик...

И Майк двумя руками, держа шпагу на ладонях, протянул ее вперед.

Оружие исчезло.

Повисла на миг торжественная, но чуть недоумевающая тишина. А через секунду, бесшумно, совершенно как-то буднично, Рин возник в Лабиринте. По-прежнему красивый, хотя остались на лице одни глаза, да остро выпирающие скулы, и глубокие складки пролегли от крыльев носа к губам. Бог, опираясь на шпагу, соскользнул по стене на пол.

— Извините... Сейчас...

«Сейчас» наступило мгновенно. С легким хлопком воплотившись в виде беловолосого гиганта. Слабая улыбка Рина. Вспыхнувшие глаза Викки. Торжествующе выпрямившийся, хотя и разом помрачневший Майк.

— Живой! — Конунг упал на колени рядом с другом.

— Твоими молитвами, — тот начал подниматься, опираясь на подставленное плечо.

Эльрик услышал, как зазвенела, отражаясь от зеркал, магия. Знакомый почерк Бога. Торанго бросил недоумевающий взгляд на Рина. Обернулся к ничего не подозревающей парочке. Рин делал что-то с ними... С Викки?

— Ты опять за свое, Бог?

«Я имею право покопаться в чужой душе?»

«Сколько можно?»

«Молчи, придурок. Что бы ты без меня делал?»

«Я?!»

Мгновенный диалог. Два встретившихся взгляда. Гнев и насмешка. И не нужно слов, чтобы услышать.

— Поблагодари людей, самоуверенное ты чучело, — невозмутимо произнес Рин. — Если бы не Викки с... Майком, получил бы ты хладный труп. Мой, между прочим.

— Это было бы славно, — вздохнул Эльрик. И отвернулся к погасшим зеркалам.

Легкая судорога пробежала по стройному телу. Словно разом напряглись и опали все мускулы. Что-то мгновенно и неуловимо изменилось.

Рин, пользуясь паузой, снова раскинул свою магическую паутину.

Майк переглотнул.

Викки вздрогнула, отступая.

Рядом с Рином, в черно-голубом, облегающем фигуру скафандре стояла

Не-ет... Так не бывает...

женщина. Грива белых волос, не собранных, как обычно

Эльрик?

в аккуратный хвост, рассыпалась по плечам и спине. Маска, как прежде, закрывала лицо.

Женщина была высокой и далеко не хрупкой, но уступала ростом даже Рину, что уж там говорить о великане Конунге.

Господи! Я боюсь его... ее...

И все же это был он... Она... То есть...

— Майк! Что это? Как это? Святый боже, Майк, давай уйдем, — Викки даже не сообразила, что музыкант обнял ее, прижимая к себе. Она просто почувствовала защиту. Его защиту. Тощего мальчишки в грязной, прогоревшей футболке. Обычного чернокожего... Не обычного. Нет.

— Чего ты испугалась, девочка? — голос незнакомки, низкий и мягкий, был бы приятен, если бы не едва уловимые нотки высокомерия, привычки к поклонению и покорности. — Кстати, Рин, представь меня.

— Ага, — Бог оживал на глазах и становился все мрачнее. — Викки, Майк, познакомьтесь. Тресса де Фокс... В смысле, Тресса-Эльрик де Фокс, Ее Величество Императрица Ям Собаки. Редкостная стерва.

— Спасибо, — Тресса невозмутимо кивнула. — И спасибо вам, — она, так же как Конунг, смотрела куда-то, словно сквозь собеседников. — Я понимаю, что вы действовали от чистого сердца, ибо иначе вам не удалось бы спасти моего друга, но, тем не менее, может быть, я могу отблагодарить вас не только своей искренней признательностью?

— Н-не... Не надо, — Майк отступил, прижимая к себе Викки.

— Уходите, — жалобно попросила та, не сводя глаз с Императрицы. — Уходите. Это ужасно. Господи Иисусе, женщина!

— Что ж. Приятно было познакомиться с вами. Еще раз спасибо за все, — Тресса посмотрела на Рина. — Ты готов?

Тот медленно кивнул, не произнося не слова.

И на глазах у Викки и Майка прищельцы растворились в воздухе. Ни Викки, ни Майк этому уже не удивились.

«Скат»

— Великие Боги! Рин!... — Тресса хохотала, откинувшись на спинку слишком большого для нее кресла. — Ты видел!.. А говоришь Любовь, Любовь!..

— До сих пор поверить не могу, — черноглазый Бог сидел в кресле напротив, держа на коленях шпагу. — Как ты додумалась до такой гадости?

— Про Кину вспомнила. «Скат», вина! — Тресса бросила другу тяжелую бутылку. — Разливай.

— Ты же не пьешь!

— За это грех не выпить!

— Кто тут не пьет? — из зажигалки выскочил дух. — Этот алкаш не пьет?!.. Ой, простите, госпожа, — дух умолк и сгинул.

— Уважает, мерзавчик, — Тресса пригубила вино. — Все же просто, Рин. Какая нормальная влюбленная девица вынесет, если предмет ее обожания вдруг превратится в самую настоящую женщину?

— Влюбленная — вынесет. А вообще, это не честно.

— Почему? Если моя раса умеет менять пол, что в этом нечестного?

— Ты меня переиграла. Один-ноль.

— Ах, вот что тебя расстраивает! — Тресса вновь рассмеялась. — Утешься. Живой и ладно.

— Мысль, по-своему, верная, — Рин погладил шпагу. — Слушай, может ты и с Птицей так же, а?

— Почему бы и нет? — Тресса отставила бокал и вышла из рубки. Рин мечтательно улыбнулся. Если Птица охладает к Конунгу так же, как Викки, у него, Рина, появляются все шансы. Кто, в самом деле, может соперничать с Богом, кроме растреклятого Фокса, который просто успел раньше...

— Никогда больше... — угрожающим шелестом прозвучал низкий мягкий голос, — никогда больше, слышишь Рин, не пытайся влиять на меня, когда я меняю пол. Птица — моя добыча.

Эльрик бесшумно скользнул мимо ухмыльнувшегося приятеля. Брезгливо посмотрел на бокал.

— «Скат», водки! Да не вздумай разбавить! — и, шикнув на вновь осмелевшего духа, пробежал пальцами по клавиатуре, задавая кораблю координаты. — Да, кстати, Рин, ты же обещал тогда. Какого ж флайфета?

— Что?

— Викки. Ты обещал, что все закончится.

— Все и закончилось.

— Угу. Только меня не предупредили про возможные рецидивы. Забыли, наверное?

— Это не рецидивы, Эльрик, — покровительствен-

но возразил Рин и потянулся к появившемуся на столе графину.

— Да? — Шефанго отставил графин в сторону.

— Да, — сказал Бог и графин оказался у него в руках. — Это демоны.

— Водку отдай, — сказал Эльрик без особой надежды.

— Не отдам. Ты ее всю выжрешь.

— И что демоны?

— А то, — промурлыкал Рин, аккуратно разливая помпиду по крохотным рюмкам (Эльрик недовольно поморщился), — что любовь, друг мой Император, страшная штука. Когда она сама по себе. Она становится оружием, понимаешь? А ты — мишенью. Эти твои использовали заложенную мной череду образов... Как бы это попонятней... — Рин выпил и налил себе еще. Эльрик отобрал у него графин и плеснул себе водки в объемистый кубок. — Алкаш, — попытокжил Бог.

— Ты продолжай.

— Да. Череду образов. Понимаешь, я из каких-то дурацких соображений сделал тогда так, что раз в поколение на Марсе рождалась девочка, точь-в-точь похожая на Викки. Моя сентиментальность и тонкая, чувствительная натура, душа поэта и...

— Короче.

— Гм. Да. Ну вот, демоны взяли внешность, взяли легенду, создали необходимый эмоциональный фон и — результат налицо! Они ведь знали, что ты придешь. За мной придешь. А я им был здорово нужен.

— Пользы с тебя...

— Вот то-то и оно, что Бог я маленький, в твоём мире почти и не Бог, а здесь и подавно. Не Темного же им было ловить. Да и не пошел бы сюда Темный. Меняю на Птицу приманили... — Рин поперхнулся водкой и съёжился под пристальным взглядом Императора.

— Дура-ак, — протянул Эльрик, изумленно покачивая головой. — Ой, дура-ак.

Рин вздохнул:

— Есть маленько. Да не радуйся. Ты бы тоже никуда от Любви не делся. Если бы не шлага моя. Викки-то совсем рядом с ней была, поэтому влияние смягчилось. Частично. А так, с твоими-то представлениями о долгах и ответственности, что б ты делал, а, Император?

— Домой бы пошел. А тебя здесь оставил бы. Умника хренова.

— Оставил бы, — согласился Рин. — И домой бы не пошел. Так и маялся бы с этой Любовью, совершенно тебе не нужной. Свистни Викки, и ты из одного только чувства долга к Избранным бы помчался. Служить им верой и правдой. Она тебя спасла, — Бог ласково погладил шлагу. — Ну и я. Тоже. Куда бы ты без меня?

— Боги. Как мне хорошо было бы. Значит, в лабиринте этом ты остаточные последствия снимал?

— Надо же, какой умный, — Рин снова налил. Эльрик вылил в свой невообразимый кубок то, что осталось. — Да. В душах, знаешь ли, тоже иногда полезно копаться, что бы ты там не говорил про этику нейроинженерии.

— «Скат», водки! А зеркала-то эти не просто так, заметил?

— Спрашиваешь! Я их убил напоследок.

— Зачем?

— Неэтично они себя ведут. С точки зрения нейроинженерии.

— Да пошел ты!

— Пойду. И ты пойдешь. Я знаю, где их найти, демонов этих.

— Где их найти, я тоже знаю. А вот как к ним попать?

Рин паскудно улыбнулся:

— Ты не понял, Торанго. Я знаю, как выйти к ним с Дороги.

— Пошли!

— Ты с ума сошел?! Что, прямо сейчас?! Нет, даже не думай. Мне нужно отдохнуть, подлечить расстроенные нервы, пообщаться с умными, образованными Богами, мне необходимо женское общество и трогательная, нежная забота о моем слабом здоровье, а еще...

— ЗАТКНИСЬ!!!

— Понял. Так что, домой?

— Чтоб тебе ветер встречный. Ладно. Домой.

Дорога

Два всадника, неспешно рысаящие по звездной мостовой. У одного, кутающегося в черный плащ, из-под которого проблескивает лазурью кольчуга, приторочен к седлу огромный двуручный клинок с витой рукоятью. У другого, разодетого в костюм совершенно немыслимой расцветки, бликует в свете звезд вычурная шлага.

— Рин, ты точно уверен, что знаешь, как выйти к ним с Дороги?

— А то!

— Говоришь, их там с полсотни?

— Ага.

— Ну, это не серьезно.

— Конечно! — самоуверенно бормочет Бог. — Я только забыл сказать. Их там полсотни, потому что больше не помещается. А еще там есть проход, из которого, когда мы выьем этих, полезут следующие. И вот сколько их там я понятия не имею.

— Ур-род! — с болью в голосе произносит беловолосый. И добавляет что-то на страшноватом рычащем наречии.

— Один-один, — удовлетворенно констатирует его спутник.

ДЕМОКРАТИЯ И КУЛЬТУРА — ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ?

Согласен, тезис, вынесенный в заголовок, — спорен, в некотором смысле даже возмутителен, однако об этом поговорим позже, — сейчас коснемся эвместимости иных понятий — таких, скажем, как земля и кризис. Другими словами, хочется ещё раз напомнить банальную истину: нет времен румяных и здоровых. Кашлем и насморком страдали все века равной степени. И, разумеется, не стоит заблуждаться, впадая в старческое противопоставление, — дескать, в наше время люди были добрее, водка лее, а власть разумнее. Приведись этой формуле казаться справедливой, давным-давно мир низрился бы в багровую бездну. Да и как иначе, если аждое новое поколение хуже предыдущего? Обычая ниспадающая прогрессия. Однако, по счастью, ир жив по сию пору, а стало быть, ошибочно и помянутая формула. Суть, на мой взгляд, кроется в значальной разнице времен, не всегда воспринимаемой старшим поколением, с пылом вздеваемой а штыки поколением молодым. Но пороки людские, как и добродетели, в массе своей неистребивы. Присмотревшись внимательнее, мы легко обнаружим, что любой век, словно матерая акула, окружен стайкой трагедий и вселенских проблем. Ту же поху Ренессанса можно смело определить, как одну з наиболее кровавых и циничных, а наш минувший оциалистический опыт — лет этак через пятьдесят-емьдесят, без сомнения, обрастет затейливыми ифами и легендами, представ перед потомками в юмантически-радужном свете. Потому что действительно были свои технические чудеса, была государственная мощь, и была особая ментальность, ородившая культуру, аналогов которой в мире нет, е было и, возможно, никогда не будет.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» — елось в одной популярной песне. И ведь, действительно, пытались сделать! Впервые в мире, поскольку французская революция — не в счет. Парижские аланты захлебнулись в собственной крови, так него в итоге и не выстроив. Мы же не только не ахлебнулись, но и выплыли, продержавшись на плаву обрых семь десятилетий. И наше отличие от мирой кинематографии, литературы, западного театра тем и обусловлено, что на протяжении длительного времени мы варились в собственном соку, из-

мышляли собственные истины и эталоны. Кстати сказать, подобной самостийной обособленностью могут похвастать разве что японцы, на протяжении ряда столетий не пускавшие на свои острова никого из пришлых иностранцев.

Тем не менее, очередной перелом наступил, из социализма нас вновь шатнуло в капитализм, и неожиданно вдруг выяснилось, что госпожа Демократия за шелковым нарядным веером скрывает весьма острые зубки. В одной из статей (московский журнал «Если» №3, 2000) критик Александр Ройфе сожалеюще констатирует, что фантастика с «месседжем» — так называемым «посланием для человечества» — в последние годы встречается реже и реже. Вероятно, с этим можно согласиться, но и удивляться тут особенно нечему. Иной расклад был бы, пожалуй, невозможен, поскольку смена времен и режимов — процедура более длительная и болезненная, нежели смена ночного белья. Демос знаменует собой народ и большинство, а демократия — власть искомого большинства над всеми оставшимися. Следовательно, вновь можно повторить: демократия и культура — две вещи несовместимые. Потому что приобщаться к вечности действительно возможно только в одиночку. Совесть — категория глубоко личностная, и, поделенная на всех, чаще всего размывается, претерпевая своеобразную аннигиляцию.

Демократия и душа... Стая и личность... Практически «Я и Мы» по Замятину. Как это ни грустно, но приходится мириться с тем, что первый этап построения демократических основ сопровождается существенной люмпенизацией общества. А уж когда мерилом всего становится «золотой телец», то наше мятущееся «я» оказывается вовсе зажатым в уголок. Круг полноценных читателей (который, будем честны, и в прежние советские десятилетия был не столь впечатляющим) существенно сузился, и книжный рынок начинает трепыхаться в судорожном поиске выхода.

Как бы то ни было, но факт остается фактом: мы прикоснулись к демократии, а она в свою очередь прикоснулась к искусству. Увы, волшебная палочка оказалась с изъяном, прикосновение не пошло нам на пользу. На фоне общего мирового кризиса, порожденного, по словам Вадима Абдрашитова, на-

ступлением цивилизации, мы получили еще и свой собственный. Империя рухнула, а вместе с ней рухнула и бессознательная мечта о свободе. Вряд ли можно найти более пестрое племя, чем племя художников, но и этих странствующих рыцарей во все времена объединял поиск ИДЕАЛА. Только ведь настоящий идеал тем и хорош, что подобно математическому пределу — недостижим в принципе, и лучший из всех возможных идеалов — идеал ОТСУСТВУЮЩИЙ. Таким образом, тоталитарный режим, хотим мы того или не хотим, возводил на пьедестал мечту о свободе, тем самым подпитывая творческой энергией сотни и тысячи беспокойных умов. Одним из прибежищ последних являлась фантастика. Подобно музыке и живописи она позволяла иносказательно говорить о главном, а именно о человеческой мечте. Обезноженные, мы летели и мчались в собственном воображении, и ежедневное эго пробивало свой проход в скалах, водопадом обрушиваясь в неведомое. Когда же время иносказаний прошло, сказка, как повод помечтать и задуматься, истаяла, перейдя в разряд откровенных рестимуляторов. Именно поэтому с приходом демократических свобод стало закономерным бегство писателей в иные жанры. Великолепному Остапу с приходом социализма пришлось переквалифицироваться в управдомы, и аналогичную процедуру, похоже, совершают наши отечественные фантасты. Жанровая трансформация целого ряда писателей — таких, как Бушков, Измайлов, Семенова или Щеголев, логически вполне обусловлена. Как живем, так и пишем, а в массе своей авторы не живут, а пытаются выжить.

Кстати сказать, довольно отчетливо прорисовываются ступени своеобразного перехода — от фантастики к фэнтези, а от фэнтези к детективам. Оно и понятно. Вновь и вновь труженикам пера приходится убеждаться, что писать, собственно, нечего и не для кого. Второе, пожалуй, самое печальное. Воистину спрос рождает предложение! Навязываемые рамки превращаются в прокрустово ложе упрощенной мироподачи. Все равно как мастер, изготавливающий зеркала, вдруг периодически начинает получать заказы на мутные металлические пластины. Серебряная амальгама становится все более ненужной. Очень уж долго и сложно вглядываться в собственное полноцветное изображение, — много морщин, много деталей и что-то такое неясное в глазах. Помните, как в рассказе у Михаила Зощенко, когда вдруг с появлением электрического освещения герои разглядели вокруг запустение, пыль и паутину. Нечто подобное произошло и с фантастикой. К месту сказать — не только отечественной. В более выгодном положении находятся господа теат-

ралы и живописцы, — они в периоды кризисов могут, по крайней мере, зарываться в ил надежных и проверенных тем, — живописать чеховскую и толстовскую эпоху, на худой конец, создавать экстравагантные натюрморты. Фантастика же изначально повенчана с Ее величеством Мечтой, и без последней теряет полетную силу, немедленно опускаясь на грешную землю. Отсюда и та подспудная тоска авторов по суровой Империи. Осмелюсь не согласиться с выводами Александра Ройфе, полагающего, что авторы тоскуют о конце беспредела и скорейшем установлении всеобщего порядка. Как раз классический порядок знаменует собой могильную плиту над строптивым племенем фантазеров. Новая же империя обещает попытку обуздания мышления, обещает целый океан свежей проблематики, а значит... Значит, вновь появится возможность очередного прорыва вовне.

Так уж получается, что дух, опережающий время, находит свое воплощение в виртуальных образах, и пишущая братия угодила ныне в тягостную вилку. С одной стороны — практически исчерпан сюжетно-технический арсенал фантастов, с другой — темы вечные и высокие в век первичной демократии действительно не пользуются спросом. Отсюда — вынужденная маргинализация фантастики, ее стремительное слияние с боевиками и триллерами. Вечное и художественное дозируется крохотными дозами — по капле на главу (дабы не уснул многоуважаемый читатель!), существенная часть литературного «мяса» наращивается из рафинированного полуфабриката. Не думаю, что это приговор, скорее — временный диагноз. А уж сколько мы будем болеть — один Бог ведает. Видимо, следует набраться терпения и ждать, когда сработает иммунная система и на свет явятся очищающие антитела.

На мой взгляд, уже сегодня зреют локальные прорывы, и авторы, пусть не суперпопулярные, уже делают свое дело, закладывая фундамент будущего литературного строения. Некоторых из них мы прекрасно знаем — тех же Дяченко или Евгения Лукина. Вполне допускаю, что имена иных пишущих современников будут греметь уже лет через пятнадцать-двадцать. В любом случае унывать не стоит. Искусство — та же Пизанская башня. Вечный крен и вечное падение. И пусть мозг маргинала тяжело переваривает высокую культуру, но и последняя с трудом переносит запах примитивизма, а потому — атакует и будет атаковать, поскольку интому нам попросту не дано. Одолев последний градус, эволюционный маятник помчит обратно, и, уверен, отечественная фантастика порадует нас еще десятками и сотнями замечательных романов.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 60
Евгений КОРОСТЕЛЕВ «Трещина»	стр. 61
А. ПОСНЯКОВ «Журналюга». Рассказ	стр. 71
Сергей СМЕРНОВ «Самая русская американская игра»	стр. 78

ЖЕСТКИЕ ИГРЫ

А как, собственно, еще Вы предлагаете делать из мальчиков мужчин? Я не в смысле возраста или физиологии... Там все понятно — взаимосвязи между этими вещами, ну, никакой. Я в смысле характера и того самого стерженька, который «сломать» теоретически можно, а вот «прогнуть» — только по его собственному желанию.

И что интересно — чуть ли не от горшка мы подсовываем ребятам «Пятнадцатилетних капитанов» и «Томов Сойеров», «Капитанов Сорви-Голова» и «Республику ШКИД», Джека Лондона, Говарда и Майн Рида. Но не дай Бог, если твой собственный ребенок, насмотревшись «Конана», пойдет в одиночку шарашиться по городу, или, начитавшись «Тарзана», полезет на отдельно стоящее дерево. Боязно? И мне боязно. Ну, а как иначе?

Не знаю... Правда, не знаю.

К примеру, те же «пейнтбольщики» (см. стр. 78-79)... Это которые в пластмассовых намордниках бегают по лесу и пуляют друг в друга желатиновыми шариками с краской. Так вот, один московский клуб решил год тому назад вырастить себе смену и набрал бригаду пацанов для спецдрессировки. Система тренировок проста, как два пальца. Пацаны отрабатывают упражнение или маневр, а ихний наставник (педагог, туды его в качель!) стоит сзади и за каждую ошибку производит контрольный выстрел в голову. С двух метров! В затылок! Напрямую в подсознание!

Оно, конечно, не смертельно. Примерно, как сырым яйцом с пятого этажа через форточку. И конечный результат со стопроцентной гарантией — спустя год эти пацаны на первом же открытом чемпионате по пейнтболу отметили все взрослые команды. Но где граница, на которой заканчивается «закаливание» и начинается истязание вплоть до увечий?

К примеру, те же пейнтбольщики с екатеринбургского пейнтбольного клуба... Года два тому назад закупили они первую партию «стволов», выехали на поляну, обстреляли их. Все по паспорту: дальность выстрела — 60 метров, прицельный выстрел — 30 метров, с пяти метров — синяки на пузе. Хорошо, но... мало. В тот же день просчитали баллистику (высшее техническое образование позволяет), а на следующий день заказали на номерном заводе новые стволы в полтора раза длиннее. Выехали, обстреляли... Уже получше: дальность — 120, прицельный — 60, с трех метров — кожа лопается и мясо видно. Вот с этими стволами теперь и бегают, да еще и по американской спецназовской методике — по пояс голыми...

Вы спросите, к чему я эти разговоры завел? А все очень просто — пацан у меня растет, и года через четыре ему будет мужчиной становиться. В смысле физиологии, конечно... Вот я и задумался. Сам-то я и в эти игры играл, и другие кой-какие забавы помню, и чем пахнет советская армия с изнанки тоже нюхал. А вдруг и его потянет? На жесткие-то игры?

А как, собственно, еще?..

Олег ВОДОПЬЯНОВ

В Институте физической культуры Уральского Государственного педагогического университета открыта первая в Уральском регионе кафедра «Безопасности Жизнедеятельности» (БЖ), которая будет готовить преподавателей БЖ для школ России. Возглавил кафедру доктор медицинских наук Ю.С. Чурилов, а в основу учебных курсов легли программы, разработанные известным в России автором учебных пособий по ОБЖ доцентом кафедры Ю.В. Репиным и Почетным полярником, членом Правления Уральского экологического союза старшим преподавателем кафедры Г.С. Чеуриным.

Кафедра издает и распространяет учебно-методическую литературу по проблемам безопасности и выживания, проводит курсы повышения квалификации, организует учебно-тренировочные семинары для специалистов и населения по освоению навыков предотвращения чрезвычайных ситуаций, выживанию в природных, техногенных и социальных экстремальных ситуациях.

Справки по адресу и телефону:
Россия, 620219, Екатеринбург, ГСП-135, пр. Космонавтов, 26, к. 251, УрГПУ, кафедра БЖ.
Тел.: (3432) 34-33-02,
e-mail: eco@ural.ru

16 марта 2001 года в 8 часов утра из Мурманска стартовала Всемирная Кругосветная Экспедиция ЮНЕСКО «Великой Северной Тропой». В ее составе почетные полярники: Сергей Соловьев (руководитель), Владимир Рыбин (администратор), Филипп Ардеев (каюр). Техническая группа из 5 человек: фотограф, режиссер и кинооператор будущего 52-серийного фильма, ответственный за спутниковую связь, Интернет и технику. В числе почетных гостей, провожавших экспедицию, были: посол Королевства Норвегии в России О. Нордслеттен, председатель Международного оргкомитета Экспедиции В.С. Черномырдин, Председатель Союза журналистов РФ В.Л. Богданов.

Первая остановка — в норвежском городе Киркенес, и далее — вся Скандинавия, Исландия, Гренландия, Канада и Аляска. Через год-полтора путешественники придут на Чукотку, откуда продолжат путь по российскому Северу по пути, уже пройденному ими 18 лет назад.

Олег НИКИТИН

Евгений КОРОСТЕЛЕВ, Санкт-Петербург

Второму рождению Мишки посвящается.

ТРЕЩИНА

*В основу рассказа положено реальное происшествие.
Все имена героев заменены на вымышленные.*

РАБОТА

— Все просто. Зайти на ледник Левый Мугур. Забурить рейки на полтора метра. На следующий год по рейкам можно будет определить скорость стаивания ледника...

Примерно так объяснял нам сегодняшнюю задачу Сашка, аспирант Петербургского Университета, участник гляциологической экспедиции в Республике Тува.

— Что одевать на восхождение? Ну, свитера хватит одного... Носки шерстяные обязательно... Шапку, желательнее, возьмите. Это здесь, внизу жарко, там все это понадобится. Короче, не маленькие — сообразите...

В сферу интересов нашей экспедиции, изучавшей озеро Тувы, не входило изучение ледников, но какой исследователь откажется от возможности взойти на ледник, тем более, что за годы полевых практик по-

бывать нам на ледниках так и не пришлось. Поэтому предложение сходить «наверх» мы восприняли с энтузиазмом.

Через полчаса Ростислав, Константин и я присоединились к уже готовому Сашке. Саня выглядел, как истинный географ-полевик: заросший и загорелый за месяц непрерывных хождений в горы, в потрепанной и видавшей виды куртке на широких плечах; в еще недавно новеньких, но теперь совершенно стоптанных ботинках. Очки на лице прибавляли его виду кабинетную интеллигентность ученого. За плечами висел рюкзак с экспедиционными мелочами: полевой дневник, рулетка, компас, высотомер и ряд других необходимых вещей.

— Ну, что же! — обратился к нам подошедший Олег Александрович — руководитель университетской гляциологической экспедиции. — Десять часов. Вы готовы?

Мы утвердительно кивнули.

— Тогда вперед! Александр дорогу знает. Встретимся у ледника.

— А как же вы?

— Я вас догоню. А ваша первая задача — догнать и перегнать вон ту девушку, — Олег Александрович показал рукой на перевал, куда нам предстояло идти. — Она ходит медленно, поэтому вышла раньше. На леднике все должны быть вовремя.

Легко сказать — догнать. С нас сошло семь потов, прежде, чем мы догнали Олю. Она также была участницей экспедиции Олега Александровича и представляла Барнаульский Университет. Самого же руководителя мы встретили уже рядом с ледником, где он надевал теплую одежду. Многолетний опыт хождения по горам, хорошее знание местности и колоссальная выносливость позволили ему с легкостью обогнать нас, каждые пять минут останавливавшихся на перевести дыхание, и встретить непосредственно у ледника. Здесь с прошлого раза ими были оставлены алюминиевая снегомерная рейка, ледовый бур и несколько деревянных реек, которые нам предстояло оставить в теле ледника. Перед началом работы мы чуть передохнули.

— Александр, передайте кому-нибудь из ребят рюкзак — пусть разомнутся, — сказал Олег Александрович, взглянув на Сашку.

— Да ладно, — Сашка мотнул головой. — Я уже к нему привык.

— Саша! Ты хоть в него заглядывал перед подъемом? — спросила Оля.

— Никуда он не заглядывал, — не дал ответить Сашке Олег Александрович. — У меня давно зреет идея положить ему в рюкзак кирпич. Он так, наверное, и притащит его на ледник.

— А чего там смотреть, — Сашка смущенно пожал плечами. — Раз положили, значит нужно.

Все посмеялись и, захватив бур с рейками, приступили к работе. Первые забуры делали в той части ледника, которая напоминала ковш, заканчивающийся обрывом. С двух сторон его ограничивали ледяные склоны, третью составляли огромные каменные валы.

Бурили по очереди, на всю глубину бура. Вся поверхность льда была испещрена маленькими безобидными ручейками. Они весело бежали, сверкая в лучах восходящего Солнца, незаметно сливаясь, чтоб в долине превратиться в могучую горную реку.

Рейки следовало забуривать как можно чаще с интервалами в сто метров по высоте. Бур несли по очереди. После четвертого бурения, взвалив на плечо железный коловорот, я пошел впереди всех по скользкому склону, становившемуся все круче и круче. Через сто метров оглянулся на руководителя, но Александрович махнул рукой, чтобы я продолжал движение. Бур с каждым последующим шагом становился все тяжелее. Сзади послышалось прерывистое дыхание — меня догнал Сашка.

— Долго еще...идти? — спросил я, пытаюсь отдышаться.

— Возможно..., — сказал он вполголоса. — ...Сашка ведет нас к вершине.

Глаза его сверкали. Еще бы, простоять экспедицией около недели возле высочайшей вершины Тувы, так и не побывав на ней! Высота Монгун-Тайги 3970 метров. Лагерь стоял на высоте две шестьсот. Таким образом, если Сашкины предположения верны, то за сегодняшний день нам предстояло подняться на высоту тысяча триста метров. Ну, и, соответственно, спуститься на то же расстояние. Впечатляло!

— Сегодня мы должны забурить рейку на вершине Монгун-Тайги, — слова Олега Александровича на ближайшем перекуре расставили точки над «i».

Ростя с Костей без энтузиазма восприняли эту новость. Я же не знал — радоваться мне, как Сашке, или впадать в тихую депрессию от предстоящих новых часов мучительного подъема. Мне было уже совершенно все равно. Я даже не смог восхититься великолепием долин и озер, открывшихся нам с высотой. Только холодно констатировал — красиво. И все. Никакой эстетики. Никаких эмоций. Просто факт.

Два пологих склона образовывали своеобразные плечи, ведущие к вершине. После первого плеча, которое мы преодолели чуть больше, чем за час, остановок стало значительно больше. Физически восстанавливаться еще удавалось, а вот дыхание возвращаться в норму не желало. Костя, как и я, не мог восстановиться «дыхалку», хотя сил передвигать ноги у него хватало. На Росте же «не было лица».

На втором плече во время забуривания предпоследней рейки у нас сломался бур. Здесь подошедший последним Ростя выдохся окончательно.

— Олег Александрович, — начал он. — Я больше не могу идти...

— Ростислав! — без тени сомнения произнес Олег Александрович. — Вас с собой никто не тянет на вершину. Но дело в том, что у вас просто нет выбора. Спустится по склону такой крутизны, по какой мы поднимались, практически невозможно. Ближайший же нормальный спуск, находится за вершиной. Так что, вы в западне.

Больше Ростислав на эту тему разговоров не заводил.

Мокрые от пота ноги. Слепительно белая поверхность вокруг. Звук собственного дыхания. Барабанная дробь сердца в груди. Пятьдесят шагов — остановка. И вновь изнурительный подъем.

Шагая за Олегом Александровичем, я уткнул свой взгляд в его ноги. За мной шел Сашка с буром. Ни я, ни Костя, ни Ростя с последней незабуренной деревянной рейкой, которую он использовал в качестве посоха, нести бур уже не могли. Для меня этот подъем превратился в борьбу с самим собой. Остатками любопытства горел во мне огонек интереса: выдержит ли организм это нелегкое испытание? Оля, Кос-

тя и Ростя шли самыми последними, периодически падая на ледяную поверхность, отдыхая. Я бы и сам с удовольствием свалился на снег, но чувствовал — стоит лечь, встать я уже не смогу. Легче всего было неторопливо передвигать ноги, фиксируя взгляд на пятках впереди идущего.

Вершина открылась снежным плоскогорьем, в центре которого стоял дюралевый штырь, установленный альпинистами, которые иногда навевывались на самую высокую точку Тувы.

Здесь было царство ветра, непрерывного и сильного. Я закрыл глаза и присел на корточки, отдыхая, пока подходили ребята. Часы Олега Александровича показывали пять.

— Серега! Мы же с тобой на вершине!! Это рекорд! Забраться на высочайшую гору этого края...

Я открыл глаза. Рядом стоял Сашка. Мой утомленный вид заставил его добавить:

— А за рекорды нужно платить.

Меня тошнило от переутомления и большой высоты, поэтому больше занимало — выпустить содержимое желудка на волю или оставить на месте. Но я все-таки ответил:

— Саня! Если рекорды мешают здоровью, то ну их... эти рекорды.

Наконец, я пришел к выводу, что остатки не переваренной пищи представляют слишком большую ценность для организма, учитывая сколько времени уйдет на возвращение. Сразу стало легче, и я огляделся. Облака, ставшие теперь совсем близко, угрожающе темнели прямо над головой. Разгоряченные подъемом тела начали охлаждаться. Пора было уходить. Все приободрились в предвкушении спуска.

— Сергей! — обратился ко мне Олег Александрович. — Возьмите у Александра бур.

Я беспрекословно принял от Сашки тяжелую ношу, которую он и так протащил за нескольких человек.

— Серега. Устанешь — скажешь. Я тебя сменю, — Костя тоже потихоньку приходил в себя.

Я не замедлил его «подколоть».

— Уже устал..., — хмыкнул я, выжидающе глядя на него.

Он в долгу не остался.

— Ну, и неси сам.

Довольные тем, что еще не потеряли чувство юмора, мы потянулись вместе со всеми вниз по склону, вспахивая девственно чистую снежную поверхность. Дорога вниз заставляла буквально бежать. Олег Александрович даже одернул Ростю:

— Ростислав, не бегите. Нам предстоит не только спуск... Нужно будет преодолеть перевал. Так что, рассчитывайте силы.

Впрочем, особо это никого не остановило. Апатия — родная дочь усталости, отвлекала наше внимание, и мир приобрел черты ирреальности. Тут еще выглянуло Солнце, совсем некстати ослепив луча-

ми, отраженными от снежной белизны. Спуск привел нас к обрыву, и мы вынуждены были пойти вдоль него. Олег Александрович с Олей отошли дальше от края, мы же, перепрыгнув через сеть небольших смерзшихся трещин, двинулись метрах в ста. До конца ледниковой шапки оставалось около полукилометра.

САШКА!

Мы с Сашкой шли чуть впереди параллельно друг другу. Ростя с Костей чуть отстали, о чем-то беседуя.

Путь нам преградила узенькая, не больше десяти сантиметров, змейка свежего снега, четко выделяющаяся на серовато-белой поверхности ледника — явный след притаившейся трещины. «Не хватало еще ноги поломать», — подумалось мне.

— Сашка, впереди трещина! — предупредил я друга, который одновременно со мной подошел к трещинке. После чего я прыгнул, чтобы случайно не попасть в нее ногой.

Мир изменился. В пространстве что-то произошло.

Снежный наст ушел у меня из-под ног. Все вокруг рухнуло и пришло в движение. В течение секунды в голове пронеслись веер мыслей, которые я так и не озвучил.

Первая, с хвастовством: «Мужики! Прикиньте, я в трещину попал».

Вторая: «Я же ВИШУ на БУРЕ поперек трещины! Подо мной — пропасть...!!!»

В уши проникает крик: «Ты жив?!!».

Это голос Кости. На поверхности у меня осталась голова, рука вцепилась в спасительную палку бура. Поворачиваю голову влево, откуда донесся голос, чтобы ответить, и вижу... Вижу Костю, лежащего перед трещиной, огромная пропасть которой скрывалась под маленькой снежной полоской. Тут меня прошибает третья мысль — «САШКИ НА ПОВЕРХНОСТИ НЕТ!!» Костя же вопрошающе кричит в темный провал в том месте, где прыгал Саня.

— Сашка!!! Ты жив?! Жив?!!

Голос Сани доносится откуда-то из-под меня.

— Да... жив..., — голос приходящего в себя человека.

В следующее же мгновение голос заглушает грохот, треск снизу.

Костя срывающимся голосом просит ответить Сашку. Секунды, растянувшиеся до бесконечности. Молчание. Воздух буквально физически начинается сжиматься удушливой петлей непоправимого. Проходит полминуты. Костя продолжает безуспешные попытки докричаться до Сашки.

— ...Да, ...мужики, ...мужики... Я здесь. Вытащите меня отсюда! — в невнятном голосе, донесшемся из черного чрева трещины, отчетливо слышны нотки отчаяния и страха.

— Сейчас, — отвечает Костя Сашке, который, судя по далекому голосу, провалился еще глубже.

Теперь до меня начинает доходить опасность и моей ситуации. Стоит только неправильно дернуться, и выступающие кромки льда, за которые зацепились края бура, обломятся, после чего я мгновенно присоединюсь к Сашке. Чтобы ослабить давление своей «спасительной соломинки» на непрочный лед, я уперся ногами в выступающую стенку трещины, перенеся, таким образом, часть своего веса с бура.

Сзади слышится голос подползшего ко мне Ростя.

— Ты как?

— Вишу, — отвечаю, стараясь не делать резких движений.

— Рейку сможешь взять? — протягивает он из-за спины деревянную рейку.

— Вряд ли..., — отпустить бур я не рискну.

— Осторожно Ростя! — сзади подползает Костя. — Здесь все может рухнуть! Серега, сейчас мы тебя вытащим, ты только не двигайся.

Они хватают меня за шиворот, рывком вытаскивают из трещины и, подхватив под мышки, оттаскивают на безопасное расстояние.

Время вновь потекло нормально, и я вижу, что на противоположной стороне трещины стоит Олег Александрович. До меня доходит, что ни он, ни Оля помочь нам просто не могут. Попытки перебраться к нам чреваты новыми обвалами. Мы оказались разделены на две группы.

— Олег Александрович! Веревка есть? — Костя в отличие от меня уже вполне пришел в себя, и все его действия теперь были направлены на спасение Сашки.

— Да, в рюкзаке... Как там Сашка?

— Жив вроде...

Последние километры рюкзак нес я. Скидываю его с плеч и начинаю искать.

— Мужики!... — из трещины вновь доносится голос Сашки.

Костя подползает к краю.

— Да?

— Вытащите меня отсюда! Здесь холодно...

— Сейчас, Сашка.

Веревку я не нашел.

— В другом отделении, — кричит с противоположной стороны Ольга.

Нахожу моток какой-то веревки.

— Это не та, — увидев веревку, сказал Олег Александрович. — Эта — короткая. Была большая.

В рюкзаке больше ничего нет, но для порядка я все-таки проверяю. Никаких других веревок там не появилось.

— Он ее выложил, — подразумевая Сашку, говорит Ольга. В ее глазах слезы.

В голове обрывки мыслей: «...он туда вообще не заглядывает, ...хоть кирпичи клади».

Костя продолжает поддерживать разговор с Сашкой.

— Сашка! Ты глубоко? Свет видишь?

— Свет... вижу. А вот глубина... Ну, метров десять...

Глядя на нас, Костя качает головой — вряд ли это возможно.

— Не паникуешь?

«Что за вопрос? — приходит в голову мысль. — Хотя, если подумать, не такая уж и глупость».

— Да, нет. Я курю, — отвечает из глубины Сашка, после некоторой паузы. Голос относительно спокойный.

Это, вроде простое, выражение в сложившейся ситуации немного снимает нервное напряжение.

— Ну, если курит, — говорит Олег Александрович, — значит в порядке. Сашка! Попробуй упереться ногами в стенки и вылезти.

Вскрик.

— Нет, не могу — в спине боль...

Спускаем в трещину веревку, предварительно ее измерив. Длина Сашкиного спасения не превышает семь метров.

— Саня? Ты веревку видишь?

— Вижу...

— Ты можешь за нее ухватиться? — спрашивает Костя, опустив веревку полностью.

— Нет. До нее еще метра три.

Все молча переглянулись. Непроизвольно моя рука тянется к карману на брюках. Карманы у меня забиты всевозможным барахлом. Привычка, невесть как приобретенная, которая у многих вызывает улыбку. Но сейчас не до смеха — тем более, что в кармане у меня лежит десятиметровый шпегат. Эта «мелочь» живет там уже неделю. Раньше он скреплял надутую камеру плота с деревянной палубой, на ко-

тором мы изучали озера.

— Не выдержит, — сказал Костя, осмотрев его. — Если только попробовать сложить в четверо.

Костя слоняется над трещиной.

— Сашка! Нужно подождать минут двадцать. Нам понадобится время, чтоб все подготовить и тебя вытащить.

— Быстрее, мужики..., — после паузы доносится снизу голос. И интонации в нем заставляют сжаться сердце — каково ему там?!

Костя требует от нас ремни. К веревке нужно сделать обвязку.

— Может, мой рюкзак использовать в качестве обвязки, — предлагает Олег Александрович.

Костя быстро осматривает перекинутый рюкзак: лямки, пояс, пластмассовые защелки...

— Нет! Не выдержит. Лучше ремни, желательно кожаные.

Ремней нашлось два: мой — старый солдатский с бляхой и Ростин — самодельный. Оба ремня Костя закрепляет на сложенной вчетверо веревке. Затем связывает две веревки в одну. Опускает ремни в трещину.

Сашкины слова звучат как приговор.

— Нет, мне не достать... Вытащите меня отсюда. Все обдумывают сложившуюся ситуацию.

— Олег Александрович, сколько времени вам понадобится, чтобы дойти до лагеря?

Пару секунд гляциолог прикидывал.

— Часа два туда и назад столько же.

— Назад же с подъемом? — Костя посмотрел вопросительно. — Наверное, обратно часа три, три с половиной?

Олег Александрович кивком согласился.

— Тогда, может, вы пойдете за помощью? А мы сделаем еще несколько попыток достать Сашку.

В тот момент это было самое рациональное предложение. До лагеря должен был идти самый быстрый человек, а быстрее Саныча никто из нас не ходил. Кроме того, Олег Александрович единственный знал путь к лагерю.

— В конце концов, — продолжал Костя. — Я попробую спуститься туда. И если мы вытащим Сашку, то сами пойдём в лагерь. Он знает путь?

— Знает.

Олег Александрович с Олей оставили из своего снаряжения все вещи, которые могли нам пригодиться: варежки, свитер, куртку, часы. Когда они уходили, часы показывали половину шестого.

СПАСЕНИЕ

А нам приходилось рисковать. Костя сложил тонкую веревку вдвое и скинул ремни вниз.

— Сашка! Цепляйся за ремни.

Через несколько минут выяснилось, что боли в спине не позволяют поднять Сашку на ремнях.

— Вытащите меня... мужики!!

Я старался не думать, что должен испытывать человек, так зовущий на помощь.

— Сейчас, Саня...

Костя отрешенным взглядом посмотрел на нас.

— Ну..., я полез к нему.

— Он там не замерзнет? — спросил Ростя, помогая Косте затянуть ремни.

— Возможно ему там теплее, чем нам. Ветра там все-таки нет.

На Костю мы одели еще одну куртку и свитер. Часть одежды он должен отдать внизу Сашке.

— Ну, с богом!

Я подползаю к трещине, упираясь в рейки, положенные вдоль нее. Ростя держит веревку в трех метрах от края. Кто знает, насколько могут еще расширяться края трещины, со стен которой все интенсивнее начинают капать сосульки. Более теплый воздух с поверхности, поникая в трещину, способствует таянию ледяных стен, увеличивая реальную опасность их обвала.

Костя исчез в трещине. Веревка под его тяжестью разрежала выступающий край и уперлась в рейки. Слежавшийся снег, в который врзалась веревка, может рухнуть вниз, захватив попутно и меня, но выбора нет. Вместе с Ростей стравливаем веревку.

— Все мужики. Я внизу, — доносится снизу Костин голос. — ...Привет Сашка! Сашка!! Да ты весь в крови. Ну, и раздолбал ты лицо себе...

Дальше шли уже неразборчивые слова, которые я не понял. Повернувшись к Росте, я сказал:

— Костя внизу. У Сашки разбито лицо.

На короткие минуты ожидания мы расслабились и сразу же почувствовали холод. Больше всего мерзли ноги. Это становилось мучением. Я смотрел, прыгая и притоптывая, на совершенно мрачного Ростю и размышлял, куда делась та самая усталость, которая валила нас с ног у вершины. Наконец-то мы услышали долгожданный крик Кости:

— Мужики!!! Потихоньку, полегоньку тяните!!

Начали мы бодро, но через несколько секунд услышали стон.

— Мужики, вниз!! Вниз стравливайте!! — рявкнул снизу Костя.

Стравили. Оказывается, когда Сашку подняли в воздух, веревки пережали ему дыхание.

Попробовали еще несколько раз. Одно и то же. Ноги у нас начали уже коченеть, веревка резала руки, да и Сашка был не самым легким в свои двадцать три.

Костя сделал ему ручку на веревке, чтобы он часть веса на руку перенес. Но это не помогло. Тогда Костя стал просто поднимать его на себе. Сашка забирался на Костю, как по лестнице, тем самым хоть как-то ослабляя давление веревки на своей груди.

В какой-то момент я понял, что сил мне может просто не хватить. Поменялись с Ростей местами.

Теперь Ростя, стоя на краю, вытягивал Сашку. А я подстраховывал и закреплял веревку.

Но, когда Сашка повис на веревке, сил не хватило и у Ростя. Пришлось рискнуть. Мы вдвоем встали у края трещины и тянули-тянули... Когда до верха осталось совсем немного, где-то четверть расстояния, силы нас оставили. Их едва хватало на то, чтобы просто держать веревку с Саней на достигнутой высоте. Сашка едва хрипел, зависнув в воздухе. Костя орал благим матом:

— Мужики!!! Мужики!!! Мать вашу! Тащите!! Тащите, чтоб вас!!!

Сквозь сжатые зубы Ростик кричал сверху:

— ...Сил нет. Нету сил!!!

Мы вцепились в веревку, застыв над трещиной, как изваяния. Сил действительно не было. Долго так продолжаться не могло. От невозможности изменить ситуацию накатывало ощущение полной беспомощности.

К счастью, Сашке удалось упереться в стену и дать нам немного передохнуть. Я поглядел на тяжело дышавшего Ростю, вытер со лба пот.

— Ну, что? Еще пара рывков?

Он молча кивнул и потянул веревку. Раз, два, три — и вот в расщелине показалась Сашкина шапка. Пока я держал веревку, Ростя положил рейки поперек трещины, и Сашка, цепляясь за них, высунул голову на поверхность.

— А вот и я! — просто сказал он.

Мы схватили его за руки и волоком оттащили от трещины.

— Ну, как ты? — спросил Ростя, отвязывая ремни от Сашки.

Сашка, с залитым кровью лицом, смотрел широко раскрытыми глазами сквозь разбитые очки.

— Холодно, — глухим голосом ответил он, стуча зубами. — Я весь сырой.

— Сейчас мы Костю вытащим и пойдем отсюда. Ляг пока, отдохни.

— Да нет, я постою! — голос у Сашки был глухой и в нос.

— Что-нибудь болит, Саш? — спросил я.

— Что-то под левой лопаткой, — он совершенно не двигался. Стоял и дрожал. — А так — вроде ничего. Замерз только сильно.

Костю вытащить было значительно легче, хоть он и весил больше. Забирался он, по сути, сам, почти не прибегая к помощи веревки. Вылез весь мокрый, на носу кровоточила свежая царапина.

Отвязывая от себя веревку, Костя рассказывал:

— Спускаюсь, смотрю — стоит между стенок. Стоит, не двигаясь, и молчит. Потом поворачивается и на меня смотрит. Лицо в крови, очки разбиты. Позвал. Молчит. Я даже испугался — может, он глаза повредил. Повезло ему, конечно, фантастически. Стоит на небольшой ледяной перемычке шириной метра полтора. Справа и слева трещина уходит на глубину. Дна

не видно. Я туда сосульку кинул — только через несколько секунд всплеск. Вода внизу. Сказочное везение. В рубашке родился... А, царапина? Сашка, пока лез, сшиб несколько сосулек. Чуть в голову не воткнулись — шапка спасла...

Сашка тоже заговорил:

— Я пока там один сидел, такого насмотрелся. Один сидишь, и мысли разные в голову лезут: выгнать не смогут, веревка лопнет, стена рухнет... Такая безысходность.

— Кстати, — Костя — мне. — Твой ремень не выдержал. Лопнул. Я вниз спустился. Смотрю — спускался-то на одном ремне.

Ростя одел свой ремень, с честью выдержавший испытание. Посмотрев на трясущегося Сашку, накинул на него свою куртку, потом надел рюкзак и посмотрел на нас.

— Долго еще стоять будете? Все, сваливаем отсюда.

— Я быстро идти не могу, — подал голос Саня.

— А мы и не пойдем быстро. Как сможешь, так и пойдем.

ОДНОГО СПАСЕНИЯ МАЛО

Когда начали движение с ледника, от момента ухода Олега Александровича и Ольги минул час. До места, где заканчивалось царство трещин, двигались по их следам. Впереди шел Ростя со своей деревянной рейкой и простукивал перед собой снег. Я шел последним, и на этот раз мне в глаза бросались все дырочки и вмятины на дороге. Сойти со снежной шапки, к счастью, удалось без приключений.

Напоследок я взглянул в сторону ледника. Отсюда трещину различить было нельзя. Сама же ледниковая шапка Монгун-Тайги ослепительно блестела в лучах начинавшего заходить солнца. И во всем этом великолепии не было ничего угрожающего, как и дружелюбного. Природа была безразлична к нашим бедам и радостям. Это мы потревожили покой ледника и чуть не поплатились за это. Мы были незваными гостями здесь, а гости должны соблюдать правила дома, в котором находятся.

— Сашка! Олег Александрович сказал, что ты знаешь путь к лагерю.

— Ну, да..., — от Сашкиного глуховато-гундосого голоса становилось не по себе. — Вон там перевал.

Сашкина рука устремилась вперед. Перед нами расстилалась долина, вперемешку покрытая ледником и моренными насыпями. С противоположной ее стороны виден был хребет чуть ниже того, на котором стояли мы. Именно на нем и расположился перевал, который предстояло преодолеть. Но предварительно надо было спуститься в долину и перейти ее. А вот как спускаться отсюда, Сашка не знал.

«Ну, ладно, — подумалось мне. — Как-нибудь спустимся. Через долину перейти не проблема. Главное,

подняться на перевал, а там и до лагеря рукой подать».

— Здорово здесь! Да? — Ростя восхищенно оглядывался вокруг. — Жалко, что фотоаппарата нет.

Пейзаж вокруг был действительно необычен. Огромные, до пяти метров в поперечнике, светло-желтые валуны, полуразвалившиеся, словно остатки древней крепости, лежали на крупнозернистом песке того же цвета.

— Останец! — прокомментировал местность Костя.

Это необычное место находилось на вершине хребта, по которому мы шли в безуспешной попытке найти спуск. Путь вниз, выбранный нами, представлял собой гребень, сложенный крупными камнями и валунами. Ростя страховал Сашку на спуске, а мы с Костей побрели «своим ходом», выбирая для себя более проходимый маршрут. Чем ниже мы спускались, тем опаснее становилась дорога. Крутизна склона становилась всё больше, а камни становились всё менее устойчивыми. Несколько раз становилось так круто, что казалось — мы зашли в тупик. Но, облизав весь гребень, спуск мы всё же нашли.

Черная туча крышкой захлопнула над нами небо. Пошел град. Камни намокли и стали скользкими. В очередной раз нам повезло — непогода застала нас в конце спуска, когда до долины остались десятки метров. Склон плавно перерос в хаотичные нагромождения морены. Мы спустились. И тут же перед нами возникло первое препятствие ледниковой долины — стремительно несущийся горный ручей. В некоторых местах ручей нырял под ледяные арки, но перейти по ним вряд ли кто-нибудь из нас решился.

Ухнуть в клокочущую стремнину потока — такая перспектива никого не устраивала.

Пройдя вдоль ледяного «бобслея» (именно его напоминал ручей, бегущий в изворачивающемся ледяном ложе), мы нашли место, где расстояние между берегами было минимально. Из ручья торчал камень, по которому Костя перепрыгнул пенный поток. С помощью рейки мы с Костей помогли перебраться Сашке. Ледниковая долина сыграла с нами злую шутку: она оказалась не такой гостеприимной, какой казалась сверху. Языки льда чередовались с грядками морены. Все пространство долины было прорезано «бобслеями». Мы насчитали их больше пяти штук. Последние даже не вызывали никаких эмоций. Я просто привык. Но вот и ручьи остались позади. Впереди был только перевал.

— Я не смогу подняться.

Все посмотрели на Сашку, хотя и так было очевидно, что этот перевал ему не по силам. Трудно было представить, откуда взять силы на подъем.

Ростя решительно посмотрел на меня.

— Идите вдвоем с Костей в лагерь, через перевал. Мы пойдем по долине. Хотя это и значительно дальше, но все равно Сашке здесь не забраться. Вы же в лагере скажете, где мы идем — пусть подберут нас на машине.

Идея разделить была не очень разумной. Но на часах было полдесятого. Никто не рассчитывал, что переход долины займет столько времени. И никто уже не рассчитывал на отряд спасения. Сашке, действительно, повезло — после преодоленных преград стало окончательно ясно, что вынести человека оттуда было невозможно. Счастье, что он ходил.

В долине реки, расположенной совсем рядом с лагерем, им, по крайней мере, ничего не должно угрожать, а нам с Костей оставалось сделать последний рывок.

ВЫХОД СИЛОЙ

Свое восхождение на перевал мы начали с того, что избавились от бура и рейки, положив их так, чтобы в последствии их легко можно было найти.

— Будем чаще отдыхать, — предложил Костя. — Быстро идти не будем.

Мы бы и не смогли идти быстро. Отдыхали каждые десять-двадцать метров. Костя поднимался чуть в стороне от меня. Я же поднимался напрямик к вершине, несмотря на осыпавшийся склон под ногами. Пробегал по песку и камням около десяти метров, падал и отдыхал. Сквозь мокрую от пота одежду чувствовались холодные камни. Но на возможность заболеть было уже плевать. Тем более, что лежать было меньше шансов сползти вниз.

Цель: камень в семи метрах от меня. Встать. Бегом. Мышцы налиты свинцовой тяжестью. Сердце стучит в виски. Легкие, как мех. Вот и камень. Упасть

лицом вниз. Закрыть глаза. Отдышаться. Цель...

С Костей мы друг друга в наступающей темноте не видели. Только периодически перекликались.

— Серега!!

— Да-а!

— У тебя как, нормально?

— Да. А у тебя?

— У меня тоже.

Подъем продолжался.

Стрелки на часах показали половину одиннадцатого, когда мы очутились на вершине. Ночь доедала остатки зари. Что представляет из себя спуск, видно не было, не говоря о самом лагере, затаившемся в темноте. Но удача, видимо решившая эти сутки провести с нами, улыбнулась нам вновь. Маленькая точка электрического света далеко внизу, как раз в том месте, где, по мнению Кости, располагался лагерь, указала нам путь. «Не иначе, фары у машин зажгли», — подумал я.

Во тьме мы начали очередной (какой по счету?) спуск.

И буквально через двести метров уперлись в обрыв. Повернули в сторону — снова обрыв. Наконец, нашли подходящий спуск, который плавно подходил к леднику.

Склон постепенно превратился в песчаную осыпь. Идти по песку и камням, постоянно осыпавшимся, было очень неудобно — особенно в темноте — а до ледника внизу осталось метров семь.

— Ну, что, идем на ледник? — мне не терпелось оказаться на ровной поверхности.

— Подожди, — Костя вглядывается в темное пятно на краю ледника. — Что это?

— Камень или трещина... Какая разница. Все равно обойдем.

Костя кинул в темное пятно камень. Это был не валун, слишком уж долго летел камень. Стук камня, как из глубокого колодца, не позволил разобрать, достиг ли он дна или ударился о стенку после пятисекундного полета. Второй камень стукнулся где-то еще глубже. Выходить на ледник с такой бездонной пропастью было чистым безумием.

Костя первым нарушил молчание.

— Пойдем по склону. Все равно обратной дороги нет.

По пятидесятиградусному склону камни с песком легко сыпаются вниз, на ледник, только вот нам туда нельзя.

Долго идти не пришлось. Видимо здесь очень часто осыпался склон. Выемка, в которой камней не было и удерживался только песок, воронкой вбирала в себя все, что непрочно держалось на склоне.

— Выбора нет, — Костя подошел к песчаной реке.

— А может, все же на ледник? — ледник в темноте выглядел не так устрашающе. — Ползком вокруг трещины? А?

— Нет! — в голосе Кости слышалась уверенность.

— Если кто-нибудь из нас провалится в трещину, то каюк...

Костя пошел первым. Рванул и в два прыжка перелетел «сыпуху». Снесло его всего на полметра вниз.

Я хотел прыгнуть сразу за ним, но песок потек ручьями. Потревоженные человеческой ногой песчинки пытались восстановить устойчивое положение, но зацепиться было не за что, и на всем протяжении сыпучей реки послышалось шуршание движущего песка.

— Костя! Она течет! — мне казалось, что склон поплыл полностью, и мне уже не перебраться. Страх холодком пробежал с головы до пят.

— Прыгай! Я тебя здесь подхвачу, — Костя стоял с другой стороны реки, готовый протянуть руку.

Выбора не было, я прыгнул. Два толчка, и я, схватив Костину руку, оказался на теперь уже относительно твердой поверхности. Перед следующей песчаной рекой, заканчивающейся ледниковой воронкой трещины, мы колебались меньше. Перегорели перед предыдущей, да и выбора уже не было — мы были в ловушке. Выше нас склон становился отвесным, внизу притаился ледник, расставив капканы трещин, позади — такая же песчаная река, как впереди. Дождаться рассвета? Об этом не было и речи — близости раздавался грохот камнепада и затих где-то совсем рядом с нами. Стоять было не менее опасным, чем идти. Мы продолжили движение. Облегчение я испытал лишь, когда мы вышли, наконец, к началу реки. Где-то в долине на ней стоял наш лагерь. Здесь мы в захлеб пили, зачерпывая ладонями холодную и чистую воду.

Ледник, название которого (как мы узнали позже) было «Капкан», остался позади; и река виделась нам «нитью Ариадны», которая приведет нас домой.

ВСЛЕПУЮ ПО НИТИ АРИАДНЫ

Стояла кромешная тьма. Только иногда в рваные просветы облаков выглядывали звезды. На каждой остановке мы теперь пили воду. Чистота ледниковой воды сыграла с нами злую шутку. Она была настолько чистой, что в ней практически отсутствовали минеральные соли. И она вымывала соли из организма, по сути — обезвоживая его. Но «охота пуще неволи» — мы все равно ее пили. Пили через каждые полсотни метров.

Местность впереди вновь изменилась. Появились огромные валуны, до пяти-шести метров высотой. Речка разбилась на множество ручьев и исчезла среди камней. А нам пришлось довольствоваться выбранным направлением, да карабкаться, подобно лилипутам, между огромных глыб.

Камни различались с трудом, а расстояние между ними и вовсе реально не оценивалось. Поэтому часто приходилось прыгать на неясные силуэты кам-

ней. Вероятность получить травму увеличилась до максимума. Падать стали очень часто. Особенно Костя. Каждые минуты две слышался стук падения его тела вместе с проклятиями.

— Жив?!

— Да. Вроде, цел, — слышался усталый голос во тьме.

«Какое счастье будет, если мы не переломаем здесь ноги, — размышлял я, совершая очередной невидимый прыжок. — Шансов подвернуть ногу гораздо больше, чем не подвернуть».

— Нам просто повезет, если мы здесь ноги не ломаем.

Я даже вздрогнул от Костиного голоса — у дураков мысли сходятся. Я представил, каково сейчас Костиным ногам. Это у меня они плотно сидели в ботинках, а у него, вообще, одна пара носок. Наверное, и падает так часто из-за этого.

Минут через сорок среди сплошных валунов вновь послышался тихий шум воды.

Мы стояли на огромном обвале — все эти валуны неизвестно в какое время завалили речку, но она нашла лазейку. И вот метрах в ста внизу она вновь возобновляла свой бег. И все также далеко светились огни нашего лагеря. Правда, теперь уже можно различить отдельные фонари машин.

Мы не знали, что нас ждет впереди. Реакцию людей в лагере предугадать нельзя. Может, там волнуется побольше, чем мы. Может, нас станут ругать, укоряя в ошибках, но меня не покидала уверенность — мы поступили правильно. Мы поступили наиболее рационально — в соответствии со сложившейся ситуацией. За такими думами я даже не сразу понял, что моя нога вдруг не ударилась о твердую ненадежную поверхность камня. Под подошвой моего доброго ботинка я ощутил что-то упругое, погасившее удар ноги.

— Костя!! Земля!!! — я не верил своим ногам.

Да, это была земля. Еще метров через сто, миновав камни, скатившиеся сверху, мы с Костей упали, прижавшись к «матери сырой земле».

— Серега, вставай, — прервал мои грезы Костя. — Нужно идти в лагерь, они же ничего не знают о Сашке.

С трудом оторвав себя от земли, я ползл за ушедшим вперед другом. В голове вертелась неведомо откуда взявшаяся мысль:

— Костя, а зачем мы так боролась за жизнь? Кому это надо? Ведь нам проще было остаться там...

Он не успел ответить. Да, и не нужен был мне этот ответ. Ради себя! Ради людей. Ради тех, кому мы нужны. Ради жизни. Которая всегда ближе, чем смерть. Слишком легко мы могли сегодня потерять Сашкину жизнь. Мы сохранили ее.

Жизнь хрупка. И жизнь всего одного человека не может сравниться ни с какой другой ценой. Не зря Антуан де Сент-Экзюпери говорил: «Хотя нет ничего

более ценного, чем жизнь, мы живем так, как будто бы есть что-то более ценное, чем жизнь». Сегодняшний день показал нам, что, когда на чашу весов поднимается жизнь человека, ничто не в силах ее перевернуть.

Шатаясь, словно пьяные, мы перешагивали через ручьи, на которые разливалась здесь река. Подходили к лагерю мы молча, сил кричать или еще как-то проявлять эмоции не было.

Я, не понимая, смотрел на свет от фонариков, на удивленные лица людей...

Я чувствовал чьи-то объятия, слышал чьи-то голоса...

Часы показывали час ночи.

Только после того, как мы ответили на все вопросы (как Сашка?), нас увели пить и есть. Быстро собралась и уехала (в общем-то, уже давно готовая) спасательная группа к Сашке с Ростей.

Нас напоили чаем с водкой и накормили. Скинув с себя промокшую от пота одежду, я забрался в палатку, но очень быстро покинул ее.

У костра обсуждали, кто был больше всех виноват в происшедшем. Это было непостижимо для меня: как можно о чем-то говорить, искать виноватого(?) после того, как Сашка, вопреки всему, остался жив, после того, что мы пережили с Костей. Когда нет других чувств, кроме тихой радости, что можно наслаждаться элементарным уютом лагерного быта. И главное — Сашка жив!! И только осознавая все это, я смог без труда уснуть, дав наконец измученному телу долгожданный отдых.

Утром привезли Сашку. По большому счету, он пришел сам. Машина со спасателями в темноте разминулась с ребятами и встретила Сашку в полукилометре от лагеря, уже на обратном пути.

Через час пришел Ростя.

— Мы с Сашкой не сориентировались. Я-то, вообще, здесь впервые. Сашка в таком состоянии, да еще и в сумерках, местность не узнал, и мы прошли нужный поворот к лагерю. Уже под утро вышли к юртам. Я предложил зайти выпить чаю... «Нет, — говорит. — Ты иди, а я здесь тебя подожду». Ладно, зашел, чаю попил, перекусил, взял еды Сашке, выхожу... Нет никого! Он, ви-

дать, на автомате в лагерь и пошел, на чувстве долга. Пришлось одному идти наугад — туда, где должен быть лагерь. Угадал. Вот и пришел.

ЭПИЛОГ

Человеческий организм обладает большим запасом прочности, как физическим, так и психологическим. Мы не сломались психологически, и это помогло нам выжить физически.

Сашка отделался просто легко: отбитое легкое и почка (которая на следующий же день после прихода вернулась на место), поврежденное стеклами разбитых очков лицо. Два дня он провалялся в больнице ближайшего поселка. Местные относились к нему очень тепло. Только выпивший представитель местной милиции все пытался дознаться, кто и где его побил. В рассказ о трещине он не поверил.

Костины ноги до бедер были синими от ударов, полученных во время ночного спуска с перевала.

Росте пришлось не по нраву ледники, и он заявил, что на ледники больше не пойдет.

У меня же появилась стойкая неприязнь к каменно-песчаным горным склонам, по которым мы карабкались много часов. И еще я перестал восторгаться кристально чистой водой горных ручьев. Они «обманули» нас. Они не утолили жажду, когда безумно хотелось пить.

Иногда я задаю себе вопрос, что же такое — везение? И как оно распределяется между людьми. Мне повезло, что я зацепился буром и не провалился. Ну, а число случайных совпадений, которые сохранили жизнь Сашке, исчисляется добрым десятком.

Упал на десять метров, а не больше. Упал — не разбился. Мог двигаться. Все цело. Нашелся дополнительный кусок веревки, которого не хватало. Ремни выдержали. Веревка не лопнула. Костя — человек, благодаря опыту и знаниям которого был спасен Сашка — оказался рядом. Людей, участвовавших в спасении, хватило, чтобы вытащить Сашку на ледник. И так можно продолжать еще долго...

Так что Сашке повезло больше всех. Его смело можно поздравить с новым днем рождения и пожелать больше не встречать в жизни трещин. Как, впрочем, и всем читателям!

А. ПОСНЯКОВ, г. Тихвин, Ленинградская область

ЖУРНАЛЮГА

Семиклассник Артем Короткий очень любил «АС/ДС». Нравилась ему почему-то эта древняя группа. Особенно гитарист, Энгус Янг. В теплое время года Артем так и шлялся по городу, как Энгус, — в кедах, шортах и в полосатом галстуке. «Металлюги» его за это уважали, а любители «Скутеров» и «Продиджи» крутили пальцем у виска, а один раз — даже поколотили, правда не сильно.

Осенью подражать любимому артисту было значительно труднее — сильно мерзли коленки. Оставалось только валяться дома на диване и слушать крутых австралийских парней, врубив колонки на полную громкость. Что Артем и делал, с обеда и часов до восьми вечера, а если не было дома родителей, то и после восьми вечера тоже. Вот только с соседями парню не очень-то повезло — никак они в музон не врубались, а, скорее, даже наоборот — третиrowали... Стучали, короче, родителям. До самого Артема все равно не достучишься, хоть в дверь колоти, хоть в стену, один черт — не слышно!

И начали родители и соседи Артема потихоньку доставать. «То — не слушай! Это — тоже! На всю громкость не включай! Ночью — тем более!» Достали — хоть из дому беги!

Кстати, идея эта Артеминым родителям понравилась. И даже — очень. Ну, чтоб выгнать на фиг из дому родного сыночка... Не вправду, конечно, а так, чтобы Артем меньше бы в квартире на диване ошивался, а больше бы — в школе, в кружке каком-нибудь, или в секции спортивной...

Ну, насчет спортивных секций Артем их сразу обломил, чтоб даже и не рассчитывали. Это вместо того-то чтоб на удобном диване балдеть — в спортзале школьном сломя голову носиться: в поту, в слюнях и с языком высунутым?! Больно надо! А против того, чтоб в кружке каком-нибудь позаниматься, он, в принципе, ничего не имел. Только кружок желательно бы подобрать поинтеллектуальнее, типа «Союза любителей «тяжелого металла». Вот в такой-то кружок Артем с удовольствием бы походил, о чем и заявил сбившимся с ног родителям. Папа в ответ хмыкнул, а мама, наоборот, отреагировала крайне болезненно, вплоть до использования нехороших слов и бурной жестикуляции, имеющей нарастающую тенденцию плавно перейти в рукоприкладство. Артем, понятное дело, этого до-

жидаться не стал, а быстренько спрятался в ванную (своей комнаты у него не было), где и заперся на защелку...

Родители всю ночь просидели на кухне. Курили. Советовались. Звонили кому-то. А на утро решительно выдвинули жесткий ультиматум: либо баскетбольный клуб, либо — кружок моделист-конструктор!

— Хорошо, хоть не «мягкая игрушка», — подавившись зубной пастой, буркнул Артем и уныло потащился в школу...

...А в школе Артема неожиданно вызвали к завучу.

— Длинного к Марье повели, — ехидно прокомментировал ему вслед второгодник Димка Скобцов. — За то, что вчера на физре матюгался!

Артем презрительно скривился... Ну да, матюгался, конечно... Но ведь — не один он!

— Звали, Марья Петровна? — толкнув тяжелую дверь, опасливо осведомился Артем.

Марья Петровна, завуч и по совместительству литератор, сняла большие очки в черной оправе и посмотрела на него, близоруко прищурясь.

— Значит так, уважаемый господин Короткий, — твердым голосом произнесла она. — Поступило предложение выбрать тебя редактором школьной стенгазеты вместо Паши Стенкина из 11 «А», ему к экзаменам готовиться надо!

Артем несколько обалдел.

— А что, организаторские способности у тебя есть, — невозмутимо продолжала Марья Петровна. — Язык подвешен, сочинения, чтоб не сглазить, лучше всех в классе пишешь... правда, весьма своеобразно, но ничего, поправим!

— А, может, я это... не захочу!

— Я вот тебе не захочу! — Марья Петровна показала Артему кулак и неожиданно рассмеялась. — Давай, давай, Артем, соглашайся, а то совсем наша школьная пресса захирела, так что — на тебя одна надежда, тем более, что тебе это понравится, по глазам вижу!

Артем задумчиво почесал затылок и попытался было промямлить что-то типа того, что хорошо бы подумать над этим предложением, а то ведь — так сразу...

— А чего тут думать? — пожалала плечами завуч. — Тут и думать ничего не надо! Редколлегия давно уже выбрана: двое девочек из восьмого «В» и пара мальчишек-пятиклассников, все художники, а девчонки, кроме того, еще и вязать могут... очень хорошие девчонки!

— Вязать? — глупо переспросил Артем. — Ну, это, наверное, хорошо...

— Короче, после шестого урока они будут ждать тебя в кабинете литературы, — торжественно пояснила Марья Петровна. — Там и определите, так сказать, стратегию газеты... в общих чертах, разумеется... Ну, что стоишь? Иди... Успехов вам!

Выпроводив Артема из кабинета, Марья Петровна, сжав кулаки, ликующе воскликнула «Йес!» и подняла трубку телефона:

— Квартира Коротких? Это из школы... Поговорила. Согласился!.. Ну что вы, что вы... не стоит, зачем уж так-то...

...За окнами прощально светило желтое сентябрьское солнце, пока еще яркое, пронзительно голубело небо, а над тронутыми желтизной деревьями тянулись к далекому югу стаи перелетных птиц...

Школьная редколлегия в составе пяти человек, включая Артема, уныло расположилась за партами. Впрочем, слово «уныло» никак не относилось к новоиспеченному редактору. Повертевшись на стуле, он распахнул окно, уселся на подоконник, откашлялся и:

— Ну, как вы все знаете, зовут меня Артем Короткий. Короткий — это фамилия такая. Некоторые, правда, обзываются — называют Длинным, но это не потому, что я на самом деле длинный, а потому, что фамилия у меня — Короткий! Учусь я в...

— Знаем, знаем, — невежливо перебил кто-то из мальчишек. — В седьмом «Б» ты учишься, вместе с Димкой Скобцовым, второгодником, который в нашем доме живет.

— Причём тут Скобцов, Паша, — возмущенно воскликнула одна из девчонок, светленькая, в джинсах и свитере. — Дайте же человеку договорить!

— Так вот, — бросив на светленькую благодарный взгляд, продолжил Артем. — Второгодник Скобцов тут действительно не причем, а вот название вашей... тьфу... нашей газеты мне не нравится! Ну что это за название такое — «Школьный вестник»?! Ни красоты в нем нет, ни загадочности, ни значимости особой! Предлагаю немедленно переименовать газету в эээ в... в «Нортон Коммандер»! Это и красиво, и загадочно... для некоторых, и в ногу с прогрессом!

— Ну, если в ногу с прогрессом, тогда уж — «Уин-

доуз-2000», — язвительно усмехнулся Паша, но его тут же перебили и единогласно решили, что «Нортон Коммандер» — это то, что надо!

— Рад, что мы договорились, — слезая с подоконника, скромно поклонился Артем. Эта затея с газетой начинала ему все больше нравиться.

— Теперь — следующий вопрос, — Артем картинно распахнул пиджак, засунув руки в карманы брюк. — Мне, как редактору, и вам, как сотрудникам, конечно же нужно... что?

Он вопросительно оглядел присутствующих.

— Что? — хором переспросили те.

— Чтоб нашу газету читали, вот что! А для этого... — Артем уселся на учительский стол. — А для этого нам просто необходима сенсация! И не простая, а — экс-клюдивная! Иначе нас никто читать не будет! Согласны?

— Угу! — откликнулись «сотрудники», а второй мальчик, темный, исподлобья взглянул на Артема и шепотом поинтересовался у сидевшего рядом Паши, что такое сенсация, да еще — экс-клюдивная...

— «Эксклюзивная» — это значит — только в нашей газете! Больше ни у кого, ясно? — тут же просветил приятеля Паша. Артем посмотрел на него с уважением и поинтересовался, у кого какие сенсации имеются на примете.

— Димка Скобцов вчера химичке стул чернилами облил, — радостно откликнулся темный.

— А ты, Костя, это откуда знаешь? — любопытничала светленькая девчонка, та, что в джинсах и свитере.

— Ребята в туалете говорили, большие...

— Э, стоп, стоп, стоп! — замахал руками Артем. — Сенсация — это ведь что-то такое, эдакое, необычное... А что Скобцов стул чернилами облил — так чего ж здесь необычного? Он этим регулярно занимается... Правда, интересно, где он чернила взял, спер, что ли?

— Не, это у него свои чернила были, собственные, — вежливо объяснил Костя. — Он их из дому принес.

— Н-да? Странно... Впрочем, для сенсации это все равно не подойдет, — задумчиво произнес Артем. — Что ж, давайте дальше думать!

Думали долго. До самого вечера. Перебрали все: и как тот же Скобцов подпилит ножку стола в кабинете физики, и во время урока стол со страшным грохотом завалился на пол, и как Светка Абраменко из восьмого «Г» проглотила кислотой юбку вместе с колготками, и даже как пятиклассник Мишка Уряшкин свалился на физкультуре на пол вместе с оборвав-

шимся канатом, вызвав искреннее веселье всех, рядом присутствующих.

— А он, Уряшкин этот, сильно хоть побился-то? — с надеждой в голосе поинтересовался Артем.

— Не, не сильно, — пояснил Костя. — Испугался только маленько... сам потом больше всех ржал!

— Жаль, — искренне огорчился Артем. — Вот, если б он руку сломал, или, лучше, ногу...

— Да зачем же ногу? — удивился Костя. — Уряшкин — пацан хороший!

— А я и не говорю, что плохой, — устало произнес редактор. — Только вот, с сенсациями нам что-то не очень везет... Эх... А вы что молчите, девчонки?

Восьмиклассницы переглянулись и хихикнули.

— Ну вот, еще и смеются...

— Ты не обижайся, Артем, — улыбнулась светленькая. — Мы не над тобой смеемся, а просто так, для веселья!

— Так какое ж тут, к черту, веселье? — Артем вздохнул. — Что делать-то дальше будем? Есть у кого какие предложения?

— У нас есть предложение! — выкрикнула вторая девчонка, в вельветовом костюме, с косой. — А давайте сами придумаем эту самую сенсацию... ну, раз нет ничего у нас.

Артем взглянул на нее своими продолговатыми зелеными глазами и сказал в ответ только одно слово:

— Гениально!

...Перед тем, как улечься спать, он поставил будильник на полтретьего, чтобы спокойно поразмышлять одному в ночной тишине, как и пристало всякому, уважающему себя газетчику...

А ночью ему приснился солист «АС/ДС» Брайан Джонс, верхом на пегом коньке и с блестящей саблей в левой руке. В правой он держал черный ящик с белыми буквами. «СЕНСАЦИЯ» — сумел прочитать Артем и изо всех сил побежал за поскакавшим прочь от него музыкантом. Пегий конёк скакал резво и Артем чувствовал, что бежит очень быстро, однако все вокруг как будто остановилось, замерло, зависло, словно компьютер, не подчиняясь Артеминому хотению... «Эх, уйдет!» — с сожалением подумал Артем. — «Уйдет, зараза!»

...Когда он проснулся, было уже утро. Гудели за окном проезжающие автомобили и ругался с кем-то дворник. Будильника Артем не услышал. А потому и клял себя последними словами, ибо так ничего и не придумал...

...В школьной раздевалке к нему подошел Костя. Глаза его горели синим пламенем, ноздри раздувались.

— Придумал, Артем! Придумал! — радостно сообщил он. — Сенсация!

— Тсс! — оглядываясь по сторонам, Артем приложил палец к губам. — Придумал — молодец, только зачем орать об этом на весь коридор... Пошли-ка!

Он схватил младшего коллегу за руку и потащил его к лестнице черного хода...

— Ну, выкладывай, что ты там придумал?!

— Понимаешь, я вчера к-книгу чи-читал, — заикаясь от волнения произнес Костя. — Про Лох-Несское чудовище, может, слышал?

— Слышал, как же!... Но, причем здесь чудовище?

— А к-как это п-п-причем? — удивленно воскликнул Костя. — Оч-чень даже причем! У нас ведь рядом тоже есть оз-зеро, Корольково... Да ты только послушай... — перейдя на таинственный шепот, он быстро затараторил что-то Артему на ухо, азартно сверкая глазами и заикаясь...

Главный редактор «Нортон Коммандера» с минуту слушал его молча. Затем скептическая улыбка, играющая на его губах, угадала, сменив выражением живейшего интереса, а в глазах зажглись синие искры, такие же, как и у Кости...

— Короче так, Константин, — наконец торжественно произнес Артем. — Сегодня после уроков собираемся в редакции!

— Где-где?

— Ну, в кабинете литературы, где вчера были, — тут же поправился он. — Главное, помни — никому ни слова!

— Что б меня разорвало! — тут же поклялся Костя, и коллеги, заговорщически перемигиваясь, вышли из раздевалки, направляясь к своим классам.

И пора было! Звонок на первый урок прозвенел уже давно, минут пятнадцать назад...

...Стоял погожий субботний денек, какие случаются иногда в конце сентября, прозрачный и полетному солнечный. Весело синело небо, чистое, как будто вымытое. Редкие белые облака маячили где-то далеко у самого горизонта. На ветках жимолости весело чирикали воробы.

Второгодник Димка Скобцов вяло брел по заросшим пожелтевшей осокой и кустарником пустынным берегам Королькова озера. Хотя в синем высоком небе радостно сияло солнце, народу на пляже не было — нет-нет, да и налетали откуда ни возьмись суровые порывы холодного северного ветра. Впрочем, народ-то Димке как раз был и не очень-то нужен, его больше интересовали пустые пивные бутылки. Лениво пошарив ногой под кус-

тами, Димка сплюнул, закурил «ЛМ» и, фальшиво насвистывая популярную песню «Солнышко», не торопясь направился к приземистым зеленым зданиям оздоровительного лагеря «Мотылек». Лагерь располагался прямо на берегу озера, ближайший автобус до города ожидался еще часа через два, поэтому и торопиться Скобцову никакого смысла не было. Скорее, наоборот, — нужно было хоть как-нибудь убить время, чем, откровенно говоря, Димка сейчас и занимался, не очень-то рассчитывая на добычу. Не сезон, что и говорить! Даже рыбаков нету! Пустынь!

Пройдя по посыпанной кирпичной крошкой тропинке, Скобцов выбросил в сторону окурков и свернул к пляжу. В небе одиноко горело солнце. Желтые деревья медленно роняли листву. Налетающий ветер подхватывал ее и кружил по аллеям бурным красно-золотым ураганом.

Димка поймал на лету оранжевый лист, кажется, кленовый, повертел его в руках и выкинул, доставая из пачки последнюю сигарету...

— Черт! Опять зажигалку посеял!

Выругавшись, Димка хлопнул себя руками по карманам, выругался еще раз и, услышав вдруг неподалеку на пляже чьи-то голоса, решительно направился туда. Свернув с тропинки, он нырнул в заросли склонившихся к воде ив, и... и резко остановился, пораженный открывшейся перед ним картиной.

На холодном песке было растелено тонкое покрывало, синее, в мелкий голубой цветочек. На покрывале сидели бывшие Димкины одноклассники, Наташка и Ленка, и держали в руках карты. Именно держали, а не играли. Наташка была в белых пляжных шортиках и топике, а Ленка — в ядовито-зеленом купальнике. Ничего необычного в этом, конечно, не было... если бы на улице не стоял конец сентября! Да и температура воздуха была — от силы плюс десять!

— Чокнулись! — не выходя из своего укрытия, ошарашено прошептал Димка, увидев, как из-за соседнего куста показались еще трое: нынешний его одноклассник Артем Короткий и с ним два мелких пацана в плавках.

Артем держал в руках фотоаппарат, а пацаны тащили какое-то раскрашенное сооружение из картона или плотной бумаги, напоминающее... вообще, неизвестно что напоминающее! Пройдя мимо девчонок, мелкие пацаны вместе с непонятной штуковиной подошли к озеру и нерешительно остановились у самой воды.

— Ну, что же вы? — держа наготове фотоаппарат, крикнул им Короткий.

Пацаны молчали.

— Может, без водной сцены обойдемся, а, Артем? — тихо поинтересовалась Наташа.

Артем устало пожал плечами:

— Можно, конечно, и обойтись, — сухо произнес он. — Но достоверности не будет!... Эх, ладно, сам пойду! — добавил он, с минуту подумав. — Паша, держи камеру! А ты, Костя, быстренько очисти пляж от листьев, понял?

— Что, весь пляж?

— Да не весь, балда, а только тот кусок, что в кадр влезет!

Чертыхаясь, Артем быстро разделся и, прихватив с собой странную штуковину, осторожно вошел в воду.

— У-у-у-у! — сразу же затрясся он.

— Что, холодно?

— Да уж, не жарко!

Зайдя по колено, Артем бережно опустил на воду штуковину. Димка ахнул, настолько здорово эта штука была похожа на хвост огромной щуки! Слово рыба-монстр на минуту показалась на поверхности, чтобы, взмахнув мощным хвостом, скрыться в глубокой пучине.

— Так, Паша, смотри, чтобы все влезло в кадр! — между тем командовал изрядно уже продрогший Артем. — Влезают?

— Угу!

— Ну, так снимай же!... Стоп! Наташа! Ну какого ж черта ты пялишься в объектив? Ну я же говорил: в объектив смотреть не надо! Побольше естественности! Эх, жаль, народу у нас маловато... Ладно... Костя, давай сюда плавник!

— Ну, черти! — не выдержав, Димка Скобцов вышел из-за кустов и небрежной походкой направился к ребятам:

— Приветик! Что, рыбу ловите?

Его неожиданное появление вызвало у членов редакции «Нортон Коммандер» такую же реакцию, какую вызвало падение курса рубля 17 августа 1998 года у большинства жителей России. Страх! Ужас! Панику!

Главный редактор Артем Короткий так и застыл, стоя в холодной воде. Паша, Костя и Ленка буравили незваного гостя тройным ненавидящим взглядом. Сенсация, похоже, грозила обернуться полным провалом...

— Здравствуй, Скобцов, — нелюбезно произнесла Наташа, накидывая на плечи куртку. — Ты чего здесь ошиваешься?

— Так, мимо проходил... У меня старшая сестра здесь летом вожатой работала, — усмехнулся Димка. — Дай, думаю, зайду... Гляжу — вы тут загораете...

— Ну и шел бы себе мимо!

— Иди, иди!

— Здорово вы хвост сделали, — усаживаясь на короточки, произнес Димка. — Издалека ну ничем от настоящего не отличишь, честное слово!

— Правда?! — обрадовано переспросили девчонки. Над хвостом потрудились именно они, изведя несколько листов ватмана, пачку гуаши, лак и полбанки растворимого кофе, которое употребляли в процессе работы.

— Правда, правда, — уверил их Димка. — А вот плавник у вас гораздо хуже получился... Несуразный какой-то... Да вы сами-то не видите, что ли? Он осторожно поднял с песка картонный плавник и тонном бывалого рыбака принялся рассказывать Пашке и Косте о том, какие на самом деле бывают плавники, о щуках, налимах, карасях и разных прочих рыбах.

Тем временем Артем оделся, тихо пошептался с девчонками, махнул рукой и предложил Скобцову оказать посильную помощь редакции, при условии, естественно, полной и всепоглощающей тайны. Надо ли говорить, что Димка с радостью согласился?

...Через неделю вся школа гудела. Переговариваясь и смеясь, шли по коридорам мальчишки и девчонки, шныряла под ногами мелюзга, не торопясь, шествовали учителя и старшеклассники. В этот день у всех них была одна дорога! Третий этаж, второй поворот налево. Там, напротив витрин кабинета биологии, между выставкой прошлогодних рисунков и портретом французского математика Анри Ферма, на стене, выкрашенной в сиротский желто-серый цвет убогой густотертой краской, висел пилотный номер «Нортон Коммандер'а», исполненный на четырех листах ватмана в строгой черно-красной гамме. Первая страница была посвящена учебным проблемам, ее никто не читал, последняя — страстно зывала к истории культуры и находила такое же количество читателей, что и первая. Зато странички вторая и третья... «Щука-людоед в Корольковом озере!» — кровавыми буквами давал по мозгам заголовок. «Восемь жертв только за одно лето! Двое укушенных и шестеро пропавших без вести!» — добиwali пулеметные строчки абзацев. Идущая ниже статья, принадлежащая перу главного редактора, сразу же брала читателей за горло:

«В начале августа этого года череда страшных событий кровавым вихрем смерти пронеслась в районе Королькова озера, вызывая ужас у тех, кто, волею злой судьбы оказался в описываемое время

в данной невеселой местности. Многие, вероятно, помнят двух утонувших мальчишек из лагеря «Мотылек» (такой случай действительно был, о чем Артему рассказал Димка Скобцов, так как сам редактор «в описываемое время в данной невеселой местности» не находился, будучи отправленным на все лето к бабушке в дальнюю деревню Кошмаркино) «...но никто не может сказать, что близко видел их истерзанные трупы!» (трупы действительно никто не видел, ни близко, ни далеко, потому как озеро имело сильное подводное течение, и поиски утонувших успехом не увенчались). «...Да, да, уважаемые господа читатели, именно — истерзанные! Иначе не назовешь то, что осталось от этих человеческих тел! Сдернутая кожа, волочащиеся по земле кишки, руки и ноги со следами зубов! Даже видавшие виды сотрудники милиции плакали, как дети! Рыдали видавшие виды врачи-патологоанатомы, а видавшие виды спасатели скорбно разводили руками...» (Выражение «видавшие виды» очень нравилось Артему, он его когда-то давно вычитал в одной из «желтых» газет и сейчас беззастенчиво использовал на полную катушку!) «...Местный житель дед Мефодий темным дождливым вечером рассказывал сотрудникам редакции «Нортон Коммандер» о том, как забрёл как-то ночью на Корольково озеро в поисках пропавшей коровы. «Дул сильный, насквозь пронизывающий ветер, нагоняя тяжелые тучи, — рассказывал дед Мефодий. — И серебряная луна освещала волнующуюся поверхность озера теряющимися потусторонними бликами. В этот момент я увидел свою корову Бурёнку. Несчастливая, она стояла в воде около берега, в глазах ее была тоска, на рогах — осока. Обрадованный, я пошел к ней, намереваясь отвести домой, как вдруг бушующие волны разверзлись, и чья-то огромная черная тень вылетела из воды стремительной фашистской торпедой. Лязгнули зубы. Дико замычала Бурёнка... Замычала и исчезла навсегда в глубокой пучине, утащенная неизвестным науке чудовищем! И только кровавое пятно растеклось по воде в том месте, где только что была моя Бурёнушка!» — с этими словами дед Мефодий зарыдал, уронив голову на руки. Треух его со звоном упал на пол, морщинистая, видавшая виды, шея задрожала мелкой, бьющейся через край, дрожью...» (Как могла дрожь биться через край, Артем не знал и употребил это выражение исключительно для красоты, так же не знал он и что такое треух, однако, предполагал, что это что-то навряд портсигара, потому и упал он «со звоном»)...

— Я узнал, узнал это подлое чудовище! — сквозь

слезы выкрикнул этот суровый, выдавший виды, старик.

— Кто же это был, дедушка Мефодий? — волнуясь, спросили мы.

— Это была огромная щука! — ответил мудрый старик и снова заплакал».

Дальше шли обведенные в черные рамки снимки, которые, по замыслу редакции, должны были значительно усилить произведенное гнетущее впечатление. (И, надо сказать, они его усиливали!).

На фотографиях были изображены события, якобы происходившие нынешним летом на Корольковом озере, а именно:

во-первых: огромная, во весь снимок, заросшая бородищей физиономия с застывшим взглядом профессионального алкоголика и подписью «Дед Мефодий». (Эту фотографию Артем привез из деревни Кошмаркино, изображала она известного тамошнего пропойцу Степана Рюшкина по прозвищу «Козий рог». Никаких домашних животных, кроме тараканов, у Степана отродясь не водилось. Щукалюдоед, впрочем, вполне могла ему привидеться, но только после определенного количества выпитого спиртного).

Во-вторых: группа загорающих ребят и девчонок, безмятежно играющих в карты на пляже и старательно прячущих лица (в которых мало-мальски придирчивый взгляд сразу бы признал членов школьной редколлегии).

В-третьих: эта же группа, но уже стоящая спиной к фотографу и указывающая пальцами на волнующуюся поверхность озера, где метрах в трех от берега смутно угадывался чей-то огромный плавник.

В-четвёртых: Димка Скобцов, мокрый и какой-то жалкий (видимо, от холода). Позади него четко виднелся щучий хвост самых устрашающих размеров.

«Этот человек мог бы стать жертвой чудовища!» — скромно указывали ярко-зеленые уродливые буквы.

«Но он вовремя заметил опасность!» — радостно поясняли те же зеленые уродцы под другим снимком, изображающим улыбающегося Димку на фоне удаляющегося к середине озера плавника.

«А они не успели!» — удручались буквы под нечеткими изображениями каких-то полусгнивших трупов. (Трупы эти Артем старательно переснял из прошлогоднего номера «Криминального огорода»).

Тема номера заканчивалась целым набором предложений по поводу поимки и уничтожения кровавого монстра. Все они, начиная от заброски озе-

ра глубинными бомбами и кончая устройством в нем свалки токсичных отходов местного химкомбината, были выделены в отдельную рамочку и имели многозначительное примечание: «Направлены на рассмотрение мэрии»...

* * *

«Нортон Коммандер» заимел авторитет. Особенно прославился Скобцов, как несостоявшаяся жертва, ну и, конечно, редактор, Артем Короткий. Его статью о коварной щуке перепечатали на своих страницах несколько популярных местных журналов: «Криминальный огорода», «Интим-клуб» и «Счастливый быт». Несмотря на непохожие названия, журналы эти по жизни занимались одним и тем же: пудрили мозги не слишком умным читателям, охочим до подобных «сенсаций»... Артема, впрочем, это мало волновало.

Он купался в славе...

...Дня через три восходящую звезду журналистики вызвал к себе директор. Прямо во время урока.

— Видно, хочет автограф взять! — ловко уворачиваясь от указки учителя шепнул Скобцов.

Артем усмехнулся, и, пройдя по коридору, весело забарабанил в директорскую дверь... После беседы, продолжавшейся минут десять, настроение его резко упало. Выйдя из кабинета, Артем сел на пыльный подоконник и тупо уставился в окно. Холодные капли начавшегося дождя терзали грязные осенние лужи. На скользком заборе сидели мокрые нахохлившиеся воробьи. Над забором уныло повисли угрюмые серые тучи. Стая ворон деловито делила добычу — недавно сбитую машинной кошке.

Главный редактор «Нортон Коммандера» смотрел на все это безобразие грустными, продолговатыми глазами и шмыгал носом.

— Ты чего это? — удивленно спросил кто-то. Артем оглянулся и, увидев Скобцова, быстро отвернулся. Скобцов не уходил. Наоборот, уселся рядом и уставился на Артема синими своими глазами.

— Выгнали вот, — тихо пояснил он, поставил ногу на батарею и независимо сплюнул на пол.

— И меня вот... тоже... — еле слышно прошептал Артем. — Выгнали... из редакторов...

— Да ты что! — Димка хлопнул себя руками по затылку джинсой коленкам. — Расскажи, что случилось-то?

— А чего рассказывать? — удивился редактор и всхлипнул. — Короче, захожу к директору, а он... — Артем проглотил комок в горле. — А он говорит,

знаю ли я, что какая-то там австрийская фирма собиралась строить мотель на берегу Королькова озера и как это выгодно городу, потому что рабочие места, отчисления в бюджет и все такое прочее... Я, конечно, сказал, что знаю... Кто ж этого не знает, когда реклама в каждой газете и по телику... Так он в ответ сказал, что всё... строить у нас мотель фирма больше не собирается! И знаешь, кто, оказывается, в этом виноват?

— Ну?

— Я! Вернее, мой материал о щуке!

— Ты? — Димка опешил и неожиданно засмеялся. — Это что же, те австрийские фирмачи нашу стенгазету прочитали? Щуки испугались, бедненькие?

— Да нет, — Артем махнул рукой. — Статью-то многие издания перепечатали... правда, каждый по своему...

— Это, интересно, какие еще издания? — Скобцов спрыгнул с подоконника и презрительно упер руки в бока. — Это всякие там «Криминальные огордонники», что ли?

— Ну... У них тиражи знаешь какие?

— Плевать на их тиражи! — не на шутку рассердился Скобцов. — Это мы, значит, пошутили, сделали статью, фотки тиснули, а эти козлы, безо всякого спроса, ее растащили... по газетёнкам своим желтым... А мы, значит, виноваты?! Мх-х! Это ради этого-то мы в холодной воде мерзли? Щуку клеили? Я, между прочим, до сих пор кашляю! Да они, сволочи, нам теперь по жизни должны! А австрийцы эти... Так надо сначала узнать, где они про щуку вычитали, а потом уже наезжать! Щас я ему так и скажу! Щас!

Не слушая никаких возражений, разъяренный Димка пулей ворвался в кабинет директора школы и с силой захлопнул за собой обитую потертым дерматином дверь...

Через пару минут он выглянул и, подмигнув нервно вышагивающему по коридору редактору, поманил его пальцем:

— Заходи!

...Вместе со звонком Артем и Димка вышли из кабинета с видом победителей. Ещё бы! Директора школ далеко не каждый день извиняются перед учениками!

Из разрывов туч выглянул вдруг тоненький солнечный луч, отразился от голубеющей лужи, ворвался в окно сверкающей золотой стрелой, светлым напоминанием об ушедшем лете... Выглянул, пролетел и угас, поглощённый слякотью и дождем. На дворе-то, всё-таки, была осень. Медленно кружась, опалили с деревьев и кустарников

последние листья, улетели на юг птицы, только лишь хмуро чирикали сидящие на проводах воробьи. Все чаще дул северный ветер, холодало, и по утрам морозец прихватывал лужи блестящим ледовым панцирем...

История со щукой медленно отходила в прошлое. Может быть, никто и не вспоминал бы ее, если бы... если бы... Ведь, все-таки, именно благодаря ей «Нортон Коммандер» получил известность далеко за пределами школы, именно благодаря ей его редакция приобрела нового сотрудника — Димку Скобцова! Кроме того, именно благодаря ей сам главный редактор обзавелся новым прозвищем, которое дала ему завуч, Марья Петровна, — с некоторых пор официальный цензор газеты. Так она звала его теперь даже на уроках, не издевательски, а любя. Артем быстро привык к новой кличке и даже, бывало, ждал, когда младшие ребята, узнав его, закричат вслед нестройным хором:

— ЖУР-НА-ЛЮ-ГА!!!

— Йес!!! — оборачиваясь, подмигивал им Артем, и шел дальше свободной походкой человека, кое-что значащего в этом непростом мире. В душе его ликующе пели «АС/ДС», а в школе ждали девчонки, Димка Скобцов и Костик с новыми идеями...

P.S. А мотель австрийцы все-таки построили.

Сергей СМИРНОВ,
Екатеринбург

САМАЯ РУССКАЯ

Прошло более трех лет, как я в первый раз надел маску и по команде судьи: «Начали!», побежал, пригибаясь между деревьями и стреляя во все, что движется.

Теперь руки уже не трясутся, и нет того сумасшедшего выброса адреналина в кровь, но любовь моя к пейнтболу не только не ослабла, но переросла в чувства постоянные и осмысленные.

Общепринятое мнение считает родоначальницей пейнтбола Америку середины шестидесятых годов — самый расцвет холодной войны, когда спецподразделения и элитные части войск США начали проходить спецтренировки по короткому огневому контакту, используя для этой цели пневматическое гладкоствольное оружие, стреляющее шариками с краской.

На самом деле пейнтболу 120 лет, родина его — Франция, а отцы-основатели — изобретатель Гюстав Реклю и майор французской армии Марк Абель Дюруа.

Французская армия в середине девятнадцатого века вела в северной Африке примерно такие же

спецоперации по борьбе с террористами, как сегодня федеральные войска России ведут в Чечне. Легкая французская пехота, зуавы, несли при «зачистке» тамошних населенных пунктов огромные потери. В 1875 году Дюруа направил начальству рапорт с проектом организации обучения «ударных отрядов» на макетах городков и деревень. Проект был пущен в ход и дал неплохие результаты, о чем достаточно широко писалось во французской прессе. Именно из газет Гюстав Реклю узнал об этом проекте, и ему пришла в голову идея использовать на подобных учениях вместо неподвижных чучел и боевого оружия специальные «краскометы» во «встречных боях» нескольких групп обучающихся пехотинцев.

Через два года по настоятельным ходатайствам Дюруа Министерство обороны заказало Реклю пятьдесят «краскометов» для обучения частей зуавов в Лангедокских лагерях.

АМЕРИКАНСКАЯ ИГРА

Собственно, маркером в современном понимании этого слова, была только вторая модель краскомета, имевшая индекс 2-76. Именно она первая в мире стреляла шариками с краской. Маркер был создан на основе охотничьего ружья, заряжался с казенной части по два шарика и взводился газовым рычагом (примерно как современные пневматические винтовки). Дальность стрельбы была около 30 метров.

Еще через два года Дюруа использовал уже 120 комплектов маркеров, обучая стрелков в три смены. Для закачивания краски в шары были выделены две инженерные роты, а учения проводились теперь на макетах городов Эльзаса и Лотарингии, захваченной у французов Германией в 1870 году.

Пиком развития пейнтбола в прошлом веке стал 1881 год, когда в показательных учениях на макетах алжирских городов участвовало 210 зуавов, а за боем наблюдали командующий Южным военным округом, офицеры Генерального штаба и армии, курсанты Военной Академии Сен-Сир и несколько русских офицеров, как союзники Франции.

Наши соотечественники проявили к пейнтболу неподдельный интерес и попытались перенести новшество в боевой подготовке на нашу почву. Однако российский генералитет отнесся к пейнтболу с пренебрежением, и все попытки энтузиастов внедрить «войну краской» в обучение русских солдат быстро закончились ничем.

Вскоре и во Франции произошло охлаждение к пейнтболу, программы были свернуты, оборудование передано в музеи.

Гюстав Реклю основал собственную фирму «Пневматик де Реклю» и успешно действовал на рынках Европы. Был дружен с Жюлем Верном, выступал техническим консультантом для нескольких книг последнего, в том числе и по пейнтболу. Умер уважаемым, обеспеченным инженером в 1908 году.

Дюруа в чине майора был награжден Орденом Почетного Легиона за участие в Алжирской компании, вышел в отставку в 1892 году, умер в 1903.

В начале двадцатого века пейнтбол использовали нацисты для тренировок парашютистов диверсионно-разведовательных спецподразделений.

Не хуже Отто Скорцени играл в пейнтбол и Джеймс Бонд, что подтверждается в начале фильма «Живые огоньки» с Тимоти Далтоном в главной роли.

Однако еще лучше — приехать самим в пейнтбольный клуб, переодеться в камуфляж, одеть маску, взять маркер, 100-150 шаров и оттянуться вволю, расстреливая друзей и знакомых в непримиримом поединке без пощады, чтобы лишний раз убедиться: независимо от реального возраста, все мы — просто мальчишки.

к 300-летию Уральской металлургии

Второй Межрегиональный фестиваль-конкурс юных дарований «Алмазные грани»

Организаторы конкурса: Министерство культуры Свердловской области, благотворительный фонд «Дети России». Соорганизатор конкурса Уральский филиал развития прессы.

Литературные номинации:

1. «НАСЛЕДИЕ»

История и современность, лица и судьбы, богатство и красота родного края в Ваших произведениях в жанре прозы и поэзии.

2. «ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО»

Новое поколение, юные журналисты XXI века, мы ждем Ваши публикации на страницах региональной прессы обо всем, чем необычен тот уголок Земли, в котором Вы живете.

Все участники конкурса подразделяются по возрастным группам: до 7 лет, с 7 до 12 лет, с 12 до 16 лет. Подведение итогов фестиваля состоится в мае 2001 года на Гала-концерте, где пройдет награждение и демонстрация конкурсных работ.

Конкурсные работы принимаются до 1 мая 2001 года по адресам:

Благотворительный фонд «Дети России»

Почтовый адрес: 620002, г. Екатеринбург, К-2, а/я 30. Благотворительный фонд «Дети России»

Телефон для справок: (3432) 74-25-58, 74-28-15 (Координатор Дудырева Марина Сергеевна)

E-mail: unionmet@ural.ru

Редакция журнала «Уральский следопыт»

Почтовый адрес: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов 67, Редакция журнала «Уральский следопыт»

Телефон для справок: (3432) 22-45-01

E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com

Редакция журнала приносит свои извинения автору и читателям за допущенную в прошлом номере ошибку в материале Александра Трофимова «Голубцовы и Мусоргский».

Подписи под фотографиями должны были быть такие:

В.В. Голубцов-старший

М.П. Мусоргский
Фото с дарственной надписью

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

2'2001

Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Игорь КОЛЕСНИКОВ
(директор)
Олег ВОДОПЬЯНОВ
(зам. директора, редактор)
Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор,
компьютерная верстка)
Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)
Дмитрий БАХТЕРЕВ
(Интернет-версия журнала)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЕВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
автора статей.

000 «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности на
логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Росвязьинформа».

Подписано к печати 10.03.2001
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1 500. Заказ № 323
Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять редакции журнала
«Уральский следопыт».
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести».
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Рисунок на обложке
Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Цена свободная.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 2-2001

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Камень Омутной

Вот как описывает это место в очерке «Бойцы» Д.Н. Мамин-Сибиряк:

«Пристань Кашка рассыпала свои домики на левом берегу Чусовой, на низкой отлогости, которую далеко заливает вешняя вода. Вид на пристань чистенький и опрятный. Напротив селения правый берег Чусовой поднимается крутым каменистым гребнем, течение суживается, образуя очень опасный Кашкинский перебор. Здесь вода шумит со страшной силой, и барки летят мимо пристани, как птицы. Падение реки здесь настолько сильно, что заметно простым глазом: река катится прямо под гору. Таких мест в гористой части Чусовой немало, и река в них играет с особенной яростью.

— На что в межень — и то по Кашкинскому перебору, пожалуй, не вдруг в лодке проедешь, — объяснял Савоська. — Того гляди, выворотит вверх дном... Сердитое место».

Владимир ТРУСОВ

Вид на реку Чусовую с вершины камня Омутного. Фото Евгения САВЕНКО

